

Хроники Демонолога

П. Пушкин

П Пушкин

Хроники Демонолога

«Автор»

2026

Пушкин П.

Хроники Демонолога / П. Пушкин — «Автор», 2026

Я видел крушение своего мира. В тот день, когда Прилив разорвал небо и демоны хлынули в реальность, судьба человечества изменилась навсегда. Мир пал. Но люди не сдались — из крови и стали восстали города-крепости. Я был в числе их создателей и думал, что меня уже ничем не удивить. Пока однажды не очнулся в огне. В чужом теле. В другом мире. Лишённый силы, но не Воли. Здесь демоны тоже выходят на охоту, когда над головой восходит Красное Солнце. Но этот мир не пал. Боги даровали людям Свет и дорогу Возвышения. В небесах парят летающие корабли. Звери впитывают энергию Потока. Я понятия не имею, как всё это работает. Но безумно хочу разобраться. Я — Александр Искра, демонолог десятого ранга, декан факультета изучения инфернальных сущностей. И это моя история.

© Пушкин П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2.	11
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	29
Глава 6	34
Глава 7	40
Глава 8	46
Глава 9	52
Глава 10	58
Глава 11	64
Глава 12	70
Глава 13	76
Глава 14	82
Глава 15	88
Глава 16	94
Глава 17	100
Глава 18	105
Конец ознакомительного фрагмента.	110

П Пушкин

Хроники Демонолога

Глава 1

Я ещё не открыл глаз, а тело уже кричало от боли. Спина, живот, ноги — всё слилось в один горячий, пульсирующий комок. Ритмичные удары в затылке, казалось, вот-вот расколют череп. По обонянию ударил запах гари. Он заполнял всё пространство, драл горло и мешал дышать. Воздуха настолько не хватало, что грудную клетку свело резким спазмом. Приступ кашля сотряс тело, вызвав новую вспышку боли.

Я инстинктивно потянулся к своей силе и ничего. Пустота. Ни малейшего следа Инферно. КАК?! Это невозможно!

Вокруг царил темнота. Попад в непонятную ситуацию, человек первым делом пытается осмотреться, так уж распорядилась эволюция. Со мной этого не произошло. Почему? Я ослеп?

Руки зашарили по лицу и наткнулись на бугристую корку. Она хрустела и ломалась под пальцами, неприятно прилипая к коже. Ощущение было знакомым: я не ослеп, просто ресницы слиплись из-за крови.

Пальцы с трудом подчинялись мысленным командам. Каждое движение вызывало маленькая вспышка боли. Тело умоляло остановиться, дать ему передышку, но я продолжил упорно вычищать кровавые сгустки из ресниц: мне было слишком важно понять, какого хрена происходит.

Что с моей лабораторией? С учениками? Ничего не помню

Наконец мне удалось разлепить один глаз. Темнота отступила, но ситуация от этого яснее не стала: вокруг танцевали языки пламени. Они облизывали какие-то ящики, бочки, канаты, деревянные опоры — то, чего не могло быть в моей лаборатории. Неподальку валялось, пробив дыру в стене, нечто, похожее на средневековую пушку? Остальное терялось в дыму. Откуда-то сверху доносились выстрелы, топот, крики, звон стали, знакомые до тошноты вопли демонов. Пол едва заметно покачивался или это у меня так голова кружится?

— Нужно отсюда выбираться, — произнёс я и снова зашелся в приступе кашля.

Тело отказывалось двигаться. Не из-за боли — с этой старой подругой я бы справился — а потому что в мышцах не осталось силы. Попытка подняться провалилась: рука подломилась, стоило на неё опереться, пресс не смог сдвинуть тело. И так раз за разом. Да и вообще всё тело ощущалось каким-то чужим, непривычным, тяжелым, слабым.

Пожар подбирался всё ближе. Жар давил, словно обладал реальным весом. Я чувствовал его щеками, веками, всем телом. Одежда, ставшая неожиданно тяжёлой и душной, прилипла к коже. В воздухе появился тонкий сладковатый аромат. До меня не сразу дошло, что это, а когда мозг всё-таки смог подобрать правильный ответ, я рефлекторно содрогнулся от омерзения.

Пахло мной.

Волосы на голове и брови потрескивали, скручиваясь под действием жара. Ещё немного — и они вспыхнут, а вслед за ними начнет обугливаться плоть.

Я кое-как перевернулся на живот и пополз, цепляясь пальцами за лакированные доски; подтягивал ноги под себя и толкался, как лягушка; с силой втягивал воздух в легкие, хотя организм кричал и сопротивлялся.

Тело двигалось неохотно, словно засевавший в песке корабль, но я сражался за каждый сантиметр, и пролом постепенно приближался.

Треск! Грохот! Удар!

Палитра боли расцвела новыми оттенками. Звон. Слабость. Тошнота. Окружение поплыло, отдаляясь и темнея. Я пытался удержать сознание, но силы оказались неравны.

Безвременье.

— Ну что, Саня, какие планы? — раздался голос Макса.

Друг сидел, развалившись в шезлонге, и покачивал початой бутылкой «Вудфорда». На наши голые ноги лениво накатывали, неся мелкий мусор после дождя, волны озера. Тем не менее, вода казалась теплой, как парное молоко, почти горячей — типичная ситуация для конца лета.

— Универ, — ответил ему в той же манере. — Уже подал документы на «Архитектуру».

Руку приятно холодила банка с газировкой. Щёлкаю кольцом, отхлебываю — жидкость щекочущей волной прокатывается по горлу.

— А ты?

— Экономика. Ты же знаешь моего бату: вбил себе в голову, что я должен пойти по его стопам, — без особого энтузиазма поделился друг.

Я только усмехнулся, покачав головой. Мне бы его проблемы: отца — состоятельного банкира, требовательного, но душевного дядьку; девушку из того же круга — красивую, модную, вечно зависающую в соцсетях; тяжелейший выбор между МГУ и ВШЭ. Если задуматься, как мы вообще друзьями стали, учитывая такие разные судьбы?

— Завязывай ныть и научись уже ценить то, что имеешь, — заявил я максимально прямо.

— Да знаю я, знаю. — Он приложился к бутылке. — Просто иногда не знаю так тошно становится.

— Тошно — это когда жрёшь перемороженную курицу и гадаешь, отравишься или на этот раз пронесёт, — щедро поделился с ним жизненной мудростью. — А ты просто разобаться не можешь, чего хочешь. Обычный кризис самоопределения.

В ответ раздался скептический хмык.

Не стал ему ничего доказывать: всё уже говорено много раз. Это его жизнь — пусть сам решает. Вместо этого я воткнул банку в песок и поднялся.

— Что-то совсем жара замучила. Окунёмся?

— Не-а, — отрешённо откликнулся друг.

Судя по виду, он опять загнался. Ну пусть подумает — лишним не будет.

— Как знаешь.

Озёра в Ленинградской области — это то ещё издевательство. Идёшь-идёшь, а воды едва по пояс; вокруг вьётся мошкара, жужжат слепни. Не выдержав, я просто плюхнулся животом вниз. Вода сомкнулась над головой, но на такой глубине её температура мало отличалась от воздуха, буквально на градус-другой. Вынырнув, заработал руками, отплывая подальше.

Внезапно меня накрыло ощущение неправильности. Я не сразу осознал, что изменилось: мозг отказался верить собственным глазам.

Вода она стала красной. Цвета крови, но, к счастью, не ею самой. Я зачерпнул и вылил её обратно — обычная озёрная вода, почему-то сменившая цвет.

Моя рука Я знал, что она белая, с синими прожилками вен, и её красный оттенок вызывал глубинное неприятие.

Небо клубилось багрово-чёрными облаками. Солнце превратилось в красный диск, и свет, который оно изливало, был того же пропитанного кровью оттенка. Мир изменился, словно я провалился в Преисподнюю.

— Серёга! — вырвал меня из ступора голос Макса. — Вылезай оттуда!

Я повернулся.

Друг стоял на берегу увязнув ногами в красном песке, и махал руками, как сумасшедший. На фоне шелестели алые деревья с чёрной листвой.

Тревога вспыхнула остро, разом схватив когтями за сердце — и я рванул из воды, загребая руками и бешено отталкиваясь ногами от дна. На берег вылетел с такой скоростью, словно за мной гнались все чудовища мира.

— Ты тоже это видишь, или я вконец допился? — Макс схватил меня за плечо.

— Всё красное, как в дерьмовом хорроре, — хрипло подтвердил я, пытаюсь отдышаться.

— Не скажи, спецэффекты вполне на уровне, — усмехнулся друг, но вышло криво и совершенно фальшиво. — Может, это Толстый развлекается? Сыпанул чего, пока мы отвернулись.

Теория звучала дико, но лучше, чем сюрреалистический кошмар вокруг. К тому же, неестественно расширенные зрачки друга придавали веса его словам. Вот только разум, тварь такая, сразу подкинул несостыковку.

— Куда? В закрытую банку «Колы»?

Макс пожал плечами.

— Хрен знает. Иголкой проткнул или типа того.

Воздух разрезал истошный женский крик. Я бы узнал этот голос из тысячи.

— Ирина! — не помня себя, рванул вверх по склону, к палатке, видневшейся между деревьями.

Нога предательски скользнула по влажной земле, гравий ударил в колено и ладони, рассекая кожу до крови, но уже через секунду я выскочил на поляну, которую мы выбрали для отдыха.

Мир раскололся.

Мозг выхватывал из него лишь отдельные фрагменты: какая-то тварь, похожая на шипастого червяка с мясистыми лепестками вместо головы и человеческой челюстью, пыталась обглодать Толстому лицо; Стас и Жека, вооружившись ножами и шампурами, пытались отогнать клубок шипящих щупалец с глазами; многоножка из человеческих голов с перекошенными лицами повалила сестру на землю, Ирина успела закрыть лицо руками, но острые трехугольные лапы резали и протыкали всё остальное.

Кровь ударила в голову. Сам не понял, как в моих руках оказалась электропила. Острая цепь вгрызлась между сегментами.

Головы синхронно распахнули глаза.

КРИК!

Звуковая волна врезалась в меня с чудовищной силой — внутренности сжало и перекурило. Голову сдавило, будто в тисках. Мир наклонился и поплыл, в руках поселилась дрожащая слабость. Движение цепи мгновенно потащило пилу в сторону: оглушённый, я слабо понимал, что происходит, и продолжал по инерции вдавливать кнопку.

Ситуацию спас Макс — именно его руки легли поверх моих, вернув инструмент на место. Во все стороны полетела чёрная вязкая кровь и рваные ошмётки плоти. Воздух превратился в помой. Тухлое мясо, раскалённый металл, переспелые фрукты — всё смешалось в одну вонючую кашу, которая мешала нормально вдохнуть.

Пила билась в руках, с трудом прогрызаясь сквозь тело твари. Я закричал. Не что-то конкретное, нет — из горла вырвался вопль ярости и ненависти. Все силы ушли в рывок и многоножка порвалась. Две половины, судорожно скручиваясь и извиваясь, повалились на землю в предсмертной, как мне хотелось верить, агонии. Пинком отшвырнув их прочь, я бросился к сестре.

Ирина лежала на боку в позе эмбриона. Её тело покрывали глубокие порезы и раны. Из-за огромного количества крови было совершенно непонятно, сколько их на самом деле.

— Я здесь. Держись, сестрёнка, — трясущимися руками я коснулся её волос. Зачем? Сам не знаю. Потерять единственного родного человека было страшно просто до безумия.

Какая-то сила дёрнула меня вверх, поднимая на ноги. Бешеным взглядом натыкаюсь на лицо Макса, его губы двигаются, но я ничего не слышу из-за звона в ушах.

— Пусти! Я должен ей помочь! — пытаюсь вырваться, но друг держит неожиданно крепко. Его руки сдавливают плечи с мощностью гидравлических тисков. — Да что тебе надо, мать твою?!

Голос Макса с трудом, словно далёкое эхо, пробился сквозь звон:

— Очнись.

Чего?

— Очнись.

Что за хрень он несёт? Мне нужно срочно отвезти Ирку в больницу.

— Очнись.

Да какого хрена он до меня докопался?! Не выдержав, я резко впечатал голову ему ровно в переносицу. Хруст. Тьма.

Реальность возвращалась запахом гари, треском пламени, острой болью в спине и затылке. Кое-как открыв слезящиеся глаза, я убедился, что по-прежнему нахожусь непонятно где, в окружении огня и дыма. Наступление апокалипсиса мне лишь привиделось, а жаль я бы хотел вернуться в тот день. Стольких ошибок можно было избежать, стольких людей спасти. Увы, прошлого не изменить. По крайней мере, я не нашел способа, несмотря на всё разнообразие демонических способностей.

Спину болезненно припекало, по лицу стекали мутные капли пота, заставляя моргать и морщиться. Грудная клетка, придавленная тяжестью, с трудом втягивала драгоценные капли воздуха.

Забавно. Я всегда знал, что смерть от старости мне не грозит, но почему-то представлял её как-то более осмысленно, что ли. Умереть на последней линии обороны, защищая один из последних очагов цивилизации — вот это достойно демонолога десятого ранга. Погибнуть во время опасного эксперимента, раскрывая тайны Инферно — конец, который я подсознательно ожидал. Сгореть заживо непонятно где и неясно за что — какой-то стыд. Надеюсь, никто никогда об этом не узнает.

Я попробовал пошевелиться, но упавший кусок потолка, зажатый балкой, держал намертво. Да и сил, говоря откровенно, уже ни на что не осталось. Странно, что я вообще пришёл в себя, учитывая явный недостаток воздуха и нарастающую гипоксию. В голову закрадась предательская мысль: «А что, если закрыть глаза и просто уснуть? Это, по крайней мере, безболезненно»

Стоп, что?!

Какого хрена в голову лезет это слабовольное дерьмо? С чего вдруг я развесил сопли, как слюнявый новобранец? Никогда не сдаваться! — таков мой путь. Даже если весь мир против, даже если кончились силы в руках и тело кричит, через «не могу», через боль и страх, преодолевая предел, идти вперед — это сделало меня Александром Искрой.

Перед лицом покачивался, гипнотизируя взгляд, толстый канат. Выбрав нужный момент, ловлю его и тяну, но грубое волокно скользит в крови. Нужна надёжная фиксация. Выбираю слабинку, наматывая канат на предплечье — каждый виток с максимальным доступным усилием, до онемения. Добираюсь до точки максимального натяжения.

Рывок! Не рукой — всем весом, каждой доступной мышцей. Доски едва заметно дёргаются. Мало! Нужно больше! Собрать последние капли сил и вложить их в рывок! Сейчас!

Скрип. Хруст.

Я не сразу понял, что происходит. Лишь когда силуэт пушки начал заваливаться, до меня дошло: второй конец каната ведёт к её лафету. Я не смог вытащить себя из-под завала, однако каким-то чудом нарушил равновесие погребённого под обломками орудия весом в несколько сотен килограммов, и теперь оно медленно вываливалось наружу, а значит

По канату пришёл чудовищный рывок. Плечо с ослепительной болью щёлкнуло, вылетев из суставной сумки. Тем не менее, колоссальная сила потащила меня за собой вместе с досками и всем, что встретилось по пути. Я словно угодил внутрь тёрки — дерево впивалось со всех сторон, так и норовя угодить в глаз.

После очередного удара перед глазами всё поплыло. Мелькнула темнота пролома — и вот я падаю. Драгоценные мгновения свободного падения, когда пожар остался позади, а приземление ещё не наступило.

Удар! На миг я подумал, что о бетон, но нет — вода. Всё-таки высота оказалась не так велика, чтобы переломать мне все кости.

Канат на руке тянул за собой, вниз, в глубину. Вокруг царил чернильный мрак, разбавленный алыми отсветами пожара. Слабыми пальцами я попытался распустить собственноручно накрученные кольца, но те цеплялись друг за друга и впивались в кожу. Нихрена не получилось!

Вокруг всплывал какой-то мусор. Перед лицом мелькнул тёмный силуэт, и я едва успел прикрыться рукой, острый обломок врезался в кость. Боль прострелила плечо раскалённой спицей. Впрочем, она уже давно превратилась в поток информации, в факт, который подтверждал: ты ещё жив.

Мне удалось распутать очередную петлю, и рука наконец выскользнула из ловушки.

Пушка канула во тьму, оставляя за собой след из пузырьков.

Я повис в бесконечной темноте. Одежда тянула вниз, словно тяжелейшие гири, взмахи ногами едва компенсировали её вес. Где-то над головой мелькали отсветы, но они были так же далеко, как и мои мечты о домике в горах. Сил совсем не осталось. Как и воздуха в лёгких.

Что-то задело ногу, и я инстинктивно схватился за последнюю надежду. Бочонок тут же закрутился, пытаясь сбросить хватку.

Не пущу!

Я вцепился в дерево намертво — выбитую руку пронзила нестерпимая боль — и, преодолевая сопротивления тела, потянул бочонок к себе. Навалился на него сверху. Подъёмная сила потащила вверх, к свету. В глазах темнело, но я упорно держался за остатки сознания. Если отключусь, то разожму руки и точно погибну, а потому в голове пульсировала единственная мысль: “Держаться!”

Свет становился всё ближе и ближе! И

Воздух сладчайшим нектаром ворвался в лёгкие.

Первые несколько вдохов принесли такую эйфорию, что боль просто исчезла. Воздух пах влагой, землёй, тиной и совсем немного рыбой.

Закружилась голова. Бочонок тут же попытался выскользнуть из рук, словно норовистый конь, почувствовавший слабость наездника. Секунда суматошной борьбы, плеск — и я снова на плаву, лежу на своём «спасательном круге», перекинув через него обе руки и прижавшись щекой к мокрому дереву.

Лицо обдувал лёгкий ветерок; невысокие волны, издавая успокаивающий шёпот, мягко катились к горизонту — сущая идиллия по сравнению с напряжением последних минут.

Взрыв!

Я рефлекторно повернул голову. Картина, представшая передо мной, выглядела одновременно величественно и ужасающе.

В отдалении, разгоняя темноту светом фонарей, в воздухе парил натуральный парусник. Я думал, что у меня не осталось сил даже на удивление, но эта техноересь реально впечатляла: метров сто пятьдесят-двести в длину, с высокими бортами, пушечными портами, с семью высоченными мачтами и высокой надстройкой на корме.

Кто, как и, главное, нахрена заставил это летать?

Два изящных плавника, сверкая электрическими разрядами, шли параллельно основному килю. В них, судя по всему, и заключалась подъёмная сила этого чудовища. Ветер надувал бирюзовые паруса, по которым то и дело пробегали волны синего света. Начищенные до блеска бронзовые узоры на корпусе казались раскалёнными из-за бушующего на палубе пожара.

Парусник атаковала целая туча мелких демонов. Этих тварей я узнал сразу — каждая по-своему уродливая, искажённая, глубоко неправильная. Воплощение человеческого греха по версии всех религий мира. Порождение коллективного бессознательного, если подходить с научной точки зрения. У меня была своя версия на этот счёт, но я пока не спешил ею делиться.

На самом деле парусник отделился уже достаточно далеко, чтобы мелкие твари превратились в тёмные точки, просто я слишком много этой пакости перебил, чтобы её не узнать.

Расстояние, к слову, с каждой секундой только увеличивалось и что-то мне подсказывало: даже если бой закончится в их пользу, никто не станет разворачивать корабль ради выпавшего за борт демонолога.

Впрочем, вода пресная, тёплая, на ней множество обломков — выкручусь. До берега не должно быть далеко. Дождусь рассвета и сориентируюсь, может, сделаю небольшой плот только отдохну немного.

Но не успел я даже немного расслабиться, как по обонянию ударила вонь. Тухлятина, горячий металл, сладковатая гниль — тот самый запах, который въелся в сознание навсегда. Я знал, что так говорит мой дар, а значит

Демон!

Эта тварь кружила вокруг меня, как акула, почуявшая кровь. Я чувствовал её жадный взгляд. Демонам нравится играть с жертвами. Они далеко не звери, им доступны даже сложные чувства и эмоции, просто искаженные, особенно в области греха.

По позвоночнику мелкими иголочками пробежал холодок. Резко обернувшись, я увидел демона.

Глава 2.

Удильщик.

Круглое тело, обтянутое серой, полупрозрачной кожей. Внутри — жидкость, флуоресцирующая гнилостно-зелёным светом. В ней плавают человеческие кости, органы, золотые украшения, оружие — самые разные предметы появлялись из мути, бились о стенки и исчезали обратно. Широкую пасть вместо зубов заполняли человеческие кисти, чьи пальцы постоянно подёргивались — в разной, нервно, будто пытаясь что-то схватить. Удочка состояла из человеческих позвонков, а на конце висела клетка из рёбер, внутри которой чистым золотым светом сиял самородок.

Приманка завораживала, сжимала грудь жадностью. Я начал загребать воду свободной рукой, второй продолжая держаться за бочонок, чтобы не отправиться ко дну. При этом мой взгляд не отрывался от самородка, словно я не в силах сопротивляться желанию приблизиться, прикоснуться. Ушей коснулся сухой треск — пальцы в пасти демона оживились, предчувствуя скорую добычу.

Повадки твари были очевидны: лишить воли, заманить и сожрать. Значит, она не бросится, пока думает, что игра идёт по её правилам. И я грёб. Ритм движений идеально выверен: слишком медленно — и тварь насторожится, слишком быстро — и я не успею придумать план. А он нужен. Срочно.

Демоны делятся на четыре ступени: Низшие, Средние, Высшие и Смертные Грехи. Чем выше, тем более концептуальными становятся их силы. Низшие Грехи ограничены обычным физическим воздействием: когти, клыки, крылья, ядовитые или кислотные плевки, железы и тому подобное. Средние уже способны взаимодействовать с энергией: стихийные проявления — серпы ветра, огненные шары, ледяные копья и всё в таком духе — а также усиление, поглощение и рассеивание. Высшие вмешиваются в структуру реальности: работают с временем, пространством, личностью — пусть и весьма ограниченно. Смертельные воздействуют на первопринципы бытия: они способны менять физические законы, стирать грань между смертью и жизнью, переписывать целые концепции. Чудовищная мощь. Насколько мне известно, человечество не победило ни одного демона Смертного Греха.

Тварь передо мной относилась к Высшему Греху — слабенькому, неопытному, недавно появившемуся на свет, но уже с безграничным потенциалом. Я, потерявший всех демонов, раненый и обессиленный, ему даже близко не ровня.

Из активов — опыт десятков лет постоянных сражений, парочка фокусов опытного демонолога (неизвестно, сработают ли), пистолет во внутреннем кармане куртки, взрывная алхимическая смесь в бочонке. Последние два факта появились в голове, будто моя собственная память и я едва не сбился с ритма, когда это осознал. Только железное самообладание позволило сохранить концентрацию на главной цели. Хотя искушение узнать где я, как тут оказался и что вообще происходит, было невероятно сильно.

Челюсти демона поползли в стороны с пугающей, неестественной плавностью. Серая кожа тянулась, бледнея до прозрачности, сквозь которую проступили влажные, пульсирующие ткани. Нижняя челюсть ушла глубоко под воду, верхняя поднялась выше тёмных плоскостей глаз. Разрыв перевалил за пределы возможного, но пасть продолжала расходиться. Она не открывалась — она расплзалась, открывая провал в бездну Долбанная пародия на пакмена!

Удочка пошевелилась, смещая приманку прямо в центр чудовищного капкана.

На первый взгляд план казался очевидным: бочонок внутрь, благо алхимическая смесь переносит влагу лучше пороха, выстрел, победа. Но я прекрасно понимал, что та самая концептуальность надёжно защитит демона от столь избитого приёма. В лучшем случае, его ненадолго оглушит.

Хоть какой-то шанс выбраться из этого дерьма сохранялся, только если мой дар остался на месте. Неважно, какая сила разрушила “Клетку Воли”. Способности демонолога — нечто большее. Они — мой путь. Клеймо на душе, выжженное кровью и ненавистью. Меня лишили инструментов, но способность поднимать молот надеюсь, она осталась при мне. Проверить возможности нет, но тут в любом случае — либо смерть, либо победа.

Осталось сделать всё правильно и быстро. Удильщик полностью уверен, что пьеса идёт по его сценарию. Внезапная активность жертвы его заинтересует, но вряд ли насторожит: слишком разные весовые категории. У меня будет буквально секунд пять форы.

Первый этап — вытащить пистолет (странная конструкция с телескопическим стволом), откинуть барабан, выбросить фиолетовый кристалл, заменяющий патрон, ударить им о рукоять с точно рассчитанным усилием — до трещины, без скола, чтобы дестабилизировать энергию внутри, но не вызвать мгновенного взрыва — положить на бочонок с алхимической смесью и толкнуть получившуюся бомбу в пасть демону.

Знания о том, как сделать из пулю эрзац-гранату снова появились в голове непонятно откуда.

Второй — вернуть барабан на место, переключить револьвер в режим точной стрельбы, прицелиться в самородок, задержать вдох и нажать на спуск.

Сверкнула беззвучная серебристая вспышка, отдача безжалостно рванула руку, массивная рукоять едва не выскользнула из пальцев. Тем не менее, выстрел угодил точно в цель. Раздался сухой треск — покрытая инеем клетка из рёбер начала разваливаться.

Бам! — пасть демона захлопнулась с мощью опустившейся гильотины. Чёрные плоскости усталились прямо на меня.

Взрыв я скорее почувствовал, чем услышал. Тело демона содрогнулось, а глаза на миг потеряли осмысленность.

Сейчас!

Мазнув по одной из открытых ран, я впечатал окровавленную руку в морду твари.

Сработает или нет?

— Подчинись!

Весь мир застыл а затем из моего сердца вырвались алые бритвенно-острые цепи и врезались в демона. Хруст, брызги крови, тошнотворный запах — словно черви, они пробивали его тело и скользили дальше, обхватывая плотными кольцами.

— Уо-о-о, — испуганно загудела тварь.

Шелест — тысячи шипов выскочили из звеньев, зафиксировав добычу на месте. Витриум твари тёк по цепям, соприкасался с моей кровью и испарялся жирным, багрово-чёрным дымом. Три секунды — и мир в нём полностью утонул. Остались только мы с Удильщиком — живые, свободные, здоровые и запертые на своеобразной арене внутри меня.

Ну вот и всё. Можно выдохнуть.

Демон ударил первым — его сила даже не сковала, заморозила все процессы в моём организме. Полный стазис. Происходит дело в реальности, я бы даже способность думать потерял, так как электрические импульсы тоже замерли бы. Толстые, потрескавшиеся губы Удильщика сомкнулись поперёк тела, превратив человеческую плоть в кашу.

Взрыв — сотни электрических разрядов ударили во все стороны, шипя и извиваясь. Они прожигали даже концептуальную защиту твари, так что ей пришлось бежать, бросив добычу.

— Ничтожество, — мой голос звучал со всех сторон. — Ты — ничто перед моей волей.

Тело окончательно превратилось в шар белоснежной энергии, который принялся стремительно расти. Стазис вновь попытался сжать, сковать, но я с лёгкостью преодолел его воздействие.

Достигнув максимальной точки, сфера потекла, формируя величественную фигуру. Кожа — пронзительно голубая энергия с участками плавающего, плотного, почти твёрдого,

тёмно-синего света. Торс — мощный, окружённый грохочущими электрическими разрядами. Ноги — гудящие тёмные вихри. Глаза — ослепительные колодцы гнева. В руках великан держал бесформенную энергию, потрескивающую и сияющую.

— Неплохая попытка, человек, — внезапно раздался неестественно низкий, пробирающий до самого нутра, голос демона. Он говорил медленно, тягуче, с провалами между словами. — Я не куплюсь.

Не стал ему ничего доказывать — просто вытянул руку и сжал кулак, используя демона вместо мячика-антистресса. Раздался жалобный вой, завоняло горелой тухлятиной. Я не просто испепелял его тело — это он бы с лёгкостью пережил — моя Воля демонолога пыталась самую его суть, центр, первородный грех. Это была даже не боль в полном смысле, а растворение крупницы за крупницей. Конец существования.

В этом месте правила Воля. Только она служила здесь оружием и броней, хотя имитировать знакомые способности было всё же проще и понятней.

Демон пытался бороться, но моя Воля, выкованная в тысячах смертельных боёв, закалённая потерями, болью и гневом от гибели родного мира, несоизмеримо превосходила его волю. Я мог жрать таких, как он, пачками.

Приговор один:

— Покорись или сдохни.

— Никогда! — Демон взорвался, превратившись в сотни нитей темного дыма. — Ты жалкий, слабый человек. Я понял правила этого места, и сожру твою душу.

— Бесполезно. — Пальцы великана вспыхнули, испуская тысячи электрических разрядов. Куда бы демон не кинулся — везде натыкался на подавляющую мощь, теряя драгоценные крупницы сущности.

— Хватит. Прекрати. Я согласен, — когда от него остались сущие капли, взмолил Удильщик.

С лёгкостью ловлю тварь рукой — от неё осталась бесформенная чёрная клякса, вяло подергивающаяся на ладони.

— Покажи своё сердце.

Тварь медлит, и я слегка шевелю пальцами, намекая на продолжение пыток.

— Твоя взяла, — со скрипом признал он.

Наконец ядро появилось — медленно, неохотно вынырнуло из темноты, похожее на пульсирующий, гнилостно-зелёный кокон насекомого. За ним тянулись нити жирной темноты, словно тело демона пыталось вернуть свою суть на место.

— Теперь. Ты. Мой. — Цепи со звоном заключили сердце в непроницаемую, покрытую шипами клетку.

Плеск волн — мир вернулся в то же мгновение, из которого растворился. Исчез только демон, впрочем, пейзаж от этого только выиграл.

Острой болью вспыхнули раны, одежда потянулась вниз, навалилась слабость. Однако то, что несколько минут назад могло меня прикончить, теперь было лишь временным неудобством. Цепи Гнева уже тянули из демона силу, в том числе и его “концептуальность”.

Ожоги, раны, внутренние повреждения — всё начало восстанавливаться, приводя тело к здоровому состоянию. Обгоревшие волосы и те отрастали прямо на глазах. Мышцы наливались злой, кипящей силой. Даже холод (а вода хоть была и тёплой, но никак не 36 градусов) отступил, не в силах преодолеть мою защиту. Многострадальная голова тоже начала приходить в норму, возвращая мыслям привычную ясность и скорость.

Как же хорошо! Закрываю глаза и откидываюсь на спину, наслаждаясь каждой секундой.

Я привык быть сильным, привык во всём превосходить обычных людей, привык к комфорту в любой среде и точным, выверенным решениям. Лишиться всего этого было бы ужасно.

Далеко не каждый смог бы оправиться после такого поворота. Я? Не знаю. От одной мысли дрожь пробирает.

К счастью, я не успел нормально осознать, чего лишился — попытка выжить поглотила всё внимание, все силы без остатка. Теперь же внутри горит уверенность — восстановлюсь. Да, мне нынешнему не сравниться с прошлым, с тем демонологом, который стоял в авангарде человечества, но плевать.

Хотя кому я вру? Найду ту мразь, которая несёт ответственность, — вытащу ей тестикулы через рот если они у неё есть, конечно. Хотя в любом случае придумаю что-нибудь интересно. Вот вспомню, как докатился до жизни такой, подкачаюсь, и сразу займусь.

Водная поверхность мягко, почти нежно покачивалась, на фоне успокаивающе шелестели волны. Одежда немного неприятно липла к телу, а в остальном — чистый курорт. Давненько я так не отдыхал, хотя раньше, помню, жить без выездов на природу не мог. Что поделять: мир изменился, а вместе с ним и люди. Накатило острое чувство ностальгии. Правильно говорят: истинную цену вещи узнаёшь, только потеряв.

Ладно, хорошего — помаленьку. Пора разобраться с одной вещью, которая не даёт мне покоя с самой первой минуты.

Поднимаю руку.

В поле зрения появилась пухлая ладошка с нежной кожей без единого шрама. Аккуратно подстриженные ровные розовые ногти. Толстые, как молочные сосиски, пальцы. Как и думал — не моя.

Продолжаю осмотр. Внимание сразу привлёк объёмный бурдюк на месте живота, прикрытый белой рубашкой на пуговицах из полированного камня с аквамариновыми прожилками вернее, она когда-то таковой была, а теперь превратилась в грязные лохмотья.

С любопытством ощупываю толстый слой жира. Живот забавно колыхается в воде. Прикольненько. Не слишком удобно, конечно, но прикольненько. Думаю, в этом теле килограмм сто пятьдесят живого веса — кое-кто совсем не следил за своим питанием.

Ткань, кстати, приятная, натуральная. На ногах облегающие штаны из тонкой тёмно-синей шерсти, подвязанные лентой под коленной чашечкой. Ниже — голые ноги. Куда делась обувь, остаётся только догадываться.

Ах да, ещё есть сюртук. Я не большой знаток моды, тем более исторической, так что это знание снова появилось в голове само по себе. Судя по всему, память принадлежит изначальному хозяину тушки, только работает как-то нестабильно, избирательно.

Что ж, можно подвести промежуточный итог. Я лишился всех демонов, занял тело толстяка на грани инфаркта и болтаюсь, как говно в проруби, посреди неизвестного водного пространства. Вдобавок здесь полно inferнальных тварей, судя по всему.

Сильно ли я недоумеваю по этому поводу? Да чёрта с два!

Воздух — свежий и чистый, им можно дышать без респиратора. Судя по одежде и кораблю, еду здесь выращивают естественным образом, а не в лабораториях. И что-то я сомневаюсь, что в местных широтах идут дожди из радиоактивного пепла.

Джек-пот! Настоящий рай!

Даже удивительно, как сюда вообще допустили такого, как я. Либо местные привратники совсем расслабились (на Вратах Рая, в смысле), либо кое-кто прокрался, как крыса. Хм, вполне в моём стиле.

Тело? Руки-ноги на месте, чем, кстати, прошлая тушка похвастаться не могла. Член не проверял, но даже если его не окажется на месте, придумаю что-нибудь, мало ли в мире удовольствий.

Получается, я в сплошном выигрыше. Если цена всего этого — лишний вес, то дайте два! Где проходит аттракцион невиданной щедрости?

Широкая улыбка вылезла на лицо. Раскинув руки и ноги, слегка помахал ими вверх-вниз. Я долбанный водный ангел! Мваха-ха!

Попытка вспомнить, что происходило до момента пожара, наткнулась на звенящую пустоту. Если утро ещё как-то всплывало — короткий душ с лимитированной водой, пайка, отдающая химией, в столовой общеджития, очередной вызов в промышленное здание “Монолита”, где воплотился мелкий демон Мести — то дальнейшее как отрезало. Ноль. Зеро.

Ничего, и это вылечим.

Бам! — гулкий, глухой звук раскатился над водой. Открывать глаза и что-то делать совершенно не хотелось, но пришлось. Сам взрыв я увидеть не успел, зато его последствия — вполне. Сложно пропустить гигантский костёр, в который превратился не менее огромный летающий корабль. Расстояние было великовато, но мой добровольный (буду так считать: грехом меньше) реципиент на зрение не жаловался, так что я сумел разглядеть деревья. Значит, берег там. Вот и ладушки.

Смыл грязь с лица, фыркнул, отплёвываясь, зачесал слишком длинные волосы набок и поплыл. Демоны меня не пугают, а вот информацией о происходящем хотелось бы разжиться. Да и желудок урчит, намекая на толстые (ха-ха) обстоятельства. Впрочем, сильно торопиться тоже не стоит: наверняка на корабле кто-то знал моего пухлячка, а вот проснётся ли его память — большой вопрос. И что они тогда подумают? То-то и оно. Интересно, а я вообще смогу с ними поговорить? Думаю-то точно на русском.

Плыву, значит, наслаждаюсь видами, водичкой, думку думаю, концептуальность нивелирует усталость. Одним словом — красота. И тут какая-то мразь прокусывает ногу и тащит в глубину. Причём мощно так, уверенно, ничуть не сомневаясь в своём праве! Я даже “мама” сказать не успел. Не демон — их гнилую энергетику я почувствую за сто метров — обычный хищник. Но приятно всё равно мало. Ещё и темень вокруг — не видать ни черта.

Попытки сбить тварь ни к чему не привели — удары свободной ногой бессильно соскальзывали по длинному, толстому боку. Внезапно выяснился неприятный факт: я слабак. В смысле, слабак даже с пассивным усилением от демона. У толстяка, похоже, ни одной нормальной мышцы — лишь толстый слой сала везде. И что делать? Концептуальность — это прекрасно, конечно, но пребывала она в самом зачаточном состоянии, так что дышать мне всё ещё нужно, хотя и не так часто. Вывод? Раз не хватает физической силы, следует позаимствовать её откуда-то ещё. Как раз для это цели человечество изобрело оружие, вот только у меня даже жалкого засапожного ножа нет возможно, по причине отсутствия обуви как таковой. Не суть. Остаётся только огнестрел, однако стучать им под водой — не самая умная идея.

Именно в этот момент решила проснуться память пухляша.

Глава 3

На этот раз вспышка воспоминаний оказалась гораздо ярче и объемней, чем раньше. Из-за неё я полностью выпал из мира и погрузился глубоко себя.

Стихийная оружейная система — или попросту «стихийник» — отлично чувствовала себя под водой. Принцип работы был банален до безобразия: ударник раскалывал «пулю», внутри которой заключался определённый вид элементарной энергии, а массив рун сжимал и направлял взрыв. Это, кстати, было довольно дорогое оружие, поэтому большинство использовали алхимические системы — нечто среднее между пороховыми и стихийными. В них выстрел происходил за счёт расширения газов, как в обычном огнестреле, но пулей служил кристалл с элементарной начинкой, правда, гораздо меньшего размера, чем в стихийнике. Результат получался пожиже, процент осечек — выше, но и цена каждого выстрела не была по яйцам.

К счастью, вспышка продлилась всего несколько ударов сердца. Очнувшись, я едва не выдохнул остатки воздуха из груди — настолько резким оказался переход.

Дерьмо! Мне не привыкать полностью уходить в мысли, но не во время боя же! Да ещё так — внезапно, неконтролируемо, как обухом по голове.

Тем не менее, знания уложились в голову.

Ключевой момент: из стихийника вполне можно стрелять под водой. Не рекомендуется использовать огненные пули — рванёт так, что мало не покажется, а вот ледяные — за милую душу. И, надо же, толстячок предпочитал именно их. Какая удача.

Осталась сушая мелочь — не выронить револьвер в процессе доставания. Тварь трясла башкой так, что меня с дикой силой мотало из стороны в сторону. Видимо, пыталась оглушить и дезориентировать. Наивная.

На счёт неё, кстати, я совершенно не переживал и даже воспринимал происходящее как забавный опыт. Моё отношение могло показаться излишне легкомысленным, но, эй, после сражений с демонами обычное животное просто не котировалось. Врать не стану: в первую секунду сердечко ёкнуло от неожиданности, но дальше начался обычный рабочий процесс. Паникуй я после каждого внезапного нападения — никогда бы не дожился до своих лет.

Одной рукой фиксирую полу пиджака, чтобы её не мотало, как ссаную тряпку. Второй — крепко сжимаю рукоять и только после этого достаю оружие. Палец ложится на спусковой крючок и замирает.

От одной мысли о цене выстрела на груди проснулась жаба. Её категорически не устраивала идея буквально выбросить горсть золота, чтобы разобраться с какой-то глистой.

«Не трать. Сохрани. Это твоё. Не отдавай. Никому. Никогда. Ничего», — вкрадчиво шептало на краю сознания.

Натренированный разум быстро вычленил голос демона и отделил его от основного потока мыслей. Ничего сложного: всё слишком явно и очевидно. Тем не менее, тварь подозрительно быстро начала приходить в себя после трёпки. Уже чую проблемы.

Но это потом. А сейчас — выстрел!

Серебристый росчерк угодил рыбине в бок, значительно поубавив той прыти. Хватка на ноге исчезла, и гибкое тело растворилось во тьме: по всей видимости, излишне «кусачая» добыча не пришлась ей по вкусу. Ну и хрен с ней.

Принялся загребать руками — вверх, к воздуху. В груди уже набирало силу жжение, вызванное недостатком кислорода. Из-за темноты было совершенно непонятно, сколько ещё осталось до поверхности. Плывёшь, плывёшь, а по ощущениям висишь на месте — только пузырьки весело проскакивают мимо. Конечно, это всего лишь иллюзия, но опыт и правда интересный, необычный.

Движение!

Едва успел сжать рукоять револьвера, как из темноты вылетела старая знакомая и тараном врезалась в грудь — будто под машину угодил!

Меня швырнуло в сторону, закрутило, мир перевернулся, рёбра хрустнули — учитывая концептуальную защиту, весьма серьёзное достижение. Я злобно закрутил головой, но рыбина исчезла так же стремительно, как и появилась.

Вот же мстительная тварь! Нормальные хищники не должны так себя вести: получив ранение, они либо приходят в ярость, либо отступают — это инстинкт, заложенный природой для выживания.

Но эта рыбина не такая: она кружит где-то неподалёку, готовясь к новому раунду. Хитрая тварь не просто так утащила меня на глубину — это её способ охоты. И после выстрела она не убежала, как мне показалось изначально, а выжидала, пока я не начну задыхаться. Тогда зачем бросилась? Это не имеет смысла если только поверхность не находится достаточно близко!

Задрав голову, я попытался уловить хоть какие-то признаки воздуха. Ничего. Только бесконечная чёрная вода. Грудь уже горела от желания вдохнуть, но плыть — значит подставиться под удар. Вот уж не думал, что придётся на полном серьёзе сражаться с какой-то рыбой. Хороший урок.

Так, куда она подевалась? Сейчас наделаю из неё сашими! Посмотрим, кто кого!

Начинаю работать ногами. Кручу головой во все стороны, но видимость ограничивается парой метров. С моим нынешним уровнем силы и думать нечего, чтобы отреагировать на таком расстоянии физически. А вот мысль гораздо быстрее — она успеет там, где облагается тело.

На лицо вылез предвкушающий оскал.

Ну же! Я знаю, что ты хочешь! Давай выясним, кто здесь охотник, а кто — добыча. Демонические цепи во внутреннем мире уже налились гнилостно-зелёным сиянием, выкачивая из сердца Удильщика инфермальную энергию.

На этот раз удар угодил в спину: сверху, с намерением отшвырнуть обратно в глубину. Но что-то пошло сильно не так: моё тело не сдвинулось ни на миллиметр. Оно замерло, как кряжистый вековой дуб, как непоколебимая константа. А раз так, то, согласно законам физики, кто-то другой должен был принять на себя всю мощь столкновения. А нас здесь было только двое

Обернувшись, я увидел дрейфующую в воде тушу — оглушённую, с разбитым рылом, но всё ещё живую. Здоровенная тварюка! Похожа на угря, но метра четыре в длину и соответствующей толщины, покрыта зеленовато-коричневой чешуёй. Это сколько же из неё сашими получится? Я столько не съем да и похудеть нужно бы.

Но всё равно добыю — это дело принципа. Стихийные пули дорого стоят, так что, пожалуй, воспользуюсь своей новой силой.

Способности любого демона исходят из его греха. На низшей ступени это не так заметно, но если присмотреться, можно увидеть определённые закономерности: демоны пути Чревоугодия — жирные туши; пути Гнева — пылают буквально, в их образе всегда присутствует огонь; пути Похоти — единственный вид, который всегда принимает гуманоидную форму, сексуализированы, часто извращённо красивы и порочны.

На второй ступени принцип сохраняется: Злоба — огненные проявления, Алчность — вампиризм, Праздность — иллюзии.

А вот дальше начинается интересное Высшие Грехи.

Удильщик как раз из таких — он воплощение Скупости, всепоглощающая страсть к стяжательству, к богатству ради самого процесса накопления. Ему не нужно золото — ему нужно брать. Неважно что именно — лишь бы присвоить и никогда не отдавать. И способность у него соответствующая — удерживать. Как банальные вещи, вроде воздуха в лёгких, крови в жилах, тепла в теле, падающей стены или летящего заклинания, так и более абстрактные: жизнь, душу,

богатство, удачу, верность, любовь. Не самая сильная в боевом отношении концепция, но уж точно одна из самых многогранных.

Я сразу же окрестил её «Сохранение».

К слову, Удильщик мог в любой момент забрать мою жизнь, например, остановив кровоток в мозгу. К счастью, я сразу опознал в нём Путь Жадности и сыграл на главной слабости — грехе. Дал ему желаемое: лёгкую добычу, возможность получить тело, не потратив ни капли силы. Вот он и протянул, пока не стало слишком поздно.

Даже жаль, что пришлось развоплотить его практически до самого ядра, отчего способность изрядно ослабла. Теперь мой максимум — применять «Сохранение» на самого себя.

Тем не менее, это всё ещё оставалась крайне могущественная сила. Главное ограничение: чем более концептуально воздействие, тем меньше длится эффект. Сохранить воздух в лёгких, например, было достаточно просто. Местоположение — уже сложнее. Сохранить целостность, по сути дела получив неуязвимость, — очень тяжело.

Именно два последних воздействия я использовал, когда почувствовал движение за спиной, и это состояние продлилось чуть дольше секунды. Едва не облажался

Но ведь необязательно палить из крупнокалиберной артиллерии на малейший шорох. В большинстве ситуаций достаточно сохранить форму, сделав клетки внешнего покрова абсолютно неподвижными. Даже не всего тела, а пальца, например.

Я схватил рыбину за отросток на башке.

«Сохранение положения» на кисть одной руки, «Сохранение формы» на указательный палец другой — и со всей силы всадил сосискообразную открывашку прямо в круглый глаз. Импульса хватило, чтобы пробить тонкую костную пластинку и добраться до мозга.

Жертве такой поворот категорически не понравился: она задергалась, как сумасшедшая. Правда, билось всё тело, кроме головы: зафиксированная силой Удильщика рука даже не дрогнула.

Чтобы тварь сдохла, пришлось немного поковыряться в мозгах (в стиле бывшей). Это было несложно — буквально через пару движений окончательно затихла.

А вот нехрен пасть разевать на венец эволюции!

Долго предаваться глумлению не вышло: давление в груди стало совсем уж неприятным. Оттолкнув труп в стороны, я изо всех сил заработал конечностями. Если бы концептуальность не нивелировала усталость, тут бы моё приключение и закончилось. А так ничего, выплыл и лениво распластался на спине, переводя дыхание.

Странно, кстати, что на небе не видно ни одной звезды: ночь-то безлунная и безоблачная. С другой стороны, а что бы это дало? Сильно сомневаюсь, что я до сих пор до Земле.

Ладно, полежали и хватит. Сейчас главное — это добраться до берега. Плыть ещё охренеть сколько, а я может и неустомимый, но не особо быстрый. К тому же, жопой чую, кровь в воде уже призывает всю окрестную живность на новый раунд. На этот раз объявленный формат боёв — «все против всех». Спасибо, но этот танец я пропущу — предпочитаю драться, когда есть твёрдая опора под ногами. Сторонник традиционных ценностей, так сказать.

Плыву. Для атмосферы напеваю бессмертный саундтрек из фильма «Челюсти». Где-то впереди задорно полыхает парусник, и что-то мне подсказывает: больше он никуда не поплывёт полетит пойдёт короче, не двинется.

Звук над водой расходятся далеко, так что до меня доносился стрёкот выстрелов, ярость криков и демонические вопли. Постепенно шум сражения становился тише. Похоже, команда решила оставить обречённый корабль и поискать укрытие где-нибудь на берегу. Разумно.

В какой-то момент над водой поднялся настолько густой туман, что я неиллюзорно рисковал превратиться в того самого ёжика. Минут через пять он стал бледно-розовым, а ещё через десять — багровым.

Я завис на месте, вслушиваясь в окружение. Ничего. Чутьё молчало. Либо такой цвет был полностью естественным явлением, либо демон отлично прятался. В голову упрямо стучалась какая-то мысль, но у меня никак не получалось её поймать.

Туман исчез так же быстро, как и появился. Открылось тяжёлое багровое небо, и я понял, о чём пытаюсь предупредить подсознание. Уже догадываясь, что увижу, с мрачным видом повернул голову на восток.

Мои подозрения полностью подтвердились — над горизонтом показался край тусклого алого диска.

Прилив.

Сколько раз через него проходил, а мозг всё равно ломается, как в первый. Небо — портал в Преисподнюю. Вода — кровавое море. Синий и зелёный цвета исчезают, как класс, вместо них — чёрный и оттенки серого. Весь мир теряет глубину, становится плоским и фальшивым. Жуткое ощущение.

Но главная опасность Прилива, конечно, заключается не в смене цветового спектра. Красное Солнце — дорога демонов. Именно в это время они проникают в наш мир. Один мой хороший друг сравнивал Прилив с лопнувшим нарывом на теле мира, когда вся грязь с изнанки выплескивается наружу. Мы во многом спорили, но эта метафора мне нравилась.

Теперь понятно, откуда взялись Удильщик и орда демонов, атаковавшая корабль. Новорождённые Порождения Греха тупы. Ими правит голод — острый и неутолимый. Он ведёт их к ближайшему скоплению жизни, но ко не всякому — примитивные животные не подойдут. Им нужен разум. Сознание, способное в полной мере чувствовать страх, боль, желание — ту материю, из которой они созданы. Нет для демона выше наслаждения, чем захватить человеческое тело и пленить душу. Собственно, это и пытался проделать Удильщик, когда разжигал во мне жадность.

Одержимость помимо удовольствия несла и чисто практическую функцию: только предаваясь своему греху, демоны росли в силе. Опытный, отъевшийся низший представлял даже большую опасность, чем молодой высший. Их способности не менялись принципиально, но становились более мощными и опасными. На практике это работало так: чтобы вернуть Удильщику прежнюю силу, мне нужно было последовательно предаваться скупости. Звучит просто, но на деле — весьма опасная игра с высокими ставками, ведь чем больше в человеке греха, тем выше над ним власть демона. Можно даже не заметить, как потеряешь душу.

Я продолжал работать конечностями, раздумывая над тем, стоит ли потенциал Удильщика развития? Или лучше поискать более интересный вариант?

Подавляющее большинство демонологов предпочитало брать количеством: принимая суровую аскезу, они могли держать целую орду слабых тварей на коротком поводке. Их бои напоминали бесконечную партию в «камень-ножницы-бумага», только на порядки сложнее: вода против огня, время против пространства, воля против хаоса, мастерство против силы, командная работа против эгоизма.

Я же относился к другой фракции, скажем так. Мы считали, что на пороге гибели мира не время для чистоплюйства. А потому потакали своим грехам, балансируя на лезвии ножа ради обретения настоящей силы.

Это был гораздо более сложный и опасный путь. Не распыляйся — выбери только один грех. Контролируй каждый шаг, каждый вдох, всегда помни: враг рядом. Падай, ваяйся в грязи, но всегда поднимайся. Многие не выдерживали, превращаясь в то, чем пытались управлять. Остальные платили иначе — одиночеством. Нам не доверяли, нас боялись и называли Падшими. Это давило, толкая ещё глубже в бездну. Чтобы выстоять, требовалась по-настоящему несокрушимая воля.

Зато если удавалось пройти весь путь Владимир Чёрный Дракон, первый магистр, в одиночку сражался со Смертным Грехом и сумел его ранить. Только благодаря ему Екатеринбург,

один из последних оплотов человечества, вообще устоял. А вот Легионеры тогда облажались так, что власти как жопу ужаленные бросились налаживать отношения с Падшими. Да, славное было времечко

За своими мыслями не заметил, как почти добрался до цели — до бледно-розового песка осталось не больше ста метров. Хм, а издалека он выглядел кроваво-алым. Осмотревшись, понял, что цвета в принципе смягчились, сместившись ближе к янтарному оттенку — мозг адаптировался к Красному Солнцу с удивительной скоростью. Для такого результата Александру Искре требовалось часов шесть-семь, а тело толстячка справилось за втрое меньшее время. Вот что значит молодой, полный сил организм.

Кстати, а сколько мне сейчас лет? Биологически, в смысле. Свой-то возраст я знаю, а вот по пухляшу сложно сказать что-то конкретное

Чёрт, снова мысли свернули куда-то не туда. Такая уж у меня натура — нужно всё потрогать, попробовать на зуб, изучить. Не случайно именно я занял пост декана ФИИС (Факультет Изучения Инфернальных Сущностей). В общем, мне сложно сосредоточиться, когда вокруг столько интересного.

Усилием воли я вернулся в реальность.

Парусник лежал на боку и продолжал гореть, правда, уже не так бодро: пожар распался на несколько разрозненных очагов, пожирая сам себя. Надстройка фактически перестала существовать: учитывая количество обломков, раскиданных по всему берегу, там что-то неслабо рвануло.

Вокруг — ни души. Команда бежала, демоны последовали за ними, а шум распугал птиц и зверей. Из-за чёрной ливни место выглядело вдвойне мёртвым и пугающим.

Ноги нащупали дно.

Земля! Благословенная суша! Наконец-то!

Я рванул к берегу с таким энтузиазмом, словно проболтался в море минимум месяц. Одежда повисла на плечах неприятным тяжёлым мешком. Пришлось остановиться и снять сюртук. Выбрасывать не стал — закинул на плечо. Револьвер крепко сжал в руке: чутьё чутьём, а расслабляться во время Прилива не стоит.

Остаток пути преодолел широким шагом, изучая окрестности. Ни движения. Зато приметил пару сундуков, окованных железными полосами, несколько уцелевших на первый взгляд ящиков и бочонков. Живот немедленно заурчал — организм отказывался признавать, что он теперь отчасти концептуальный, и требовал обычной человеческой пищи.

Проигнорировав его призывы, я вышел на берег и направился к кораблю, забирая немного влево, чтобы оценить картину целиком: если на палубе уцелело что-то полезное, было бы обидно дать ему сгореть.

В идеале мне бы найти выжившего и проверить на нём знание языка, но это уже совсем из области фантастики.

Вопреки моим мыслям, люк в носовой части внезапно распахнулся, и из него, шатаясь и прижимая руку к животу, выбрался человек. На свежем воздухе его тут же согнуло от приступа кашля. По лицу, молодому, с наивными голубыми глазами, которые буквально светились сквозь гарь и копоть, текла струйка крови. Он кое-как сделал два шага, покачнулся и вцепился в уцелевшую часть фальшборта.

Я наблюдал за ним, наклонив голову к плечу, и насмешливо улыбался. Парень час провёл внутри пылающего корабля, не задохнулся и выбрался наружу ровно в тот момент, когда я появился на горизонте — ага, всё так и было, верю.

— Помоги! — Он жалобно протянул ко мне руку.

— Сейчас! Держись, парень! — Я разве что за сердце не схватился, когда бросился к нему на помощь. — Там есть лестница? Сможешь спуститься?

Он закрутил головой, якобы осматриваясь.

Воспользовавшись моментом, я вскинул револьвер и выстрелил. Он даже не понял, что произошло. Серебристая вспышка угодила точно в макушку — хруст, облако морозного тумана, мгновенная смерть.

Покачнувшись, тело вывалилось за борт. Промороженная плоть, столкнувшись с песком, разлетелась алыми осколками. Часть из них подкатилась прямо к моим ногам, и я безгласно оттолкнул их в сторону.

Воцарившуюся тишину, казалось, можно было пощупать. Только пламя сухо потрескивало на фоне.

А затем воздух разорвал дикий вой. Тело мальчишки конвульсивно задергалось. Вцепившись руками в рубашку, он разорвался её, и на меня уставилась уродливая, искажённая звериная морда, проросшая на его животе.

— Ты заплатишь за это! Жалкая букашка, я сожру тебя и восстановлюсь!

Я презрительно хмыкнул и навел на него оружие.

— Ага, держи в курсе.

Выстрел — мимо. Тварь с нечеловеческой скоростью отпрыгнула в сторону, при этом морда на животе осталась сверху, а перебирал он сразу четырьмя конечностями. Я попытался поймать его на мушку, но одержимый двигался слишком быстро. Моему телу фатально не хватало скорости и реакции.

— Стой на месте, долбанный хедкраб, и дай себя прикончить, — выругался я.

— Размечтался человек! Я сожру твои внутренности! — вопила тварь, обегая меня по широкой дуге. — Братья!

По чутью ударило присутствие. Один. Два. Три. Пять. Шесть одержимых!

Так, а вот этого я не предусмотрел! У них тут пикник или что?

Глава 4

Ситуация дерьма. Плюсы: одержимые относительно далеко, им потребуется минуты две, чтобы до меня добраться. Собственно, поэтому я их и не почуюл. Минусы: тварь передо мной какая-то слишком умная. Обычно новорождённые демоны тупы, как пробки, и бросаются на всё, что шевелится, а что не шевелится, они всё равно пытаются сожрать — в общем, терпением не отличаются. Однако этот — не такой и проявляет зачатки тактического мышления: держит дистанцию, мгновенно уходит с линии выстрела, тянет время до подхода дружков. Подозреваю, что и идея с засадой принадлежит ему. Опасная дрянь.

Выстрел — снова мимо.

В барабане всего восемь зарядов, из них пять уже потрачено. Запасные пули есть в сюртуке, в специальном внутреннем кармашке, но я отбросил его в порыве актёрского вдохновения, когда бежал на “помощь”. Сам себя переиграл, получается.

— Я выпотрошу тебя, жирдяй, а мои братья развесят твои кишки на деревьях! — продолжала верещать тварь.

— А ты в семье главный урод, я так понимаю? — упорно пытаюсь поймать её на мушку, но дрянь поразительно проворна.

Даже жаль, что “Сохранение удачи” просто удерживает этот эфемерный параметр на одном месте: не слишком низко, но и не высоко. Мне бы сейчас пригодились маленькое чудо. Увы, придётся обходиться собственными силами.

Ладно, раз так

Разыгрываю маленькое представление: откидываю барабан, заглядываю внутрь, захопываю и бросаюсь к сюртуку. Всё настолько очевидно, что только табуретка не догадается. Демон от неё недалеко ушел, но всё-таки чуть умнее, и потому тоже устремляется к сюртуку — гораздо быстрее, чем я на своих тумбообразных лапах. Очевидно, кто победит в этом соревновании.

— Яхи-хи-хи! — визжит мерзость так, что хочется заткнуть уши.

Тем не менее, расстояние между нами стремительно сокращается. Вот он почти у сюртука, а я буквально на две метра дальше. Тянуть больше некуда — вскидываю револьвер. Ноги зарываются в песок, занимая устойчивую позицию.

Выстрел

Для моего восприятия демон буквально исчез с одного места и появился в другом, метром дальше.

— Второй раз не выйдет! — торжествующе орёт он.

Я хладнокровно перевожу прицел, начинаю выбирать слабинку спускового крючка и сухой щелчок. Замешательство, испуг в глазах, осознание. Тварь скалится, буквально упиваясь моими эмоциями.

С выражением отчаянной решимости бросаюсь к сюртуку.

— Сдохни!

“Сохранение формы”!

Чудовищный удар сбивает меня с ног, опрокидывает, чёрные когти пытаются разорвать горло, искажённые ступни скребут живот, превращая рубашку в драные лохмотья, но не наносят ни капли урона. Я даже ничего не чувствую.

— Сдохни! Сдохни! — вопит морда, вылезшая из спины. До демона всё еще не дошло, что происходит. Тем лучше

Снимаю “Сохранение формы” с правой руки и давлю на спуск.

На самом деле я отбрасывал барабан не столько ради представления, сколько для того, чтобы узнать местоположение пустой каморы (канал в барабане, служащий для размещения

патрона), которая осталась после создания бомбы. Дальше — капелька расчёта, щепотка актерского мастерства, и демон уверен, что у меня закончились патроны. Элементарная ловушка.

Бесшумная серебристая вспышка угодила точно в пасть! Хруст! Тварь покрывается толстым слоем инея, волна ледяного воздуха обжигает даже меня. Замерзающие жидкости с противным чавкающим звуком разрывают плоть. На морде так и застыл оскал торжествующей ярости — демон даже не успел осознать, что проиграл.

Мне же победа особых эмоций не принесла: обычный грех Чревоугодия ну, может, чуть умнее хлебушка. Ничего особенного. Брезгливо отталкиваю замороженный труп в сторону, вскакиваю на ноги и бросаюсь к сюртуку. Пули нахожу ровно там, куда указывает память толстячка. В темпе вальса перезаряжаю револьвер.

Только вернул барабан на место, как из леса выскочили одержимые — настоящий парад уродов. Один — с кожаными крыльями. Второй — с рогами и мощным хвостом. Третий — со свиным рылом, кривыми клыками и злобными глазками. Четвёртый — с раздутой мордой, языком, свисающим почти до земли, и лапами, как у жабы. В каждой детали не просто звериные черты, а искажённая человеческая анатомия: если крылья, то из кожи и рёбер; если рога, то из бедренных костей; если лапы, как лягушки, то в них всё равно угадываются нормальные конечности.

Такова суть демонов — осквернить и изуродовать. Человеческое тело для них не больше, чем интересная игрушка; нечто среднее между одеждой, украшением и едой. Единственное, чем они действительно дорожат, это ядром. Обычно его прячут в голове или животе, но встречаются и более оригинальные варианты.

Увидев мёртвого друга, твари противно завопили, зарычали, со свиным рылом так и вовсе гневно захрюкал, а затем бросились ко мне с такой скоростью, что песок взметнулся фонтаном.

С моим лишним весом нечего было и думать, чтобы от них убежать. Впрочем, я уже в полной мере оценил свою физическую ущербность, так что озабочился планом и на такой случай. Жаль, потренироваться не успел — придётся проверять в боевой обстановке. Надеюсь, сработает.

В теории план звучал просто и изящно: раз я могу использовать “Сохранение положения” на любую часть своего тела, то ничего не мешает мне зафиксировать сначала стопу на определённой высоте, а затем — другую. В результате я смогу буквально шагать по воздуху, словно по невидимой лестнице.

Осталось выяснить, как это работает на практике.

Я поднял ногу, словно собирался подняться на высокую ступеньку, и использовал “Сохранение положения” на ступню. Сработало! Нога ощутила опору! Правда, ступня застыла целиком, что оказалось довольно неудобно в плане распределения усилия. Я напряг мышцы и сделал следующий шаг. Колено громко хрустнуло, но смогло поднять тело которое тут же повело в сторону! Чтобы не грохнуться с позором, пришлось использовать “Сохранение положения” все тело и восстанавливать равновесие.

Тем временем жаба успела преодолеть примерно треть разделяющего нас расстояния. Слишком быстро! Я рассчитывал, что песок замедлит одержимых, но перепончатые лапы неожиданно оказались настоящим читом. Такими темпами мне всё-таки откусят полжопы а может, и всю по самую макушку.

Нужно ускориться!

На этот раз я сначала поймал точку равновесия и только потом перестал удерживать вторую ногу. Шаг — и сразу “Сохранение положения”! Мозг протестующе закрипел, пытаясь одновременно балансировать, фиксировать одну ногу и двигать другой. Концентрация поплыла, а вместе с ней затрещало и “Сохранение”. Правая нога тут же провалилась на пару

сантиметров, и я едва успел восстановить действие способности, чтобы за ней не последовало всё остальное.

Нет, так дело не пойдёт. А если

“Сохранение концентрации”.

На первый взгляд, добавив ещё одну точку фокусировки, я сделал только хуже, но на деле она стала той опорой, которая привела систему к равновесию. Больше моё внимание не расплывалось.

“Любой навык — это практика, так что дальше будет проще”, — убеждал я себя таким образом, делая третий шаг. И действительно — он дался немного проще. Следующий — ещё на каплю. Вот так, постепенно приспосабливаясь, я начал подниматься в небо. Метр. Два. Три. Чем дальше, тем увереннее я себя чувствовал.

Увидев, что добыча ускользает, одержимые разразились негодующими воплями. В устроенном концерте не принимал участие лишь жаба: он присел, сжался, как пружина, и буквально выстрелил собой вверх и вперёд. Широкий рот с толстыми губами распахнулся так, словно демон собирался проглотить меня целиком. Между двумя рядами тонких и острых, как иголки, зубов протянулись ниточки зелёной слюны.

“Сохранение формы и положения”.

Демон напоролся на мою выставленную левую руку, как на копьё. Толстый длинный язык обвил предплечье — наверное, сдавил, но я снова ничего не чувствовал. Зубы сомкнулись выше локтя и бессильно заскрежетали.

— Фу, ну и мерзость, — с этими словами я направил револьвер в пузо одержимого и выстрелил.

“Сохранение тепла”.

Треск — тело жабы начало покрываться инеем, ледяные кристаллы разрывали плоть и вылезали наружу. Тварь несколько раз дёрнулась и затихла, а выпуклые красные глаза подёрнулись розовой плёнкой. Похоже, на этот раз я угадал с местоположением ядра. Ну и чудно. Сэкономил пулю — значит, заработал. В идеале бы вообще научиться разрывать одержимых голыми руками, а заряды и в кармашке полежать могут

Последняя мысль резанула своей тупостью: я всегда считал, что ресурсы нужно не копить, а грамотно тратить. Можешь убить демона с помощью оружия? Делай. Опять Удильщик пытается забраться в голову со своей жадностью. Какая настырная тварь. Ничего, позже с ней разберусь.

Отбросив навязанные мысли, я попытался стряхнуть повисшую на руке тушу, однако это оказалось не так-то просто: широкий язык и слюни превратились в ледяной капкан, а клыки не желали разжиматься даже после смерти. Пришлось отменять “Сохранение формы и положения” — тяжесть тут же рванула вниз, едва не заставив упасть. Устоял каким-то чудом. Помогая свободной рукой, всё-таки избавился от замороженной жабы, и она рухнула на песок, оставив на память несколько неприятных глубоких царапин на предплечье. Лишь бы заразу не занесла.

Внезапно до меня дошло, что я мог просто использовать “Сохранение равновесия” и подъем дался бы мне в разы проще. М-да даже как-то стыдно стало.

Тем временем демоны преодолели остаток пути и теперь прыгали, пытаясь ухватить меня за ноги.

— Трусливый червяк! Мы тебя сожрём! Ты не сможешь вечно убегать — спускайся, и я обещаю тебе быструю смерть, хрю! — надрывались они.

Выглядело это максимально жалко. Особенно смешно выглядел одержимый с крыльями. Этот идиот наверняка хотел летать, как в истинном облике, но человеческое тело слишком много весит для подобных фокусов — чистая физика. В результате получилась максимально неловкая и бесполезная тварь.

Её-то я и выбрал для следующего выстрела: раз она столько сил вложила в бесполезный атрибут, то всё остальное должно сильно отставать. И оказался прав — увернуться одержимый не смог. Вспышка угодила в грудную клетку, заморозив и голову, и верхнюю часть тела.

Вопли как отрезало. Демоны шокированно наблюдали, как их сородич медленно заваливается на спину без признаков жизни. Я буквально чувствовал, как их гнилые мозги проворачиваются, пытаюсь выстроить цепочку “господствующая высота — оружие — смерть”. На их фоне прыгавший как сумасшедшая блоха хедкраб выглядел настоящим гением.

Воспользовавшись тупостью, я выстрелил снова. На этот раз под заморозку угодила девушка с насекомоподобными жвалами на месте рта и фасетчатыми глазами. Она-то и пришла в себя первой, рванув прочь на приличной скорости, несмотря на замороженную голову. Серебристая вспышка догнала её в следующую секунду, промораживая задницу, живот и бёдра. Этого хватило — она покатила по песку и больше не поднялась.

— Мы найдем тебя, человек! Ты пожалеешь, хрю! — удирая вторым номером, вопил одержимый со свиным рылом.

— Не торопись так, бекончик, — усмехнулся я, прицеливаясь.

Гипертрофированные мышцы указывали на явно силовое направление мутации. Такие одержимые обычно чудовищно сильны, но ловкость и проворство — не их сильная сторона. К тому же, ядра они прячут донельзя прямолинейно: в самом защищённом месте.

Серебристая вспышка врезалась свину между лопаток, промораживая весь грудной отдел. Пятачок рухнул и вспахал рылом неплохую грядку. Хрю, тварь!

Два оставшихся демона при виде расправы резко ускорились. Я думал, что они сюда неслись со всех ног? Забудьте — вот сейчас мне наглядно демонстрировали, что такое настоящая скорость. Особенно выделялся тип с рогами: он наклонился вперёд, практически параллельно земле и, балансируя длинным мясистым хвостом, втопил как гоночный болид.

Я хороший стрелок, но адекватно оценивал свои шансы попасть по столь шустрой цели. Впрочем, у опытного демонолога, как у прожжённого шулера, полно грязных трюков в рукавах.

Выстрел.

Тварь мгновенно, словно спиной почувствовала нажатый спусковой крючок, вильнула в сторону. Вот только я целился не в неё, а в точку метром дальше. Холодная вспышка, хруст льда, визг — и тварь, поскользнувшись, полетела кубарем, поднимая фонтаны песка.

Завеса на секунду скрыла происходящее. К счастью, песок — это не туман, а довольно тяжёлая субстанция, которая очень быстро оседает. В нём невозможно спрятаться. И я, проследив взглядом за тёмным силуэтом, снова выстрелил. Вспышка угодила в цель, но куда точно — не разобрать.

Впрочем, ядро точно не пострадало — в следующий миг одержимый рванул в сторону леса. Двигался он довольно неуклюже: ногу и часть хвоста покрывал толстый слой инея, так что для бега ему пришлось задействовать передние конечности, окончательно превратив их в лапы.

В барабане револьвера осталась последняя пуля. Кому её подарить? Гарантированно добить раненую тварь или попытаться остановить здоровую, чтобы затем прикончить их обоих? Секунда на принятие решения

Серебристая вспышка врезалась в рогатого одержимого, и тот снова покатила по песку. Я не стал рисковать.

“Можешь прикончить демона — сделай это” — кредо хорошего демонолога. Эти твари слишком хорошо восстанавливаются, чтобы отпускать их даже с тяжёлыми ранениями.

Ничего, мерзость с щупальцами на спине и чёрной шерстью, нырнувшая в лес, всё равно никуда от меня не денется.

Я откинул барабан и принялся неспешно его перезаряжать, изредка поглядывая на рогатого одержимого, который, даже лишившись обеих ног, продолжал упорно ползти к спасению. Живучая мразь.

Придётся тратить на него ещё одну пулю!

Я даже не разобрал, чьё именно это недовольство — моё или Удильщика. Вот так это и происходит: в какой-то момент твои мысли становятся почти неотличимы от посылов демона. Первое время он шепчет, советует, предупреждает — ничего серьёзного, обычный внутренний голос. Но чем дальше, тем глубже ты проваливаешься в кроличью нору. Постепенно грех овладевает тобой. В какой-то момент демон отдаёт первый приказ. После этого остановить падение уже невозможно. Не будет никакой сказки о герое, который в последний момент возвращается к свету. Искажается сама личность демонолога, все худшие качества вылезают на поверхность, как жирная, несмываемая грязь.

Вернув барабан на место, я направился к одержимому. Хождение по воздуху вызывало странные и забавные ощущения: я одновременно чувствовал под ногами твёрдую, надёжную поверхность, но глаза говорили о четырёх метрах свободного падения. Идти прямо, кстати, оказалось сильно проще, чем подниматься. Или это мой навык стал лучше?

— Стой, не убивай! Я могу служить тебе! Сила, власть, вечную жизнь, женщины — дам всё, чего пожелаешь, — лицо одержимого исказилось от страха.

Существует теория, что демоны не умирают по-настоящему, а вместо этого возвращаются туда, откуда пришли. В своё время я исследовал эту тему, но не нашёл ни одного подтверждённого факта повторного воплощения одной и той же сущности — одни лишь слухи и притянутые за уши случаи. В итоге пришёл к следующему выводу: раз демоны чувствуют боль и страх, то им есть что терять.

— Себе предложи, — усмехнулся я, поднимая револьвер.

Тварь попытался рвануть к лесу, нелепо дёргая частично восстановленными ногами, но холодная вспышка догнала и угодила точно в шею.

Угадал?

Одержимый рухнул на песок и замер.

Угадал.

Я попытался лихо крутануть револьвер на пальце, но тот едва не улетел в лес — чудом успел поймать. Подозрительно оглянувшись, аккуратно убираю оружие в карман и надеваю сюртук. Надеюсь, этого никто не видел.

А теперь — вниз. Душа требует атмосферы, и я начинаю напевать “Имперский Марш”.

— Пу-пу-пу-пум

Не хватало только чёрного плаща за спиной.

На земле первым делом убедился, что все твари действительно мертвы и никто не притворяется. Даже удивительно, что никто не попытался: это же один из их любимых трюков. Затем принялся копаться в обломках.

В итоге разжился алюминиевой флягой, набором ниток и иголок, отличным непромокаемым плащом с капюшоном, коробком длинных толстых спичек (каким чудом они уцелели?), тяжёлым рюкзаком из кожи, ножом весьма угрожающего вида, мешочком соли, россыпью медных и серебряных монет — почти всё нашел в одном из уцелевших сундуков. Разжился даже сапогами, правда, у их прошлого владельца оказалась большая нога, и они сильно болтались. Увы, поблизости не было видно ни одного обувного магазина, так что пришлось довольствоваться тем, что есть — обматал ноги портянками в два слоя.

Что касается еды, то и тут удалось собрать отличный урожай: шесть здоровенных цилиндрических банок с этикеткой “Королевский Консервный Завод. Рагу”, несколько пачек галет, сухого печенья, паштет, джем, табакерку и даже бутылку “Хайленд” с тёмным содержимым.

Только в мои руки попало это сокровище, как я сразу скрутил крышку и с наслаждением ощутил аромат хорошего виски — древесный дым, дуб, тягучая нота мёда.

Не откладывая в долгий ящик, сделал маленький глоток, покатав напиток на языке, чтобы оценить весь букет вкуса.

— Ха! А жизнь-то налаживается.

Сам по себе алкоголь на меня не действовал, однако я всё равно ценил его за вкус. Эта любовь пришла ко мне как-то неожиданно, во время отступления из Санкт-Петербурга. Забавно, ведь до этого я совершенно не пил. Как сейчас помню тот день.

Мы с Максом сидели, привалившись к броне БТРа, в районе Шлиссельбурга. Мимо тянулась по трассе бесконечная автомобильная колонна. Придорожный лес давно выгорел, превратившись в изрытое поле почерневших и переломанных спичек. Тысячи тел одержимых валялись, казалось, до самого горизонта.

Макс тогда толкнул меня в плечо и молча протянул флягу.

— Пас, — ответил я как обычно.

Он посмотрел на меня ярким, несмотря на покрытое потом и гарью лицо, взглядом.

— Надо. За наших.

Внезапное воспоминание заставило грустно усмехнуться. Тогда мы думали, что вырвались из ловушки, что дальше будет проще. На самом же деле всё только начиналось.

Виски вкус потерь и вкус надежды. Память.

Я усилием воли переключил внимание на кучку монет. Вытащив из неё самый крупный, увесистый кругляш, с интересом покрутил его в пальцах.

В центре аверса красовались цифры “1” и “0” — не арабские, но я всё равно понимал их значение. Как и тот факт, что местная система счисления основана на десятках. Видимо, опять сработала память толстячка. Под цифрой полукругом шла надпись. Буквы немного напоминали английские, но это всё же был другой язык. И его я тоже понимал.

— Десять флоринов, — задумчиво прочитал вслух.

Местная валюта? Скорее всего.

Я задумчиво покопался в остальные монетах. Серебряные варьировались от одного до пяти флоринов, а медные — от одного пенни до десяти. Ну, кое-что начинало складываться.

На реверсе всех монет красовались две переплетённые змеи, кусающие друг друга за хвост. “Королевство Хаймарк” — гласила надпись вокруг них. Название ни о чём не говорило, но хотя бы стало понятно, куда меня занесло.

Щелчком вернув монету в общую кучу, я поднялся с деревянного ящика, который приспособил под сидение, и направился к кораблю.

Этот монстр, чудо инженерной мысли, уже догорал. По сути, от него остался один обугленный остов, несколько металлических элементов и целая гора углей. Вот они-то меня и интересовали. Вернее, жестяная банка, которую я закопал в одной из куч, чтобы приготовить. Живот радостно квакнул, предвкушая долгожданный завтрак.

Вооружившись парой палок, я выкатил консерву на песок, а затем торжественно перенёс её на ящик. Рядом поставил бутылку с виски, красиво выложил галеты на упаковочной бумаге. Я даже воспользовался льняной тряпкой, чтобы изобразить скатерть. Свой “стул” расположил так, чтобы наблюдать за мерным бегом волн, облизывающих бледно-розовый песок. Инфернальный пейзаж Прилива не казался мне таким уж привлекательным видом, но оставался всяко лучше чёрного леса или сгоревшего корабля.

— Ну-с, пора проверить качество продукции.

Вооружившись ножом, вскрыл банку. Пар хлынул густой волной — мясной, пряный, с чесноком и незнакомыми травами. Подливка обволакивала овощи дразнящей красной плёнкой. Крупные волокна тёмного мяса, казалось, вот-вот развалятся на нитки.

Рагу выглядело настолько аппетитно, что я едва не захлебнулся слюнями. Ложки не было, так что я зачерпнул лакомство половиной галеты.

Внезапно в мире что-то изменилось. Стало светлее?

Бах! — звук кувалдой ударил по ушам, упругая волна толкнула в спину.

Я резко обернулся и увидел густое чёрно-багровое облако, поднимающееся над лесом. Оно клубилось и расширялось, словно голодный демон. От него веяло неприятностями.

— Да вашу ж мать. Дайте спокойно поесть, сволочи.

Глава 5

Вслед за ударной волной пришёл характерный сладковатый запах алхимической взрывчатки. Тут же заслезились глаза, а в горле запершило, будто я глотнул дыма от костра. Кашель только сильнее разодрал глотку. Если бы не концептуальность, я бы даже забеспокоился, а так — ерунда, пройдёт.

Мне больше интересно, каково сейчас тем подрывникам-любителям, которые это устроили. Их-то накрыло по полной: и ударной волной, и термическим воздействием, и токсичными газами. Мда сдаётся мне, что нет больше никакой команды летающего корабля в организованном виде, по крайней мере. Если кто и выжил, то точно не рядом с эпицентром взрыва.

Ветер с озера довольно быстро обновил воздух, и жжение в горле пошло на спад. Облако тоже стремительно рассеивалось, приобретая розоватый оттенок. Я задумчиво почесал щеку, прикидывая, стоит ли мне что-то предпринимать по этому поводу. В итоге громко хмыкнул и махнул рукой, возвращаясь к завтраку.

А что? Я не нанимался спасать всех сирых и убогих, которые попадают в беду. Если на то пошло, то мне, возможно, вообще не стоит контактировать с другими выжившими: а вдруг они знакомы с прошлым владельцем тела? Так и вижу эту сцену.

— Привет, Петя! Ты сумел спастись? Это настоящее чудо!

— Привет э-э-э как, говоришь, тебя зовут?

— А-а-а! Одержимый!

И что дальше? Убивать? Не хотелось бы. Надеяться, что память толстячка проснётся и всё порешает? Ну такое

Слишком много неизвестных. Знают ли местные о демонологах? Могут определять носителей inferнальной силы? Как относятся к подозрительным незнакомцам, которые ни чёрта не понимают в местных реалиях? Без ответов невозможно построить адекватную линию поведения. Как-то всё это зыбко.

Похоже, придётся прикинуться контуженным идиотом, а дальше — по ситуации. Да, сойдёт, как план А.

Я кашлянул, зачерпнул галетой слегка остывшее рагу и отправил получившийся бутерброд в рот. По языку разлилось наслаждение — пряное, острое, чуть сладковатое, чем-то похожее на говядину с репой. После котлет из смеси грибного протеина и сои — десять звёзд Мишлен из десяти.

— М-м-м, — выдохнул я, прикрыв глаза.

Голод бунтовал, толкал под руку, требовал жрать — быстро и много. Но я растягивал удовольствие, смакуя каждый кусочек. Прохладный ветерок приятно обдувал лицо, волны с тихим шорохом катились на берег. В душе воцарилось необычное спокойствие. Меня даже ни капельки не волновало, что я находился непонятно где, что за спиной оседало облако мощного взрыва, а в лесу снуёт неизвестное количество демонов.

Когда рагу закончилось, пальцем (вроде бы даже тем же, которым ковырялся в мозгах рыбы) провел по стенкам банки, собирая остатки подливы. И мне было плевать, насколько это негигиенично: демонологу нужно сильно постараться, чтобы отравиться да и вода в озере выглядела чистой.

Вылизав банку дочиستا, я аккуратно поставил её на “стол” — внезапно проснулась привычка не мусорить на месте отдыха. Затем взял в руку бутылку с местным виски, смочил горло и расслабился. Хорошо.

Минут десять я просто сидел, наслаждаясь давно забытыми ощущениями. Воздух пах тиной, рыбой и гарью. Для старого воина даже последняя составляющая казалась привычной,

успокаивающей. Жаль, я не могу разбить палатку, закинуть удочку и провести на этом берегу несколько дней.

Тяжело вздохнув, я неохотно оторвал задницу от ящика, служившего мне стулом, и принялся собирать припасы в рюкзак. На прощанье козырнул обгоревшему остову корабля и направился в сторону леса.

“Куда идти” вопрос не стоял: все направления были одинаково хороши или плохи — в зависимости от того, с какой стороны посмотреть на ситуацию. Неисправимый оптимист (вроде меня) видел сотни открытых дорог к приключениям.

Немного подумав, я всё же решил не приближаться к месту взрыва: не нужны мне сейчас лишние знакомства. К тому же, где-то там обитала угроза, против которой применили огромное количество взрывчатки если она выжила, не хотелось бы с ней столкнуться. Эффективность местной алхимии против демонов оставалась для меня под большим вопросом, так что я не исключал никаких вариантов.

В итоге моей целью стала то ли сопка, то ли старая, пологая гора. Она эффектно выделялась на фоне багрового неба покатым, немного волнистым тёмным силуэтом. Думаю, идти до неё часов шесть-восемь, зато оттуда получится нормально сориентироваться на местности. Может, даже город увижу или хотя бы деревню.

Лес встретил меня мёртвой тишиной. То ли Прилив распугал всю живность, то ли демоны, то ли взрыв, однако факт оставался фактом. Деревья торчали точно чёрные, обугленные скелеты. Пахло чернозёмом, прошлогодней листвой, свежей травой и едва уловимыми нотками чего-то медового.

Я протянул руку к ветке, сорвал лист и поднес к лицу, чтобы рассмотреть. Он мясистый, сочный, слегка колючий и вытянутый, словно перо, — совершенно незнакомый. Не сказать, что я прямо ботаник, но рябину от калины отличить смогу. Здесь же — ни одного знакомого растения.

Задумчиво растёр добычу между пальцев — в нос ударил резкий и горький запах.

Я выбросил остатки листа, поправил лямки рюкзака и зашагал в выбранном направлении.

Под ногами шуршали листья, сухо трескали ветки, периодически из земли, словно гигантские чёрные черви, вылезали мощные корни — через них приходилось перебираться. Свет с трудом пробивался через кроны, погружая всё во влажный серый полумрак. Деревья практически не отличались друг от друга, и только способность Удильщика помогала удерживать нужное направление.

Я чувствовал себя так, словно угодил в сказку в очень мрачную сказку, в конце которой ведьма съедает-таки детей, которые по глупости забрели в её пряничный домик.

Щелчок прозвучал в мёртвом лесу так же оглушительно, как выстрел из пушки.

Слева! — я резко обернулся, сжимая пальцы на холодной рукояти револьвера во внутреннем кармане. Глаза заматались, выискивая угрозу, но в плоском царстве полутонов серого и чёрного было безумно сложно вычленить отдельную деталь. Всматриваюсь до рези в глазах, но никого. Показалось? Сам ногу неудачно поставил?

“Ни к чему тратить энергию на ерунду”, — мелькнуло в голове.

Опять Удильщик пытается сбить с мысли. Хрен ему.

Не убирая руки с револьвера, я медленно поставил рюкзак на землю и двинулся на звук. Дар молчал, но это ещё ничего не значило: сильные твари умели скрывать своё присутствие даже на таком расстоянии. Каждый шаг взводил невидимую пружину в груди. Медленно протянув левую руку, я отвел ветки густого куста в сторону.

Лес взорвался диким треском!

Рука с револьвером молниеносно вылетела наружу, наводя оружие на цель.

— Твою мать! Напугал, сука! — выругался я, опознав угрозу.

Это был серый, ёжа ему под хвост, заяц! По виду — самый обычный. И сиганул он так, что листья полетели выше моей головы, и при этом ушастый маневрировал между деревьями, как профессиональный горнолыжник.

Проводив его взглядом, я убрал револьвер обратно в карман и вернулся за рюкзаком. Возможно, стоило-таки пристрелить ушастого, но потом пришлось бы возиться с замороженной тушкой не, слишком геморройно.

Живи, ушастый, и помни мою доброту.

Я закинул рюкзак на спину и продолжил путь уже в приподнятом настроении. Всё-таки нормальный лес, живой — не логово злобного некроманта. А то пока шёл, в голову начали лезть тревожные мысли.

Фух, как гора с плеч. Даже идти стало как-то веселее. Для полного кайфа не хватало только музыки А почему бы, собственно, и не да?

И, покопавшись в памяти, я негромко запел “Лесника” группы “Король и Шут”. С момента Апокалипсиса людям резко стало не до искусства, так что музыкальный репертуар практически не изменился со времён моей молодости.

— Замученный дорогой, я выбился из сил. И в доме лесника я ночлега попросил

Допер припев в последний раз, переключился на “Песню разбойников” из “Бременских музыкантов”, затем (не знаю почему) — на “Отпусти и Забудь” одной ледяной принцессы. Само собой, на весь лес не орал — напевал тихо, так, для себя.

Лес вокруг потихоньку начал оживать. Не в том смысле, что он перестал походить на готическую картинку из фильмов Тима Бёртона, нет, но хотя бы появились голоса птиц и стрёкот насекомых, разбавив гнетущий шелест листьев, а где-то вдалеке застучал дятел.

А вот чему я совершенно не обрадовался, так это появлению комаров с их невероятно назойливым писком. Складывалось ощущение, что эта зараза решила завести хоровод вокруг моей головы. А ещё — им было абсолютно наплевать, кого жрать: зайца, лося или могущественного демонолога. Никакого уважения. Совершенно бесцеремонные, раздражающие и бесмертные букашки — их даже ядерная война не взяла.

“Сохранение крови”.

Я не был уверен, как в этом случае сработает сила Удильщика, и решил провести небольшой эксперимент: специально подставил кисть и позволил комарихе сесть.

Эта зараза, конечно, выбрала самое чесучее место: рядом с костяшкой указательного пальца! Хоботок проткнул кожу, капилляр, брюшко задергалось и ничего.

Я наблюдал за процессом с пытливым интересом.

Зуд вызывает слюна комара, но и кровь человека участвует в процессе: без неё отёк будет меньше, не образуется волдырь. В сумме это должно снизить дискомфортные ощущения до минимума в теории. Истину покажет только практика.

Комариха ещё дважды попыталась добраться до сосуда, но каждый раз оставалась ни с чем и в итоге просто улетела. После неё на коже осталось три крохотные красные точки. Они даже не чесались.

Я признал эксперимент удачным, запер кровь в сосудах и постарался выбросить комаров из головы. Тем не менее их писк, как и внезапное ощущение лапок в самых неожиданных местах, всё ещё раздражал.

Ветер донёс шум текущей воды и наконец стало понятно, откуда взялось столько гноса.

Минут через пять я вышел к мелкому, едва по колено, ручью и остановился. Сама полоска воды шириной едва ли с метр меня не впечатлила, а вот овраг, по дну которого она бежала, внушал — глубокий, обрывистый, из жирной красной глины. Будь на моём месте обычный человек, ему пришлось бы попотеть, чтобы перебраться на другую сторону. Я же просто перешёл его по воздуху — благо навык с каждым применением давался всё легче.

Сила Удильщика в целом стала гораздо послушней: требовала меньше концентрации и отзывалась с такой готовностью, будто пыталась доказать свою полезность. Демон словно умолял: “Сделай меня сильнее. Смотри, какой я послушный”. И это работало. По сравнению с моей прошлой силой электрокинеза, “Сохранение” находилось на совершенно ином уровне. И это только сейчас! А что начнётся, если вернуть Удильщику способность влиять на весь мир, а не только на меня? Возможно, я даже смогу сравниться с Чёрным Драконом и его концептуальным “Разрушением”.

Сладко? Ещё как. Но я не спешил радоваться. Сильно настораживало то, с какой скоростью Удильщик понял правила игры. Обычно новорождённые демоны — тупые и злобные куски греха, а этот уже вполне успешно влезает в мои мысли. На что же он будет способен, когда станет сильнее?

Вдруг раздался треск. Я тут же замер, прислушиваясь. Звук стремительно приближался, словно что-то большое несло по лесу без разбору. Рука легла на рукоять оружия, а тело напряглось, готовясь к бою. Я не чувствовал демонической вони, но апокалиптическая пустошь быстро учит, что опасность нельзя недооценивать.

Между деревьев мелькнул тёмный силуэт.

Близко!

Зверь вылетел прямо на меня — огромный (моя макушка едва доставала ему до спины), чем-то похожий на лося, на удивительно тонких для такой туши ногах, с короной острых шипов на голове и длинными висячими отростками на морде, напоминающими усы.

“Затопчет и не заметит”, — мелькнуло в голове.

Однако зверь, метнув в меня алый взгляд, неожиданно изменил направление и исчез в лесу. Я лишь проводил его глазами, не став провоцировать конфликт.

Меня больше интересовал тот, от кого животное пыталось сбежать. Я видел, как загонщик движется через лес с совершенно нечеловеческой скоростью. Одержимый? Но от него не исходило характерного запаха.

Мужчина вынырнул из-за дерева, и наши взгляды столкнулись. На его лице возникло выражение крайнего удивления, словно моё появление совершенно выпадало из картины мира, а в следующую секунду он споткнулся и в панике замахал руками, пытаясь не грохнуться лицом в землю.

Я прищурился, пытаясь понять, с кем столкнулся. Глаза метались, выхватывая детали: рваный шрам на щеке, смешные тонкие усики под носом и рыжая борода клинышком, ржавая безрукавка, ботинки с высоким голенищем, очки пилота, поднятые на красную бандану. На широком поясе висел нож в чехле. Другого оружия мужчина на виду не держал и в целом выглядел не сильно опасным, однако что-то внутри не давало мне покоя.

Тем временем рыжий восстановил равновесие. Несколько секунд он разглядывал меня, будто не мог поверить глазам и наконец разродился:

— Хэй, Вандэй, ты как здесь оказался!?

Произошло то, чего я так хотел избежать — мне повстречался кто-то знакомый.

Память мгновенно проснулась и подтвердила, что Вандэй — это действительно имя толстяка. Следом всплыла фамилия древнего аристократического рода Элиас и всё. Ни как зовут рыжего, ни его должности, ни в каких они состояли отношениях с толстяком — ничего.

Впрочем, это изначально была тупая идея. Даже если бы мне выдали всю информацию на блюде, очевидно, что я всё равно не смог бы изобразить совершенно чужого человека.

И что теперь? Убить свидетеля? Грязно. Я никогда не боялся испачкать руки, но к бессмысленным смертям всегда относился отрицательно. Прежде чем принимать решение, нужно понять, чем он сможет мне навредить. Расскажет всем, что Вандэй уже совсем даже не Вандэй? А кому? Мы здесь пока одни и непонятно, выжил ли — Я своими глазами видел, как ты свалился в грузовой люк! — не унимался рыжий. — Во имя морского пса, как ты выжил, чертяка?

— Не помню, — всё-таки ответил я, рассудив, что дурное дело нехитрое, и стоит хотя бы попытаться договориться. — Всё как в тумане. Сначала полз через дым, потом выпал за борт, до утра провисел на какой-то бочке. Когда добрался до берега, там уже всё сгорело, а от вас — ни следа.

— Удивительно. Я думал, ты сгорел в том аду, а оно во как — Он потянулся, чтобы почесать затылок, но внезапно замер и подозрительно прищурился. — Сам доплыл, говоришь? И что, ни одна мохра не попыталась сожрать?

Естественно, я понятия не имел ни о какой “мохре”. Единственной кандидаткой на это звание выступала злобная рыбина, которая пыталась утащить меня на дно, но с тем же успехом рыжий мог спрашивать о хищных водорослях или говорящей черепахе. Память Вандэя не торопилась просыпаться, чтобы внести ясность.

— Была какая-то тварь, но я убедил её поискать добычу попроще. — С намёком постучал дулом револьвера по бедру. — Как видишь, она вняла.

Его взгляд сверлил меня, словно пытался проникнуть в душу и крюками вытащить оттуда истину. Я же демонстративно расслабился, готовый при любом подозрительном движении выстрелить или использовать “Сохранение формы”. Внезапно на его лице вылезла широкая улыбка.

— Хо! — одобрительно воскликнул он. — Не ожидал. Скажу честно: всегда думал, что ты пожиже, чем брат, а оно во как оказалось.

Я криво усмехнулся и в тот же момент ощутил характерный запах тухлятины.

Одержимый!

Он двигался прямо к нам, не разбирая пути, причём выбрал целью не меня, а рыжего моряка. В голове сразу появилась предательская мыслишка, что это отличный шанс разобраться с проблемой чужими руками, и к своему стыду я не мог уверенно сказать, что она принадлежит Удильщику.

В душе вспыхнула злость. Если почувствую от рыжего опасность, то прикончу его сам. Пока же он не сделал мне ничего плохого.

Я резко повернул голову, будто что-то услышал.

— Там кто-то есть, — произнес, добавив в голос напряжения.

Рыжий проследил за моим взглядом.

— Я ничего не чувствую — Вдруг его лицо ожесточилось. — Одержимый!

Левая рука в кожаной перчатке взлетела на уровень груди, кулак со скрипом сжался.

— О сиятельный Бог Неба, смилуйся! Даруй мне оружие и направь длань! Да обратятся твои враги во прах!

Мужчина стоял, пафосно вытянув руку, словно сжимал в ней невидимый посох. Его выступление выглядело настолько нелепо и не к месту, что я невольно посмотрел на него, как на умалишённого.

Мне встречалось разное дерьмо — внезапное падение в религиозный экстаз даже не входило в первую десятку. Однако на лице рыжего я увидел только деловую сосредоточенность — ни капли страха или отрешённости. Безумцы так не выглядят.

А в следующий миг вокруг его кулака вспыхнул Свет.

Глава 6

Свет не слепил — он сиял, как жидкое серебро, возвращая реальные цвета в мир Прилива. Безрукавка рыжего оказалась коричневой, его руки — загорелыми, а глаза — карими. Деревья и трава внутри серебристой сферы словно возвращались к жизни, наливаясь яркой зеленью.

Свет не был статичным — он рос, вытягиваясь вверх и вниз, пока не достиг двух метров. Щепотью свободной руки мужчина коснулся Света и потянул, создавая тетиву?

Силы демонов — то ещё мозголомное дерьмо, так что меня сложно удивить. Но в том и дело, что в происходящем не чувствовалось ни капли инфернальной энергии. Вместо вони, с помощью которой мой дар сообщал о проявлении греха, обоняния коснулся тонкий, едва ощутимый, запах озона и холодного металла?

Я смотрел во все глаза, анализируя совершенно новую для меня энергию. Она ощущалась чистой? Да, пожалуй, это правильное слово. Свет был полной противоположностью греха.

Неужели Боги действительно существуют? Наши эксперименты закончились ничем, хотя мы проверяли всё: от молитв и сутр до рунных знаков и оберегов. Не нашлось истинно верующих, или наш мир настолько глубоко погряз в грехе, что даже Боги от нас отвернулись?

Хочу знать! Хочу эту силу! Хочу понять, что она такое! Мой маленький внутренний учёный уже мысленно посадил рыжего в клетку и ставил на нём опыты. Как Свет влияет на физический мир? Как взаимодействует с грехом? Что произойдёт, если они встретятся в одном теле? Это врождённая способность или приобретённая? Чем приходится платить? От количества вопросов и теорий голова шла кругом.

Я настолько увлёкся, что совсем забыл про одержимого, а его силуэт, между тем, уже мелькал среди деревьев. Знакомого вида тёмные щупальца тянулись за тварью подобием плаща.

Рыжий резко натянул тетиву к самому уху. На луке тут же, без малейших спецэффектов, появилась стрела Света — и он отпустил.

Серебряный луч пробил дерево на пути и врезался в демона, но тот успел подставить на пути щупальце.

Сверкнула тусклая вспышка — и одержимый продолжил бежать, как ни в чём не бывало. Он не провалился в ад, как я подсознательно ожидал, не взвыл диким голосом и даже не загорелся — Свет испарил примерно половину щупальца, и на этом — всё.

— Не стой столбом! Помогай, пёс тебя раздери! — заорал рыжий, раз за разом натягивая тетиву.

Стрелы полились густым дождём, но одержимый ловко маневрировал, а где не успевал увернуться, пускал в дело щупальца. Меня он то ли не узнал, то ли забыл, то ли решил взять реванш — кто этих тварей разберёт?

Я тоже разок выстрелил, чтобы не выглядеть совсем уж подозрительно, но промахнулся — специально, само собой. Смерть ценного образца не входила в список моих интересов, однако бой дарил уникальную возможность увидеть его реальные возможности. Внутренний учёный уже потирал ручки, предвкушая новые данные.

И рыжий меня не разочаровал!

Одержимый обрушил на него когтистую лапу, но мужчина парировал удар своим луком — плоть греха зашипела и начала обугливаться. Тварь завопила, отшатнулась — и рыжий мгновенно воспользовался моментом, врезав луком поперёк чёрного туловища.

Захватив инициативу, мужчина тут же перешёл в нападение. Он двигался нечеловечески быстро и неестественно плавно — на уровне демонолога шестого или даже седьмого ранга. Каждый выпад ощущался продолжением предыдущего, каждое движение несло свой смысл.

Лук крутился сверкающим кольцом; удары сыпались, казалось, со всех сторон. Столкновения сопровождались тусклыми вспышками и рёвом демона. Во всём этом чувствовалась законченная система.

Кстати, а почему именно луком? Для ближнего боя логичней использовать посох или копье, например. Что вообще определяет форму Света? Её можно менять? Если да, то какой ценой?

Ну же, покажите мне больше!

Одержимый внезапно скрутил два щупальца и врезал ими наотмашь, словно кнудом. Рыжий успел парировать, но темп сбился. Рыча от ярости, демон обрушился на человека, пользуясь преимуществом в количестве конечностей. На концах щупалец отросли острые лезвия, похожие на заточенные человеческие ногти.

Человек крутился волчком, но на его теле всё равно появились длинные порезы.

— Стреляй же!

Я молча подчинился — на этот раз луч пролетел в опасной близости от его лица.

— Да не в меня, дебил!

— Прости! — Я сделал вид, что тщательно целюсь.

Зарывчав, как дикий зверь, рыжий выкрутился каким-то совершенно невероятным образом, пропустив мимо три лезвия, и врезал демону поперёк морды — шипение, вонь палёной шерсти, визг. Тварь отшатнулась, хватаясь за лицо. Мужчина отпрыгнул назад.

Я снова выстрелил. На этот раз промазать было бы слишком подозрительно, так что попал в одно из щупалец, промораживая багровую бугристую плоть до основания.

— О сиятельный Бог Неба, открой врата! Обрати на меня взор, дай силу рукам, очисти помыслы. Небесный удар!

Стрела вспыхнула, застрекотала электрическими разрядами. Я даже не уловил момент, когда она сорвалась с тетивы.

Жахнуло.

На месте демона вспухла, треща и гудя, яркая полусфера. Воздух наполнился резким металлическим запахом озона и вонью жжёной органики. Электрическая вспышка существовала буквально секунду, но когда исчезла, на землю упал только обугленный скелет. Естественно, ядро в этом аду не уцелело.

Наступила тишина.

Рыжий попытался отдышаться, тяжело опираясь на изрядно потускневший лук. Мои же мысли целиком занимал анализ силы Света. Многое ещё оставалось под вопросом, но кое-какие выводы можно было сделать уже сейчас.

Метод активации — обращение к Богу. Молитва. Тфила. Мантра. Можно называть, как угодно — суть не изменится. Лично мне нравится слово “инвокация”: оно древнее, ещё из тех времён, когда Боги (если верить мифам) ходили по земле.

Итак, есть как минимум два типа инвокаций: пассивные и активные.

Когда рыжий призвал лук, тот просто остался с ним. Никаких дополнительных призывов, никаких ограничений. Хочешь — используй по прямому назначению. Хочешь — орудуй как дубиной. Вопрос с поддержанием остаётся открытым, но сражался мужчина довольно бодро, и особой усталости от использования лука я у него не заметил.

Условное название ветки — благословение.

“Небесный удар”, напротив, вызывал мощный, прямолинейный и кратковременный эффект. При этом невооружённым глазом было видно, что он забрал у мужчины много сил.

Условно — заклинание.

Рыжий немного отдышался и со злостью уставился на меня.

— Какого пса, Вандэй? У тебя руки кривые или в глазах двоится? Как можно с метра промахнуться?! — в конце он сорвался на крик.

Я понятия не имел, как ответил бы на такую претензию оригинальный Вандэй, а потому ляпнул первое, что пришло на ум:

— А сам чего тянул? Если бы ты прикончил эту тварь сразу, мне не пришлось бы тратить на него драгоценные заряды, — сказал и скрестил руки на груди с недовольным видом.

Наши взгляды столкнулись со звоном стали. В воздухе повисло напряжение. Я даже начал мысленно прикидывать, как обезвредить его в случае конфликта, не повредив при этом ценный образец.

Однако в следующую секунду рыжий демонстративно сплюнул себе под ноги. Лук в его руке погас, как задутая свеча.

— А я уже подумал, что ты на человека стал похож. Идём, высокородный, — последнее слово он произнёс с отчётливой насмешкой, — отведу тебя в лагерь.

Мужчина махнул рукой и зашагал в том же направлении, с которого появился.

От такого поворота я немного опешил.

— Подожди, разве выжил кто-то ещё? Я же видел взрыв

— Это был капитан, — глухо прервал меня рыжий, остановившись. — Мастер Тейлор пожертвовал собой, чтобы спасти остатки команды. Ты идёшь?

Однако я не торопился двигаться с места, мысленно взвешивая “за” и “против”. Бой с одержимым ясно показал, что рыжий не представлял для меня опасности. Конечно, у него наверняка остались ещё козыри в рукаве, но я не сомневался, что справлюсь. Однако лагерь — это совсем другой вопрос.

— Много выжило? — поинтересовался я якобы взволнованным тоном.

— Двадцать четыре человека, — ответил мужчина и усмехнулся. — Не переживай, твой брат тоже в лагере.

Отлично, только человека, который знал толстяка как облупленного, мне и не хватало для полного счастья. И без того невеликое желание идти в лагерь сжалось до размера монеты, закатившейся под шкаф, — вроде и можно достать, но лень нагибаться. А вот ценный образец хотелось бы забрать с собой.

По всей видимости, что-то в моём поведении заставило рыжего насторожиться — он весь как-то подобрался, напрягся, завёл правую руку за спину.

— Что-то не так? — почти безмятежно поинтересовался я.

— Станный ты какой-то, — напряжённо ответил он.

Знал бы ты, насколько

Мой разум холодно, словно чётки, перебирал доступные варианты. Оглушить, связать и тащить с собой? Плохая идея: мало того, что труднореализуемо, так и держать объект с не до конца исследованными возможностями без тотального контроля — откровенная глупость. Разбить базу где-то неподалёку, провести хотя бы поверхностные тесты и избавиться? Нерационально. Отпустить? Так он расскажет обо мне в лагере. Убить? Трата полезного ресурса, да и с моральной точки зрения весьма сомнительно.

Как и всегда, когда решение не удавалось найти с ходу, большой палец на левой руке начал мелко, бессознательно тереть подушечки остальных.

А что, если я изначально смотрел на ситуацию с неправильной стороны? Видел проблему там, где мне на самом деле предлагали отличную возможность.

Целых двадцать четыре подопытных, шанс наблюдать за ними в условиях кризиса — это ли не подарок? Безусловно, присутствовал риск разоблачения, но мне ли бояться? Проще расшифровать химический состав котлет, которые нам выдавали в столовой, чем вспомнить хотя бы один эксперимент с инфернальной энергией, который прошёл полностью по плану.

Тем не менее, закрывать глаза на очевидные проблемы — это не риск, а откровенная глупость. Я даже имён этих людей не знаю.

Пожалуй, прежде чем принимать окончательное решение, нужно провести небольшой эксперимент.

Револьвер демонстративно отправился во внутренний карман.

— Ты можешь меня проверить? — задал я вопрос, застав рыжего врасплох.

— В каком смысле проверить? — тупо переспросил он.

— Чувствую себя странно, — пояснил ему, изображая напряжение. — Путаюсь, могу забыть совершенно очевидную вещь, координация сам видел.

Мой ответ заставил мужчину ощутимо напрячься.

— Почему сразу не сказал?

— Не доверял, — ответил, слегка пожав плечами. — Откровенно говоря, я тебя вообще не помню. Как по голове прилетело, так всё как в тумане.

— Какого ещё удара?

Я едва сдержался, чтобы не закатить глаза. Seriously? Его это интересует?

— На корабле. Когда полз, палуба провалилась, и мне чем-то тяжёлым прилетело.

В моём гениальном плане имелся один маленький недостаток: полное отсутствие каких-либо следов или ран, даже банальной шишки, чтобы предъявить в качестве доказательства, и той не было. Впрочем, я всё равно не собирался позволять себя осматривать.

Подозрительности в его взгляде стало меньше. По всей видимости, он вспомнил момент с обрушением палубы, сопоставил время, и получившаяся картина подтвердила мои слова.

— Мне твою голову осмотреть? — спросил он, делая шаг вперёд.

— Нет! — я резко выставил руку. — Извини, но я тебе не слишком доверяю. Ты можешь проверить, это просто последствия удара или — мой голос дрогнул, — что-то другое?

— Вообще способ есть, — мужчина озадаченно почесал затылок. — Но смысл? Я и так чувствую, что в тебе нет одержимости.

Я упрямо мотнул головой.

— Мне нужно убедиться.

Рыжий раздражённо дернул уголком губ. Чувствовалось, что ему откровенно лень напрягаться, однако зерно сомнения мешало сказать однозначное “Нет”. В итоге победила осторожность.

— Тц, твою взяла. У меня после этого искусства голова трещит, но лучше так, чем потом разбираться с демоном, если он всё-таки в тебя забрался.

Искусство? Судя по всему, это прямой аналог моего термина “инвокация”... Мистичненько, но мне больше импонирует научный подход.

Рыжий зачем-то убрал очки на шею, стащил бандану с головы, а затем сцепил ладони в замок.

— О сиятельный Бог Неба, яви истину. — В центре лба мужчины вспыхнула вертикальная серебристая линия. — Раскрой три двери, пронзи души светом своим, разбей покровы. — На его лице заиграли желваки, пальцы побелели, а глаза, казалось, вот-вот вылезут из орбит. — Небесный взор! — выкрикнул он с явным напряжением.

Черта вспыхнула и треснула, раскрываясь в невероятно сложный символ, отдалённо напоминающий человеческий глаз из тончайших, буквально с волос, линий и завитков.

Волна серебряного света прокатилась по поляне, оттесняя Прилив на десятки метров. В мир вернулись привычные краски: вспыхнул изумруд травы, морщинистая кора заиграла благородными коричневыми оттенками, даже чёрная земля обрела объём и больше не казалась мёртвой. Повеяло свежестью, дышать стало легче и приятней.

Зато над костями одержимого появился тёмный, отталкивающий дымок. Так, судя по всему, проявили себя остатки инфернальной энергии.

Я впился взглядом в его лицо, ловя малейшие оттенки эмоций. Вот его глаза немного сузились — не подозрительно, а как бы всматриваясь вглубь. Уголки губ едва заметно дрогнули в намёке на улыбку. Зрачки слегка расширились.

— Всё в норме, — отрывисто, на выдохе, словно держа что-то тяжелое, произнес он. — Сам посмотри.

От моего тела действительно исходило холодное белое свечение. Это выглядело одновременно красиво и жутко: сияние пробивалось через кожу, подсвечивая поверхностные вены и капилляры. Я с любопытством пошевелил пальцами и увидел, как двигаются мышцы.

А затем Свет погас.

Рыжий шумно выдохнул, вытирая пот со лба.

— Сложное искусство, сил много забирает, — пожаловался он. — Зато мы теперь уверены, что в тебе не засело никакой пакости. Здорово, правда?

Я неуверенно улыбнулся.

— Пожалуй. Правда, это никак не решает мои проблемы с памятью.

Занятый завязыванием банданы, мужчина коротко хохотнул.

— Как доберемся до лагеря, попросишь старину Вилли, чтобы посмотрел.

Естественно, я не собирался никого ни о чем таком просить, поэтому соорудил настороженное лицо.

— А это ещё кто?

Рыжий удивлённо присвистнул.

— А и не думал, что всё настолько плохо. Вилли — это наш целитель, последователь Собирателя Костей.

Мой внутренний ученый тут же замер, словно охотничья собака, почуявшая след зверя. Собиратель Костей звучало, как имя демона. Но интуиция нашептывала, что он из одной команды с Богом Неба, а где две сущности, там и три а может и больше! У каждого — уникальный набор инвокаций! Это же просто потрясающе!

Чтобы не выдать бушующую бурю эмоций, мне пришлось одеть на лицо бесстрастную маску.

— Спасибо, обойдусь, — сухо обронил.

— Ну и зря. Вилли — настоящий профи, он меня практически с того света вытащил, — впрочем, вопреки словам, его голос звучал всё так же легкомысленно. — Но пёс с тобой, у нас и без тебя хватает раненых. Теперь-то мы можем идти? — Он нетерпеливо переступил с ноги на ногу.

Получив законное оправдание для частичной амнезии, у меня больше не оставалось причин сопротивляться любопытству. И хорошо. А то последняя порция информации могла бы и заставить наплевать на безопасность.

— Да, конечно, — бодро кивнул, полностью уверенный, что выкручусь из любой ситуации. В крайнем случае, у меня всегда оставалась возможность уйти по воздуху.

— Следуй за мной.

Мужчина развернулся и нырнул в лес. Я рванул следом, но увидел только спину, исчезающую за очередной веткой. Следующие несколько минут превратились в какой-то кошмар: он шёл быстро, не оглядываясь, безошибочно выбирая путь и практически не создавая шум; я едва поспевал за ним, обливаясь потом и создавая столько же шума, сколько стадо кабанов. И даже такого результата мне удалось добиться только благодаря бесконечной выносливости.

Могло бы помочь “Сохранение равновесия”, но я не рискнул его использовать, не имея возможности оценить реакцию проводника. Пришлось отложить эксперимент на более удачный момент.

— Как тебя зовут? — старательно имитируя недостаток кислорода, бросил рыжему в спину. Да, я потел, как свинья, однако дыхание при этом оставалось таким же ровным, как при медитации.

— Уильям, — он обернулся и усмехнулся, думая, что раскусил мой манёвр. — И, опережая твой следующий вопрос, моя должность на “Альбатросе” — ганнер, — мужчина определённо гордился этим фактом, но мне он ни о чём не говорил. — Не отставай. Осталось немного.

Уильям ускорился ещё сильнее, перейдя на медленный бег. Мне оставалось только догадываться, как при таком темпе он до сих пор не переломал ноги о корни, торчащие из земли корни, и не цеплялся за каждую встречную ветку. Мой сюртук, к примеру, уже обзавелся парой рваных дыр.

Я в целом чувствовал себя довольно странно: потный, горячий, но энергия бьёт через край. Ветки хлестали по рукам, лицу, однако ссадины и царапины исчезали настолько быстро, что даже боль не успевала появиться. В принципе, если бы мышцы и координация позволяли, я бы выдержал и более высокий темп. Однако в текущем состоянии тела, мне оставалось только ломиться сквозь заросли, собирая все сучки, ямки и лужи грязи по пути.

Мужчину, кажется, моя неуклюжесть только забавляла.

Отодвинув очередную ветку, я с даже не сразу осознал, что лес закончился.

— Пришли, — усмехнулся Уильям и хлопнул меня по плечу. — Выглядишь так, будто вот-вот сдохнешь.

Глава 7

Я и в самом деле усиленно изображал, что пробежка через лес меня сильно вымотала: чуть откинул голову, тяжело дышал через рот, периодически сглатывая “вязкую” слюну, упёр руки в бока и переступал ногами. Главное в обмане — это верить в него самому. Кому как не мне, бывшему демонологу Лицемерия, об этом знать.

Глубокий вдох и долгий выдох — как финальная точка.

— Ага, спасибо за заботу, — усмехнулся, якобы приходя в себя, после чего демонстративно огляделся. — А где лагерь?

На лице Уильяма застыло недоумение, а затем уголки его губ поползли вверх.

— Отличная шутка, — оценил он и засмеялся.

Я тоже улыбнулся, хотя в действительности никакого веселья не чувствовал.

Вместо лагеря меня встретило несколько кривых и косых навесов рядом с мелким ручьём. Люди сидели и лежали на подстилках из веток. Большинство — раненые, перевязанные обрывками одежды, с потухшими глазами. Не хватало только стервятников, которые кружили бы над этим филиалом уныния.

От костра поднялась фигура и направилась к нам.

Это был подтянутый парень лет двадцати в идеально сидящем на нём чёрном сюртуке с красным бархатным воротником (впрочем, из-за Прилива настоящие цвета оставались загадкой) без единого грязного пятнышка. Он словно не из боя вышел, а приехал с королевского приёма. Лицо — вытянутое, с красивыми, тонкими чертами и узким волевым подбородком. Уголки губ немного опущены, а тёмные глаза смотрели прямо, тяжёло, оценивающе.

— Лэр Элиас, — Уильям ударил себя кулаком в грудь, прижав большой пальцем к телу, и вытянулся.

При упоминании фамилии я слегка прищурился — так вот он какой, братец Вандэя Что ж, порода чувствуется. Лэр это обращение или всё-таки имя?

— Мистер Уильям, — надменным голосом заговорил красавчик. — Вы уже выполнили поставленную задачу?

— Ещё нет, лэр. Я встретил вашего брата в лесу и решил проводить его к нашему лагерю.

Значит, лэр — это всё-таки обращение, по смыслу, скорее всего, близкое к “сэр”.

— Идиот! — рявкнул парень, а его породистое лицо перекосило от гнева. — Нам нужна еда, а не очередной бесполезный рот! Повторяю для тупых: Е-да!

На меня эта спесивая отрыжка благородной фамилии даже невзглянул. Уверен, он своей собаке больше внимание уделял, чем брату. Впрочем, это ещё ни о чём не говорило: может, Вандэй оторвал голову его любимой кукле Хе-хе.

— Простите, лэр, демоны и взрыв распугали всю живность, — ответил Уильям, преданно поедая начальство взглядом.

Я почти физически ощущал, как его распирает от унижения. Тем не менее мужчина держал себя в руках. Ощущалось это странно: со мной ганнер обращался совсем в другой манере, хотя Вандэй тоже аристократ, причём с той же фамилией.

— Меня не интересуют твои жалкие оправдания! — ещё сильнее выверился парень. — Либо ты выполняешь приказ, либо я тебя уволю с такими рекомендациями, что даже помощником кока на камбуз нигде не возьмут. Достаточно ясно выражаюсь?

— Предельно, лэр. Позвольте исполнять? — голос ганнера звучал ровно и подчёркнуто уважительно, но я видел, как его пальцы едва заметно подрагивали. Создавалось ощущение, что от удара в морду красавчика отделяли жалкие крупички терпения.

— Проваливай, — с презрительной гримасой повелел красавчик

А я никак не мог отделаться от мысли, как же порой бывает обманчива внешность.

Рыжий снова ударил себя в грудь, сделал длинный шаг назад и только после этого развернулся. Не оглядываясь, он рысью рванул обратно в лес.

— Никчёмный балласт, — сплюнул ему вслед парень и повернулся ко мне. Его взгляд не потеплел ни на градус, напротив, в нём появился новый оттенок — брезгливость. — Слушай сюда, позор рода, у меня нет ни времени, ни желания подтирать за тобой сопли. Мне плевать, где ты будешь спать, что жрать и выживешь ли вообще. Исчезни и не попадайся мне на глаза. Всё ясно?

Я кивнул, с трудом сдерживаясь, чтобы не броситься ему на шею с криком: “За что, братик?! Мы же семья!” Уверен, выражение его лица было бы достойно отдельной картины в моей галерее “Спесивых мудаков, застигнутых врасплох”. Увы, ситуация совсем не располагала.

— Как скажешь, — улыбнулся я и, не дожидаясь ответа, прошёл мимо, к лагерю. — Не скучай, братик, — махнул рукой на прощанье.

Всё-таки моя желчь не позволила уйти просто так, без лёгкого выпада напоследок Плевать. Уверен, высокомерному красавчику настолько плевать на брата, что я могу хоть голым на столе выплясывать, лишь бы не во время его ужина.

— А ну стой, — внезапно раздался голос за спиной.

В душе поднялось удивление. Неужели я ошибся и пацан гораздо внимательнее, чем выглядит на первый взгляд?.. Да нет, быть не может.

Тем не менее, пришлось останавливаться.

— Что ещё? — полуобернувшись, сварливо поинтересовался я.

В его глазах светилась непонятная жадность и угроза.

— Откуда у тебя этот рюкзак?

Ответ буквально крутился на языке, умоляя выпустить его наружу, но, пожалуй, посылать командира лагеря откровенным матом пока ещё не стоило.

— Волновать тебя не должно, — в итоге немного смягчил формулировки я и поправил ляжку.

Красавчик весь покраснел, глаза сузились, губы вытянулись тонкой ниткой.

— Как ты смеешь ублюдок, — голос опустился до змеиного шипения. — Жалкая грязнокровка.

Воланд-де-Морт, ты ли это? Прости, не узнал в гриме. Ещё не всех маглов истребил?

Пока одна моя часть упражнялась в остроумии, другая анализировала новую информацию. Если “ублюдок” — это не просто оскорбление, а фактический статус, то становилась понятна и вольность Уильяма, и пренебрежение красавчика. Если судить по меркам родного мира (а ничего другого мне пока не оставалось), то на толстячке с самого рождения висело позорное клеймо.

Ублюдок — это сын, рожденный вне брака.

В прошлом такой ребёнок не имел права наследовать ни титул, ни имущество, ни землю отца. Даже если родитель вдруг соглашался его признать (что случалось редко), закон всё равно оставался на стороне детей, рождённых от жены. Перед бастардом навсегда закрывались двери “приличного общества”. Всю жизнь ему приходилось нести груз презрения и стыда.

Конечно, всё это большей частью относилось к западной культуре, но и в восточной ситуация обстояла не сильно лучше. В новом мире положение незаконнорождённых детей могло кардинально отличаться от моего, и всё же, точка отсчёта выглядела откровенно паршивой.

— Надо-то чего? — проигнорировав выпад, сухо поинтересовался я.

Красавчик требовательно вытянул руку.

— Верни, что украл.

Я с сомнением посмотрел на гладкую, не знавшую труда ладошку — он что, даже с оружием не занимался? Странно.

“Не отдавай. Ничего. Никогда”, — немедленно активизировался Удильщик.

В этот раз наши мнения полностью совпадали.

— Не подаю, — обронил и демонстративно шагнул назад. — Что касается рюкзака, то это моя собственность. Успел забрать из своего сундука, пока вы драпали от демонов, — соврал без малейшего угрызения совести.

Паренёк застыл — лишь узкие ноздри широко раздувались, да бледные щёки покрылись лихорадочным румянцем.

— Ты смеешь мне перечить, ублюдок? — в его голосе слышался даже не гнев недоумение, словно он никак не мог поверить, что толстяк решился ему возразить. — Выродок. Жирный червяк. Позор рода.

Я только головой покачал — и это всё, на что хватило его воображения? Жалкое зрелище.

— Не хочу прерывать наш высокоинтеллектуальный разговор, но мне пора идти, — выбрав момент, когда он набирал воздух для новой порции оскорблений, произнёс я и зашагал в лагерь.

На какую-то секунду мне показалось, что получится уйти, избежав глупых разборок. Но затем раздался топот и рука вцепилась в плечо.

— Я тебя не отпускал, свинья! — его голос взлетел над лагерем, а указательный палец вонзился в надключичную ямку.

По всей видимости он ожидал, что я взвою от боли и все увидят, как он ставит наглого брата на место. Вот только концептуальность сделала его все потуги бесполезными. Боль была, но не острая, шокирующая, а приглушённая — скорее информированная, чем реальная.

Что ж, в эту игру можно играть вдвоём.

Я чуть развернулся в сторону захвата и схватил его за локоть. Там хватало болевых точек, но я выбрал самую очевидную: между двумя сухожилиями, примерно в том месте, где берут кровь из вены. Сдавил.

Мы замерли, меряясь взглядами.

Он сдался первым — резко выдернул руку и шагнул назад. Его глаза широко раскрылись от испытанной боли и шока.

— Ты ты — бедняга просто не мог подобрать слов, способных выразить всю степень его гнева. Кулак на правой руке резко сжался. — О величайший Бог Моря

— Посмотри вниз, — резко оборвал его.

Он рефлекторно скосил взгляд и запнулся, увидев револьвер, который смотрел ему точно между ног.

— Я бы на твоём месте не стал заканчивать, — дипломатично заметил, когда красавчик осознал угрозу.

— Ты не посмеешь, — ошарашенно прошептал он.

Я кивнул и улыбнулся.

— Можешь проверить, — предложил ему доброжелательным тоном. — На кону твои колокольчики — не мои.

Ситуация зависла в уродливом подобии равновесия. Стоило кому-то из нас сделать хоть шаг, и она рухнула бы в бездну эскалации. Но мы не шевелились. От его лица отхлынули все краски, а зрачки расширились, как у наркомана во время прихода. Он не верил, что Вандэй решится нажать спусковой крючок — я видел это в бегающем взгляде, в подрагивающей руке, в напряжённых желваках. Он уже почти убедил себя в том, что толстяк блефует.

“Осталось десять девять”, — бесстрастно отсчитывал внутренний голос.

Красавчик ошибался. Я выстрелю. Вряд ли его люди спустят нападение на командира — значит, начнётся бойня.

Стоил ли того обычный рюкзак? С моей точки зрения — да, безусловно. Жаль, конечно, было терять такой отличный полигон, но есть определённая граница, за которую я никому не

позволю переступить. Слова меня мало задевали: собака лает — караван идёт. Но действия — это уже совсем другой уровень.

— Что здесь происходит? — раздался строгий женский голос.

На лице красавчика мелькнуло облегчение, и я, воспользовавшись его отвлечением, чуть сместился, чтобы видеть новое действующее лицо.

В двух метрах от нас застыла женщина в элегантной военной форме: тёмный приталенный фрачный мундир с эполетами и шитьём, облегающие штаны из тонкой чёрной кожи, высокие ботфорты до колена. Единственное, что выбивалось из образа служаки, — это богатый красный кушак поверх пояса. Руку незнакомка держала на витой рукояти шпаги.

Её лицо приковывало взгляд своей строгой красотой — высокие скулы, прямой изящный нос, аккуратный подбородок, яркие губы. Тёмные глаза смотрели спокойно и внимательно. Чёрные короткие волосы находились в лёгком беспорядке.

От незнакомки веяло уверенностью и силой. Моя интуиция буквально кричала, что она в разы опасней, чем спесивый красавчик.

Стоило вспомнить про говно, как оно тут же проснулось:

— Лэри Харвуд, немедленно арестуйте этого ублюдка.

На женщину, впрочем, его пассаж не произвёл ни малейшего впечатления. Она лишь немного повела головой, фокусируя на нём своё внимание.

— Лэр Элиас, в мои обязанности не входит решение ваших семейных проблем. Лорд Элиас поручил мне защищать обоих своих сыновей в равной степени. Я здесь лишь затем, чтобы вы не поубивали друг друга, — её голос звучал ровно, спокойно, с едва заметной ноткой усталости.

Но братца такой ответ не устроил — на мужественной челюсти заиграли желваки, руки сжались в кулаки.

— Ты ставишь жизнь законорождённого наследника вровень с презренным ублюдком? Я приказываю! Арестовать! — он снова сорвался на крик.

Тонкая бровь женщины изогнулась, выражая точно отмеренную долю изумления.

— Вы желаете нарушить волю Лорда Элиаса?

— Я сам разберусь со своим отцом, — отрезал красавчик.

Голова лэри Харвуд повернулась ко мне. Я видел, как она оценила револьвер, его направление, и уголок её губ едва заметно дрогнул в намеке на улыбку. Затем взгляд тёмных глаз вернулся на красавчика.

— Нет, — произнесла женщина коротко и прямо.

Парень вздрогнул, словно ему отвесили пощёчину.

Ступор.

Его взгляд заметался в поисках спасения, наткнулся на людей, сидевших на ближайшей подстилке.

— Тогда

— Боюсь, этого я тоже не могу позволить, — ровным тоном оборвала его лэри. — Люди устали. Они едва выжили, и последнее, что им сейчас нужно, — это распри внутри лагеря.

Красавчик скрипнул зубами в бессильной злобе.

— Не сильно радуйся, ублюдок, дома я сотру тебя в порошок, — буквально выплюнул он и, словно потеряв интерес, направился обратно в лагерь, напоследок едва не врезавшись в меня плечом.

Мне пришлось сделать шаг в сторону, но это была невысокая плата, чтобы избавиться от общества этого мудака. Теперь я мог уделить всё своё внимание только прекрасной даме.

— Благодарю за помощь, лэри Харвуд, — произнёс, старательно копируя манеру общения старшего братца без грязи, само собой.

В ответ на меня посмотрели так, будто оценивали лошадь на ярмарке — быстро, деловито, от макушки до пят.

Я не стал стесняться и проделал то же самое. Увиденное впечатляло: гибкая, подтянутая фигура с тонкой талией и длинными ровными ногами, которые только подчёркивала одежда; да, она не могла похвастаться выдающимися формами, но это ничуть не умаляло её привлекательности.

Моя наглость не осталась незамеченной — в тёмных глазах вспыхнул опасный огонь.

— Рада видеть вас в живом виде, лэр Элиас, — проигнорировав благодарность, сообщила лэри Харвуд. Её голос звучал настолько равнодушно, что стало очевидно: толстяк ей безразличен — если она и волновалась, то только из-за порученной миссии.

Кстати об этом — раз Лорд Элиас нанял телохранительницу для обоих своих сыновей, значит ли это, что положение Вандэя в семье не настолько ужасное, как я подумал изначально?..

Сложно сказать наверняка.

— А уж я-то как рад, — улыбнулся в ответ, ничуть не смущённый холодной встречей.

Кто знает, как толстяк вёл себя до моего подселения. Может, он недалеко ушёл от своего братца или вообще пытался потрогать благородную лэри за задницу.

— Если не хотите, чтобы это изменилось в будущем, не стоит угрожать младшему наследнику стихийником, — хмыкнула женщина, не меняя интонации. — Его Сфера Морриса всё ещё исправна. Кстати, а куда вы подевали свою?

Вопрос застал врасплох. Судя по контексту, речь шла о каком-то защитном артефакте. Но у толстяка не было при себе ничего подобного!

Это что же получается, он не только свалился в люк, но и потерял где-то свою главную защиту? Конечно, всякое может случиться, особенно во время прилива, но тут как-то всё слишком подозрительно выстраивается в одну цепочку.

Нужно больше информации.

— Чего братец тогда испугался? — поинтересовался я с насмешкой.

На лице лэри Харвуд не дрогнула ни одна мышца, однако в воздухе всё равно повисло ощущение разочарования.

— Чем ближе Сфера Морриса к истощению, тем больше агрессивной энергии пропускает. Ваш брат просто не захотел рисковать, — снизошла женщина до объяснений. — Сделай вы это намеренно, и я бы признала изящность хода. А так вам просто повезло, полагаю.

“Ах, лэри Харвуд, ваш холод разбивает мне сердце!” — едва не вырвалось в ответ, но мне вовремя удалось придержать разбушевавшиеся гормоны.

— Удача — это тоже своего рода сила, — вместо этого усмехнулся я.

Губы красавицы сжались в тонкую нитку, словно мои акции в её глазах стремительно рухнули до минимума.

— Если и так, то не советую на неё рассчитывать — ненадёжна, — отрезала она. Затем её взгляд переместился на моё плечо. — Полагаю, конфликт случился из-за еды?

— Откровенно говоря, я так и не понял, чего он хотел, — я пожал плечами и улыбнулся.

Повышенное внимание к обычному рюкзаку уже начинало меня напрягать. Что с этими людьми не так?

— В таком случае, я бы хотела попросить вас отдать её в общий котёл. Сражение далось непросто — сами видите, люди измотаны. Им нужны силы.

“Нет! Это наше! Не отдавай! Никогда!” — немедленно взвыл демон.

И нельзя сказать, что я был с ним так уж несогласен. Чем мои банки помогут такому количеству народа? Каждому по две-три ложки? Смешно. Тут нужна хорошая туша кабана или оленя.

Я оглянулся и принялся скептически рассматривать выживших.

Все они сидели или лежали, практически не двигаясь и не разговаривая. Только смотрели пустыми глазами с равнодушными лицами.

Внезапно в голову пришла мысль: “А что, если Свет требует плату за своё использование?.. Некую условную выносливость, например, недостаток которой вызывает состояние, сходное с нейрогликопенией”.

Прилив, крушение, бегство, выживание на грани — не удивительно, что никто из команды не озаботился припасами. Или, возможно, еда исчезла внутри взрыва — не суть важно.

Ситуация стала понятней. Осталось только решить, а есть ли мне вообще какое-то дело до этих бедолаг. Задумался. И с неохотой был вынужден признать: да — есть. Я хотел видеть Свет в действии, а овощи можно разглядывать и на грядке. Похоже, всё-таки придётся делиться.

“НЕТ! НАШЕ! МОЁ!” — взревел Удильщик так, что у меня виски прострелило болью.

“Заткнись!” — цепи вокруг демонического сердца натянулись, царапая поверхность острыми шипами.

Тварь захрипела и испуганно забилась в самый дальний угол. Исчезли даже отголоски её присутствия.

— Что ж, когда вежливо просят, то почему бы не поделиться, — улыбнулся я, проводя черту между жадностью и желанием защитить свои вещи. Скинул рюкзак на землю и, присев рядом, принялся выкладывать свои невеликие запасы на землю.

Я не особо рассчитывал, что красавицу впечатлит моя щедрость, однако её взгляд неожиданно потеплел. Она даже удостоила меня легкой улыбки или это её просто порадовало решение проблемы?

— Браун! — резко выкрикнула лэри, устремив взгляд куда-то мне за спину.

Через секунду перед ней практически из воздуха воплотился высокий лысый здоровяк. Раздался удар кулака по груди.

— Возьми еду и раздай самым плохим, — приказала женщина.

— Слушаюсь, лэри Харвуд, — прогудел тот и принялся сгребать всё, что я выложил. В его огромных ручищах мои скромные припасы практически потерялись.

С той же скоростью, с которой появился, здоровяк рванул в лагерь.

Я же поднялся и закинул на плечо изрядно похудевший рюкзак.

— Благодарю, — кивнула мне красавица. — Отдыхайте, вы сегодня хорошо поработали.

И, не дожидаясь ответа, она развернулась и тоже пошла в лагерь. Похоже, вместе с едой исчез и весь её интерес к моей персоне.

Обидно Ещё и длинные фалды формы спускались ниже пояса, мешая оценить её ягодцы, обтянутые кожаными штанами! Везде сплошной обман!

В итоге сам не понял, как остался в одиночестве на окраине лагеря никому нахрен не нужный.

И куда мне теперь?

Рука рефлекторно потянулась к затылку, но тут под дальним навесом вспыхнул Свет.

Понятия не имею, что там происходит, но обязательно узнаю.

Ни секунды не сомневаясь, я направил свои стопы прямо к цели.

Глава 8

До моего появления никому не было никакого дела — ни кивка, ни поворота головы, ни даже заинтересованного взгляда. Я шёл по лагерю, словно невидимка, и улыбался. Не знаю, как Вандэй относился к такому демонстративному игнору, но я купался в нём, как бактерия в питательном бульоне. Никаких тупых вопросов, попыток залезть в душу или нарушения личных границ; возможность идти, куда взбредет в голову, и заниматься чем угодно — разве это не идеальные условия для попаданца?

Чем ближе становился навес, тем лучше я видел, что под ним происходило.

Свет исходил от мужчины бомжеватого вида. Драный шерстяной плащ, кожаные перчатки с обрезанными пальцами, седая неопрятная щетина, грязные чёрные лохмы, впавшие щеки — он как бельмо выделялся даже на фоне обычных матросов. Но самой запоминающейся деталью был его пояс, на котором висели, пристегнутые цепочками, высокобеленные добела скелетики — рыбки, ящерки, крысы.

Так и хотелось спросить: «Дяденька, а вы точно целитель?»

Впрочем, исходящие из его пальцев лучики Света не оставляли места для сомнений. Словно миниатюрные лазеры, они двигались вокруг раны, очищая, удаляя, разрезая и сращивая. Его работа полностью выбивалась из образа, который приходил в голову при словосочетании «магическое исцеление». Это был сложный процесс. Операция, а не чудесное восстановление силой света и любви.

У меня аж зубы сводило, так хотелось оценить его работу вблизи — понять, разобрать на составляющие, в идеале — провести серию опытов в контролируемой среде. Я с огромным трудом заставил себя остановиться на расстоянии трёх метров и не лезть к специалисту под руку. К счастью, и с такого расстояния было видно много интересного.

Лучики Света удаляли кровь и грязь, отсекали и испаряли омертвевшую плоть, почти мгновенно регенерировали на её месте свежую. Это было настоящим чудом по меркам классической хирургии: ни воспаления, ни послеоперационного периода восстановления, ни даже шрамов

Но если говорить о стандартах демонологов — откровенная грязь.

В моём мире с лечением всё обстояло одновременно просто и сложно. Концептуальность восстанавливала тело даже после самых страшных ран — это правда. Но у этой особенности было одно крохотное ограничение — в ране не должно присутствовать ни следа посторонней энергии.

Проще говоря, если речь шла о повреждениях, нанесённых с помощью Инферно, то демонолог не особо отличался от обычного человека. За счёт своей выносливости он мог побарахтаться подольше, но от пробитого сердца, например, склеивал ласты за считанные минуты. Таким образом, вся наша медицина базировалась на удалении инфернальной энергии. Я лично однажды вернул отрубленную голову на место и ничего, Серёга побежал в бой, словно ничего не случилось. Естественно, пришлось попотеть, чтобы очистить оба среза до наступления необратимого повреждения мозга.

Местный целитель работал иначе: он не вытягивал, а выжигал. Я плохо чувствовал божественную энергию (так я в итоге решил окрестить Свет), но Инферно не двигалось, а распадалось. Естественно, переместить предмет гораздо легче, чем его уничтожить, так что мужчина исходил потом, его карие глаза глубоко запали, а губы — потрескались.

Свет потух.

— Чего надо? — раздался хриплый низкий голос.

Действительно

Мною двигало любопытство, но вряд ли его устроит такой ответ. Если я хочу изучить процесс в деталях, то нужно придумать причину получше. Хм

— Мне показалось, что здесь нужна помощь, — заметил я нейтральным тоном.

Его брови взлетели вверх.

— От тебя что ли? Да не в жизнь. Вали отсюда и не мешай людям работать, — он разве что не сплюнул мне под ноги.

Не прокатило

И что теперь? Утереться и уйти?.. Ага, щас, только тапочки зашнурую.

— У меня есть артефакт, который поглощает демоническую энергию, — с легкостью соврал я.

Выложенный козырь угодил точно в цель — глаза мужчины поражённо расширились. Как я и думал, основная проблема исцеления Светом заключалась в инфернальной энергии.

— Так давай его сюда, бестолочь, — он требовательно вытянул руку с тонкими пальцами без малейших признаков возрастных болячек.

Я лишь покачал головой.

— Нет. Я не отдам такую важную вещь непонятно кому, — я скрестил руки на груди, ещё сильнее подчёркивая свою позицию. — Но могу помочь. Нужно или нет?

Мужчина подозрительно прищурился, словно пытаясь взглядом забраться мне в голову.

— А не врёшь ли ты, случаем, парень? Такая ценная вещь — и у кого-то вроде тебя?.. Слабо верится.

И чего он ждёт? Что я стану с пеной у рта доказывать, что говорю правду? Или это такой хитрый манёвр, чтобы заставить меня продемонстрировать артефакт? Если да, то ему не повезло: из инструментов у меня только руки да хвост.

— Зачем бы мне это делать? — хмыкнул я. Хотел ещё выразительно изогнуть бровь, но вовремя себя одёрнул — слишком яркий жест, не факт, что свойственный Вандэю.

Мужчина поджал губы, что-то прикидывая под себя.

— Да вроде незачем, но демон тебя знает, — задумчиво протянул он и резко махнул рукой. — А, кости с тобой.

Меня схватили за плечо и потащили к молодому парню с перемотанной грудью. Судя по размеру и форме кровавого пятна на перевязке, его рубанули лапой прямо поперёк туловища. Дыхание вырывалось со свистом, указывая на повреждение дыхательных путей.

— Давай, вытягивай, — приказал бомж. — Если ты зря тратишь моё время, клянусь Собирателем Костей, тебя никто в этом лагере не защитит.

Он попытался болезненно сдвинуть моё плечо, но я не стал играть в эти игры и раздражённо скинул его ладонь.

Что у них всех за странный фетиш?

Сунув левую руку за отворот сюртука, я сжал в кулаке одну из пуль — хрен с ней, пусть побудет за артефакт. Правую приложил к ране раскрытой ладонью. Закрыл глаза и сосредоточился.

В ране кипела агрессивная инфернальная энергия, отравляя и убивая плоть. Словно рак, она расползалась по всему организму, мерзко пульсировала, разрушая органы и ткани. В моём мире это человек — мертвец. Даже если демонолог вытянет заразу, его не спасёт никакая медицина.

Что ж, посмотрим, как дела обстоят здесь.

Я вонзил свою волю в самый центр тошнотворной массы и потянул. Энергия не имела полноценного разума, но обладала простейшими инстинктами. Отрыв от бесплатной кормушки она восприняла в штыки и принялась огрызаться импульсами боли, похожими на удары тока.

Не на того напала!

Закалённая воля, превращённая в идеальное оружие — вот что делает из обычного человека демонолога. В моём случае это были цепи. Настолько плотные, что проявлялись даже в реальном мире. Именно затем, чтобы их никто не увидел, я и прижал руку к груди парня.

Цепи извивались, словно обладали разумом, прорывались сквозь паразита, обвивали его, рвали шипами. Они ползли по пульсирующим метастазам, не упуская ни одного ответвления. И когда вся inferнальная энергия оказалась под их контролем

Подчинись!

Моя Воля вырвала мерзкий комок и заперла в глубине души.

— Готов, — выдохнул я и убрал руку.

Целитель тут же оттолкнул меня в сторону.

— Услышь зов, о древний Собиратель Костей. Крыло ворона, крик умирающего, кровь и земля. Сшивание плоти.

Лучики Света ударили из его пальцев, как нити марионеточника. Они буквально стёрли присохшую повязку и зарыскали по ране.

Находясь всего в шаге, я мог следить за происходящим в подробностях.

Вот испарилась лишняя кровь. Затем лучики забегали по внутренностям, удаляя грязь, попавшие в рану волоски, волокна ткани, частицы кожи и мёртвую ткань.

Весь процесс длился не дольше десяти секунд. Под конец мужчина замер, словно оценивал, не пропустил ли чего. Удовлетворённо хмыкнул, и его пальцы буквально взорвались движением.

Свежая, розовая плоть нарастала неудержимым приливом: восстанавливались сосуды, мышцы тянулись и соединялись, обломки костей вставали на место. Мне это напомнило работу 3D-принтера, но гораздо быстрее и с большим количеством печатающих головок. Завораживающее зрелище.

Прошло меньше минуты, и от раны не осталось ни следа.

Внезапно парень открыл глаза и попытался приподняться

— Вилли? — раздался слабый шёпот.

— Лежи, Джон, тебе сильно досталось, — мужчина надавил ему на грудь, с лёгкостью вернув обратно на подстилку.

— Да я помню демоны, — парень морщился, его зрачки лихорадочно прыгали по сторонам. — Где мы? Что происходит?

Бомж по-дружески хлопнул его по плечу.

— В безопасности, — коротко пояснил он. — Джон, мне нужно ещё многим помочь. Отдохни пока, я чуть позже подойду.

Парень закрыл глаза и глубоко, ровно задышал. Однако когда мужчина начал убирать руку, Джон вдруг схватил его за запястье.

— Спасибо, Вилли. Ты спас мне жизнь. Клянусь, я этого не забуду.

— На то и расчёт, парень, — усмехнулся бомж и мягко освободился. Повернулся ко мне. — Идём.

За тем я и пришёл, так что отказываться не стал.

Остаток вечера превратился в симулятор полевого госпиталя: мы помогали одному выжившему и сразу шли к следующему. Из-за особенностей inferнальной энергии обрабатывать приходилось даже неопасные раны, так что подопытного материала хватало в избытке.

Где-то на пятом случае я сделал вид, что у артефакта кончается заряд, и перестал вытягивать заразу полностью. Вилли педантично вскрывал и вычищал каждый уцелевший очаг поражения, позволяя мне собирать бесценные данные.

Мой дар постепенно подстраивался, с каждой секундой ощущая божественную энергию всё лучше. Если при встрече с Уильямом я едва уловил нечто чистое, отдающее озоном, то теперь отчётливо чувствовал металлический запах крови, костяной пыли и влажной земли.

Свет Вилли сильно отличался от «Небесного удара» даже визуально — более холодный и неподвижный, что ли словно замерзший.

Благодаря возросшей чувствительности я начал лучше понимать, что происходило при столкновении божественной и демонической энергии. И этот процесс выглядел перспективно.

Изначально я предполагал, что они подобны материи и антиматерии — встречаются и тут же взаимно уничтожают друг друга. Однако реальность оказалась гораздо сложнее: они сражались, словно два диких зверя, вцепившихся друг другу в глотки. Победитель определялся только тогда, когда на одной стороне заканчивалась энергия.

Интересное наблюдение: в процессе Свет и Инферно как будто адаптировались друг к другу.

Я специально оставлял всё больше демонической энергии в теле пациентов — хотел оценить, как Вилли справится. И результат подтверждал мои выводы: если на подавление одной условной единицы Инферно у него уходила всего секунда и две у.е. Света, то на вдвое большее количество — уже три секунды и пять у.е. Затраты росли, причём нелинейно.

У меня прямо руки зачесались проверить, можно ли довести процесс адаптации до какого-то верхнего предела. Что получится? Неуязвимый к Свету демон? А если наоборот? Свет, который разрушает Инферно при малейшем контакте?

— Чего уставился? — недовольно буркнул Вилли, почувствовав мой голодный взгляд.

— Просто наблюдаю за работой мастера, — нейтрально ответил я. — Но мне вот интересно: почему никто из раненых не подавляет демоническую энергию самостоятельно?

Мужчина бросил на меня хмурый взгляд и вернулся к работе.

— Их организм борется. Не каждое божественное искусство подходит для этого одинаково хорошо, — снизошёл он до ответа.

Всего два простых предложения породили настоящий взрыв из вопросов и идей.

Если не каждая божественная энергия способна к адаптации, то с чем это связано? Дело в уровне развития? Или это что-то вроде врождённого иммунитета: у кого-то слабый, а кому-то повезло? Разница принципиальна или её можно преодолеть количеством?

В любом случае, бомж, как обладатель сильного «иммунитета», стал мне ещё более интересен. Сколько опытов я бы мог на нём поставить в смысле, с ним. Конечно — с ним. Я же не какой-то сумасшедший вивисектор

Ха-ха!

К слову, заметил ещё один интересный момент: люди не дёргались, когда их резали фактически по живому. Значит, «Сшивание плоти» вдобавок ко всему обладало обезболивающим эффектом. Весьма удобная функция для учёного вроде меня.

Так называемые «божественные искусства» всё сильнее дразнили моё любопытство.

Интересно, а демонолог сможет их практиковать? Или его тело тут же превратится в арену для яростной, но короткой битвы? Вопросы, вопросы, вопросы. Мой внутренний ученый трепетал в предвкушении ответов.

Тем временем поток раненых подошёл к концу.

Последним оказался парень с поверхностным рассечением бедра, почти царапиной. Если бы не отравление, он бы и сам завтра встал на ноги. Прикинув, сколько у бомжа осталось сил, я решил сделать вид, что артефакт окончательно разрядился, — приложил руку и изобразил на лице напряжение.

— Похоже, сдох, — как бы вынужденно признал я и скорчил расстроенную рожу.

— Не беда, ты и так сильно помог. Справлюсь сам, — хлопнул меня по плечу мужчина.

Таким образом я смог пронаблюдать за операцией в исполнении местного целителя от начала и до конца. Это был полезный опыт. Например, я заметил, как демоническая энергия в какой-то момент начала растекаться по телу больного, словно пытаясь спрятаться. Целителю пришлось своими лучиками отсекать ей пути побега и загонять заразу в одну точку.

Эта картина натолкнула меня на одну мысль.

На факультете мы проводили серию экспериментов, целью которых было создание искусственного демона из остатков сырой энергии. Мы пытались создать пассивное, практически мёртвое существо с заранее запрограммированной силой.

На проект возлагались серьёзные надежды, но довести его до конца не удалось. Что бы мы ни делали, в какой-то момент голем утрачивал инстинкты и полностью переставал реагировать на раздражители. Это происходило даже в телах подопытных.

А если использовать Свет? Подтолкнуть с его помощью не только жажду жизни, но и эволюцию!

— Ну вот и всё, — закончив с парнем, произнёс Вилли и принялся копать в глубине своего балахона.

— Хорошо поработали, — сказал я, чтобы заткнуть возникшую паузу.

— Да — согласился он и вытащил продолговатый предмет, обмотанный кожаным мешочком.

Никуда не торопясь, мужчина размотал кисет, развязал шнурки и принялся набивать трубку мелкой тёмной крошкой — табаком, скорее всего. Моя же фигура словно в один момент перестала для него существовать.

Что ж, этого следовало ожидать. Для него я оставался всё тем же Вандэем и, по всей видимости, тем ещё мудаком. Обладание ценным артефактом не сделало нас коллегами, так что уважения тоже не прибавилось.

Хмыкнув, я огляделся вокруг.

Людям определённо стало лучше. Они всё ещё выглядели, как бледные тени самих себя, но уже хотя бы двигались. Сейчас большинство готовилось ко сну: организовывали нормальные подстилки, навесы, собирали дрова для костров. И что-то мне подсказывало: если не хочу спать на земле, стоит заняться тем же. Никто не собирается ставить мне отдельный навес, как брату или лэри Харвуд.

— Зови, если будет тяжёлый случай. Думаю, я смогу выжать ещё немного пользы из артефакта, — закинул я на прощание крючок и зашагал к выбранному дереву.

— Постой, — внезапно догнал меня хриплый голос. — Ужин готов. — Он ткнул мундштуком трубки в костёр, рядом с которым сидело несколько человек во главе с моим братцем-мудаком.

Я был не против побесить его ещё сильнее, но с логической точки зрения пять минут удовольствия не стоило того, чтобы привлекать к себе лишнее внимание. Лучше отдохнуть, подумать в тишине, понаблюдать за людьми со стороны, прикинуть план на первое время.

— Рад за него, — буркнул я, не оборачиваясь, и продолжил идти.

Бомж не настаивал. По всей видимости, он и в первый-то раз предложил чисто из вежливости.

Место я выбрал чуть в стороне от основного лагеря, под широким, разлапистым деревом. Обычный настил делать не стал: без елового лапника польза от него была сомнительная. Вместо этого углубился в лес, собирая ровные сухие ветки. Валежника хватало, так что выбирал только лучшие. Всю добычу стаскивал к дереву. Под конец притащил две толстые прямые палки, которые присмотрел заранее.

Первым делом уложил именно их — параллельно друг другу, чуть шире плеч. Остальные ветки разложил перпендикулярно, максимально плотно друг к другу. Сверху натаскал мха в несколько слоёв. Он был влажный, но отлично пружинил, не хуже иного матраса. Чтобы не мокнуть, накрыл всё плащом. Пришлось повозиться, но в итоге получилась отличная лежанка.

Чуть в стороне выложил очаг из речных камней и развел костёр (спичка, кстати, полыхнула будь здоров). Дерево бодро разгоралось, треща и постреливая искрами.

Прислонившись спиной к дереву, я позволил себе немного расслабиться с бутылкой «Хайленда» в руке. Закусывал последней пачкой галет. Поглядывал за лагерем, но там не происходило ничего особо интересного: люди тяжело приходили в себя после пережитого.

Уильям, кстати, так и не вернулся. По крайней мере, я его не видел.

Темнело. Журчал ручей. Пахло костром и свежей зеленью. Атмосфера всё сильнее напоминала старый добрый поход с друзьями на озеро. Захотелось спеть, но решил не травмировать соседей своим музыкальным вкусом.

Когда костёр немного прогорел, я положил в него последнюю банку с рагу. Палкой пошевелил угли, закапывая ужин поглубже.

Единственное, что портило кайф от происходящего — это комары. Я не мог поддерживать «Сохранение крови», так что мелкие твари принялись жрать меня с удвоенной силой. Раздражённый разум внезапно вспомнил, что видел рядом с лагерем растение, похожее на полынь. По крайней мере, оно обладало характерными резными листочками.

Я не поленился встать и сходить за ним.

Выжившие встретили меня настороженными взглядами. Даже интересно, чем Вандэй заслужил такое отношение. Проигнорировав матросов, немного поблуждал в темноте, пока не наткнулся на искомое. Растерев лист между пальцев, почувствовал сильный смолистый запах.

Оно.

Нарвав охапку, вернулся к стоянке. Костёр почти прогорел, но я подкинул свежих веток и немного найденной травы. Задымил. Сложно сказать, стало ли комаров вокруг меньше, но я надеялся, что им хотя бы хреново и неприятно.

Ухмыльнувшись своим мыслям, веточкой выкатил банку рагу. Аппетит разгулялся не на шутку, так что, обжигаясь, вскрыл её ножом и принялся черпать последними галетами. Горячая еда приятной тяжестью легла в желудок. Остатки достал пальцем и облизал.

Лагерь тем временем окончательно погрузился в тишину, только костры сухо потрескивали, да дозорные обменивались редкими фразами.

Глаза слипались, так что я решил последовать общему примеру. Сходил до ближайших кустиков, а затем переместился на лежанку. Мох приятно пружинил под спиной, плащ быстро нагрелся от тепла тела. Погода стояла отличная, так что лежать было вполне комфортно.

Пока засыпал, в голове крутились самые разные мысли: от идей для экспериментов до строгого личика лэри Харвуд.

Так и заснул.

Глава 9

Утро началось с прохлады. Зябко поёжившись, я открыл глаза. На секунду показалось, что я ослеп. Но нет — просто всё вокруг заволокло густым туманом. Подняв руку, убедился, что зря переживал, поднялся и с наслаждением потянулся. Самочувствие было шикарное: бодрость, чистая голова и тело, готовое к действию. Словно не у костра спал на лежанке из веток, а отдыхал в шикарном спа-курорте.

Первым делом сходил до уже помеченных кустиков. Блуждать через туман было забавно — словно в Сайлент-Хилл угодил. Справив нужду, спустился к ручью. Ледяная до звона вода гладкой волной прокатилась по горлу, утоляя жажду. Затем умывался, довольно отфыркиваясь и избегая падения отдельных капель за шиворот.

“Хорошо!”

Вернувшись к стоянке, подкинул веток в погасший костёр и только потом вспомнил, что еды-то у меня не осталось. Тело демонолога могло существовать на одной концептуальности, в зависимости от уровня, от нескольких дней до месяцев. Вот только чувство голода при этом никуда не девалось: в пустом желудке продолжали вырабатываться гормоны, а сам он недовольно сокращался. В общем, терпеть можно, но приятного мало.

“Нет уж, так дело не пойдёт”, — прислушавшись к организму, решил я и, вооружившись ножом, направился в лес.

Ещё вчера мне на глаза попадались ягоды и грибы. Тогда они меня не особо заинтересовали, но сейчас чем не завтрак? Да, я понятия не имел, какие из них съедобны, а после каких — три дня поноса и мгновенная смерть. Но не плевать ли? Организм демонолога гвозди переварит при необходимости, главное — из обычного металла, без энергетической составляющей.

“А вот и первый красавчик”, — подумал я, заметив под кустом крупный гриб с бледно-фиолетовой шляпкой. Выглядел он не особо съедобно, но не попробуешь — не узнаешь, верно?

Всего минут за десять у меня получилось набрать целую охапку разнообразных грибов и горсть красных ягод. Попробовал одну — кислячая. В итоге решил заварить их вместо чая.

Когда вернулся к стоянке, костёр уже потихоньку разгорался. Похоже, под золой остались тлеющие угли, и охапки листьев им хватило, чтобы вспыхнуть и накинуться на сухие ветки, которые я подложил Прелестно.

Вооружившись ножом, принялся за чистку грибов: соскабливал грязь, срезал гнилые места, проверял на червей. Когда закончил, нанизал самые аппетитные кусочки на тонкие прутки. Получился своего рода шашлычок. Воткнув рогульку в землю, сделал упор, водой прибил пламя, добившись ровного жара от углей, и выставил свои шампура.

Почти мгновенно в воздухе поплыл одуряюще вкусный аромат, чем-то напоминающий мясо. Сглотнув слюну, занялся отваром из ягод. В ход пошла всё та же банка из-под рагу — набрал в неё воду и двумя веточками поставил в самый жар. Дождался, когда поверхность забурлит, после чего вытащил “чайник”, бросил внутрь собранную горсть ягод и оставил завариваться. Кипяток вытянет из них вкус и полезные вещества не хуже, чем из чайного листа.

“Если получится слишком кисло, просто разбавлю водой из ручья”.

К этому моменту грибы уже частично потемнели и зашипели. Аромат стал насыщенным, концентрированным, искушая голодный желудок, словно грех Обжорства. Собрав свою волю демонолога, повернул шпатель, давая блюду поджариться и с другой стороны.

Туман окончательно рассеялся. Лагерь выживших потихоньку оживал. Люди выглядели невыспавшимися и недовольными — ну еще бы, спать на подстилках из нарубленных веток. Интересно, кто это придумал?

Они разминались с кряхтением и стонами, умывались и бросали голодные взгляды на мой “шашлычок”, забавляя чёрное сердечко одного демонолога. Я специально расположился

так, чтобы держать весь лагерь в поле зрения, так что сразу заметил фигуру, целенаправленно идущую в моём направлении.

— Доброе утро, лэри Харвуд. Надеюсь, вы изволили хорошо отдохнуть? — гладкие фразы как-то сами собой сорвались с языка.

“Это ещё что?” — всполошилась паранойя.

Для демонолога любые непонятные мысли и желание — повод для самого пристального внимания. Внезапно изменение речи — тем более.

— Отравишься, — сухо сообщила женщина, кивая на грибы.

“Если тебя оскорбляют — улыбайся. Это бесит”, — правило, которому я следовал с самого детства.

Вот и на демонстративное пренебрежение лэри я лишь растянул губы шире и доброжелательно поинтересовался:

— О, так вам знакомы эти грибы?

Её равнодушный взгляд мельком пробежал по “шашлыку”.

— Нет. Однако острова Зелёного Архипелага известны своей ядовитой флорой и фауной.

“Архипелага? Выходит, мы сейчас на острове? Это многое меняет”.

Стараясь не выдать удивления, я снял с костра шампур, на котором аппетитно шкворчали пластинчатые шляпки, напоминающие сыроежки, но нежно-фиолетового цвета. Запустил пальцы в заранее приготовленный мешочек с солью и принялся посыпать завтрак крупными сероватыми кристаллами.

— Пожалуй, я рискну.

Женщина презрительно фыркнула.

— Лорд Элиас нанял меня, чтобы защищать вас, но если вы не способны контролировать собственное обжорство, то я, пожалуй, лучше поберегу силы, — ровным тоном сообщила она и после небольшой паузы добавила: — Мой долг сообщить: если съедите хоть кусочек, вам конец.

Моя улыбка стала шире.

— Возможно, какой-то из этих грибов действительно ядовитый. Возможно, нет. Есть даже вероятность, что все они способны отправить меня в могилу. Но в то же время присутствует примерно десятипроцентный шанс, что все они съедобные. И есть только один способ, чтобы это проверить. — Я впился зубами в нежно-фиолетовую шляпку, сорвал с прутика и принялся с удовольствием жевать. — М-м-м! Не знаю, есть в них токсины или нет, но вкус просто божественный. Не желаете попробовать, лэри Харвуд?

Впервые на моей памяти её неподвижная маска треснула.

— Ты всё такой же невыносимый, — закатила глаза женщина.

“Всё такой же” — эхом разнеслось у меня в голове.

Раздался треск, словно искра проскочила между двумя контактами, и понимание зажглось яркой лампочкой.

Вандэй! Это его манера общения! Во время сна что-то произошло и часть его мышления стала частью моей личности! Какого хрена? Я даже ничего не почувствовал! Насколько я вообще остался тем Александром Искрой, который занимал должность декана ФИДИП?!

Быстрый опрос! Пломбир или шоколад? Пломбир! Кошки или собаки? Кошки! Рэп или рок? Рок! Сиськи или попки? Похрен. Главное — женские.

Фух, вроде всё основное на месте.

Конечно, я просто дурачился, по извечной привычке переводя проблему в шутку. На самом же деле меня до трясущихся коленей пугала потеря контроля над собственным разумом. Любого демонолога привела бы в ужас подобная перспектив. Наша суть — этот столб, на котором держится Воля. Стоит вынуть хоть один кирпичик — и всё рухнет.

— Ваше очарование тоже впечатляет, — с улыбкой ответил я, хотя мысленно находился максимально далеко от этого разговора. — Раз уж мы обменялись приветственными любезностями, может поделитесь, что вас привело?

Женщина смерила меня скептическим взглядом.

— Мастер Уильям так и не вернулся, а команде нужна еда. Я покидаю лагерь в составе охотничьей группы и собиралась предложить вам присоединиться, но уже не уверена, что имеет смысл вас защищать, — сказала она, намекая на грибы.

Я зубами сорвал с шампура ещё одну шляпку, запихал в рот и со вкусом заработал челюстями. В тёмных глазах собеседницы мелькнуло отвращение, а я поймал себя на мысли, что мне нравится её бесить.

Громко хмыкнув, лэри отвернулась и пошла прочь.

— Когда выходить? — проглотив здоровенный кусок, бросил ей вслед.

— Через пять минут. Ждать не буду, — не останавливаясь и не оборачиваясь, сообщила она.

Харвуд ушла (где бы, к слову, узнать её имя), а я набросился на свои “шашлычки”. Несмотря на цвет, мне особенно понравились те, что с бледно-фиолетовыми шляпками, — нежные, сочные, плотные, упругие, чем-то похожие по текстуре на хорошо приготовленного кальмара.

Объедение.

Запивал ягодным отваром, обжигаясь и прихлёбывая мелкими глотками. Кислинка приятно оттеняла немного пресный (недосолил) вкус грибов.

Тем временем в лагере наметилась суeta во главе с лэри Харвуд. Впрочем, женщина просто стояла на месте и, кажется, даже не шевелилась. Командовал лысый здоровяк по фамилии Браун. Похоже, состав отряда определили заранее, так что шесть человек уже через пару минут выдвинулись из лагеря.

Меня и в самом деле не собирались ждать. Я не то чтобы на снисхождение Харвуд, скорее немного не уложился в выделенный промежуток времени. Пришлось в темпе вальса затапывать остатки костра, бросать вещи в рюкзак, хватать последнюю шпательку с “шашлыком” и бежать за отрядом. Нож быстро прицепил к поясу.

Настиг их уже в лесу.

— Не отходи далеко и не мешайся под ногами. Когда токсин начнёт действовать, не порти вид своими судорогами — спрячься под ближайший куст и прими свою судьбу достойно, — прокомментировала моё появление лэри Харвуд.

Мужчины из отряда весело загоготали.

Это были обычные матросы с суровыми лицами, изъеденными солью, ветром и солнцем, в потёртых рубахах, штанах из парусины и матерчатых кепи. Каждый из них держал на плече массивную винтовку с накладками из дерева и бронзы по всей длине ствола, что придавало оружию brutальный и “квадратный” вид. Пожалуй, такую бандуру можно было использовать и вместо дубины. Вместо привычного магазина снизу, перед спусковым крючком, располагался металлический барабан, чьи каморы слегка светились синим.

На общем фоне выделялся только лысый здоровяк с пышными, густыми усами, свисающими вниз, словно у моржа. Он, кстати, был единственным, кто не засмеялся ну, и носил жилетку. Ещё у него на поясе висел короткий, пухлый револьвер.

— Обязательно воспользуюсь вашими рекомендациями, лэри. Но вы не переживайте, у меня железный желудок, — я с улыбкой похлопал себя по пузу.

Гогот стал громче, а Харвуд смерила меня таким взглядом, словно мысленно уже препарировала.

— А ну заткнулись, огрызки, — заметив недовольство госпожи, рявкнул Браун. — Держим строй и смотрим по сторонам, бесполезные куски крылоплавников. Демоны никуда не делись.

Моряки заткнулись и подобрались, сжимая винтовки мозолистыми руками. Окрик заставил их вспомнить, где они находятся, — от секундной расхлябанности не осталось и следа.

Не сказав ни слова, женщина отвернулась и ускорила шаг. Я догнал её и пристроился рядом.

— А как же мой брат? — вытирая лоб, поинтересовался я. — Разве ваша задача не в том, чтобы его охранять?

Лэри поморщилась — едва заметно, но я всё равно увидел. Похоже, дама не горела желанием общаться.

— Он сам приказал мне возглавить эту миссию, — ответила она и ускорила шаг ещё сильнее.

Теперь даже матросы с трудом за ней поспевали. Впрочем, если она надеялась таким образом отвязаться от меня, то сильно просчиталась: я с легкостью выдержал взятый темп. Потеть, правда, принялся, как Пятачок в сауне, и пахнуть от меня начало отнюдь не апельсинами. В мой оправдание — от остальных исходило ещё более сногшибательное амбре.

— Разве не странно отправлять сильнейшего воина на охоту, когда на лагерь в любой момент могут напасть демоны? — поинтересовался я, старательно имитируя тяжёлое дыхание.

— Мы установили Крест Умбрэ, — не поворачивая головы, ответила лэри таким тоном, словно это название всё объясняло.

Возможно, для местных так оно и было, но у меня только новые вопросы появились. Увы, я не мог задать их прямо, не выдав своих проблем с головой, так что изобразил сомнение.

— Думаете, этого хватит?

Меня наградили раздражённым взглядом.

— Я велела тебе не мешаться под ногами, — ровный голос чуть дрогнул, выдавая эмоции.

Почему-то её реакция вызвала волну радости и удовольствия. У меня с трудом получилось подавить улыбку, но женщина, кажется, всё равно что-то почувствовала.

— Исчезни, — в тёмных глазах плясало опасное пламя.

— А да — я изобразил смущение и чуть сбавил шаг, отставая. Но стоило её плечам едва заметно расслабиться, как снова раздался мой голос: — А почему мастер Уильям до сих пор не вернулся? Я переживаю за него: всё-таки он мне помог.

На секунду мне показалось, что раздался скрип зубов. Но, конечно, это было только моё воображение: воспитанная лэри не позволила бы себе столь явной демонстрации эмоций.

— Он мёртв, — отрезала она.

— Вы уверены? — с сомнением протянул я. — Мастер Уильям показался мне опытным человеком. Может, он просто не смог найти подходящую добычу и не решился вернуться, не выполнив приказ? Братец выразился тогда весьма однозначно.

— Уверена. Мастер Уильям, помимо прочего, опытный охотник. Скорее всего, ему не повезло столкнуться с опытным демоном или сильным зверем потока.

Потока? Это ещё что такое?

Я уже хотел задать уточняющий вопрос, как внезапно информация сама собой всплыла в голове снова Вандэй!

Звери Потока — это существа, которые впитали энергию Потока и научились с ней взаимодействовать. Несмотря на название, к этой категории относятся не только млекопитающие, но и растения, рыбы, насекомые, птицы любые живые организмы, усиленные таинственной энергией.

Всего они делятся на 6 рангов: от “Пробуждённых” и “Резонирующих” до “Вечных”. Внутри каждого ранга есть три такта: от первого, когда зверь только получил силу, до третьего, когда он уже готовится к переходу на следующий ранг.

Та рыба, которая пыталась утащить меня на дно, вероятней всего, была Пробуждённым зверем потока первого или второго такта.

Сам Поток — это энергия мира, чем-то похожая на эфир в представлении физиков XIX века: сверхтонкая и неосязаемая материя, пронзающая всё пространство. Правда, здесь никто не подвергал его существование сомнению. Поток активно использовали: он наполнял энергией паруса воздушных кораблей, крутил жернова мельниц и станки на мануфактурах, повышал плодородность почвы с помощью устройств, которые создавали инженеры, освещал города. Поток был неоднороден: он струился с севера на юг, создавал течения, завихрения и даже бури.

Внезапное откровение настолько меня потрясло, что я невольно замедлил шаг и лэри вырвалась вперёд. Кажется, даже её спина демонстрировала облегчение от того факта, что ей наконец удалось избавиться от моего общества. К счастью для неё, я наткнулся на слишком интересную тему, чтобы тратить время на тыканье палкой в дракона хотя и хотел бы посмотреть на реакцию.

Попытка вытащить из памяти Вандэя больше подробностей о Потоке ничего не дала — невидимые врата захлопнулись наглухо. С какой бы стороны я ни заходил, какой бы ключик ни пытался подобрать — тишина. Не помогли ни размышления о мироустройстве, ни всплески эмоций, ни попытки вспомнить что-то о семье или любимой Вандэя.

И это не по-детски напрягало. Не столько сам процесс (хотя и он, безусловно), а непонимание правил, по которым он проходил. Какая система? Чего ждать? В следующий раз проснётся Александр в теле Вандэя или Вандэй с памятью Александра? Только стальная воля удерживала панику в узде.

Возможно, лучше эту ночь провести без сна?

— Здесь прошёл крупный зверь, — вдруг раздался голос Брауна, напоминая, что мы не на прогулке.

Умереть из-за собственной невнимательности было бы тупо, так что я мысленным усилием задвинул всю ситуацию в дальний угол и запер на ключ.

Вернусь к ней перед сном.

— Какой именно? — спросила Харвуд, оглядываясь по сторонам.

Здоровяк пощупал выдавленный в листе отпечаток, сорвал с ветки лист, зачем-то его понюхал и растёр в сухую пыль.

— Кабан. Резонирующий первого или второго такта. Шёл с водопоя минут двадцать-тридцать назад, — уверенным голосом вынес он вердикт.

— Отлично. Веди, — приказала лэри.

Наш отряд двинулся по тропе следом за Брауном. Мужчина шёл по следу с практически сверхъестественным чутьём — быстро, почти не останавливаясь, иногда резко сворачивая.

Тем не менее, первым опасность ощутил не он, а я.

В нос ударил запах тины и чего-то резкого, кислого, почти ядовитого. Пять источников божественной силы стремительно приближались к нам с левой стороны. Их Света неуловимо отличался от человеческого.

— Жабомордые, — внезапно воскликнула лэри Харвуд, поворачиваясь. Её шпага стремительным текучим движением покинула ножны. — Оружие Бога Войны!

Металл запузырился жуткой, пугающей силой. От неё несло кровью и гнилью.

Я удивлённо замер: призыв божественной силы без инвокации? Вернее, с короткой версией, всего тремя словами А так можно было?

Матросы рванули в стороны, укрываясь за деревьями, и вскинули оружие. В их действиях чувствовалась выучка и страх?

— Тебе особое приглашение нужно? — рявкнула на меня женщина. — К бою!

Глава 10

Я не стал спорить и огляделся. Все хорошие укрытия поблизости уже разобрали матросы, остались либо тонкие деревца, за которыми и ребёнок не спрячется, либо грязные лужи. Ни те, ни другие меня не устраивали — недолго думая, я рванул назад, за линию спутников, и грузно рухнул на колено за кряжистым древесным исполином. Тут же протестующе заныли суставы, не выдержав такой прыти. Рюкзак сбросил рядом, чтобы не мешался в предстоящем бою.

Мужчины проводили мой рывок раздражёнными взглядами. Ну ещё бы! — ведь я буквально спрятался за их спинами.

Широко улыбаюсь.

— Я прикрою, парни! Положитесь на меня, — крикнул им, размахивая револьвером.

Раздражение стало гуще, практически осязаемым. Но сказать мне ничего не успели — появился враг.

Сперва раздалось голоса: низкие, булькающие, вибрирующие, словно из бочки. Язык мне вернее, Вандэю, был незнаком.

— Кхва-кхва-кхва, — раздался громкий звук.

Я не сразу сообразил, что это смех.

Потом между деревьев замелькали тёмные фигуры. Прилив мешал нормально их оценить, смазывая цвета и перспективу, но это определённо были не люди. Длинные тонкие конечности с выраженными узлами суставов и мощными бедрами; широкие, приплюснутые головы с высоко посаженными и разведенными к вискам глазами-блюдцами; сгорбленные худые тела без намёка на шею — перепутать было невозможно.

— Огонь! — рявкнула Харвуд.

Вразнобой загрохотали винтовки. Засверкали вспышки — при попадании пули взрывались, высвобождая стихийную начинку. Самым распространенным оказался огонь, только Браун, как и я, использовал ледяные заряды.

К моему удивлению, ни одна из фигур не упала! Я видел, что в них попадали (огненные вспышки не дадут соврать), жабомордые вопили, но оставались на ногах! Неужели алхимические системы настолько хуже, чем стихийные?

Но нет — при попадании в стволы разлетались фонтаны щепок, некоторые деревья даже начинали крениться, с треском ломая ветки соседям. Ущерб хоть и уступал моему стихийнику, но не критично. Получается, эти существа настолько крепкие? Но они совсем не кажутся бронированными или типа того. Возможно, стихийная сопротивляемость?

Заорав что-то воинственное, жабомордые рванули к нам. Они забавно прижимали руки к груди и бежали, слегка раскачиваясь, будто перетекая с места на место. Это было странно, но на удивление быстро. Попадания в лучшем случае заставляли их сбиваться с шага.

— В одного цельтесь, огрызки! В одного! — заорал Браун, указывая рукой на ближайшего жабомордого. — У них аура!

Матросы пытались выполнить приказ, но в каждом их действии сквозил страх на грани с паникой. Ни о какой залповой стрельбе и речи не шло — каждый палил, как умел.

В итоге жабомордый, чьи мощные надглазные дуги напоминали рога, лишь поднял руку, закрыв лицо, и продолжил нестись вперед, дико хохоча своим странным булькающим смехом. Выстрелы бессильно стекали по его толстой коже, покрытой спиральными рисунками, как капли дождя.

Сквозь грохот алхимического пороха я вдруг услышал женский голос:

— О Бог Войны, Маршал Полей. Кровь к крови, сталь к стали. Говори моими устами, ударь моим клинком. Зов Битвы, — лэри Харвуд говорила негромко, но её слова каким-то

образом перекрывали весь шум, словно расходились по мирозданию, как круги по воде от брошенного камня.

Внезапно мои мышцы закричали, требуя действия. Каждое волокно горело и подрагивало, будто тело стало слишком тесным для такой силы. Зрения обострилось, позволяя разглядеть каждый бугорок на коже жабомордых. Инстинкты толкнули руку, шепча: “Сейчас. В него. Целься сюда”.

Я рефлекторно подавил импульс, но инвокация Харвуд коснулась не только меня — два выстрела попали лягуху с рогами точно в колено и расцвели огненными вспышками. Словно в замедленном действии я видел, как он споткнулся, неловко махнул рукой, и в возникшее на секунду окно влетело три пули. Одна бессильно соскользнула по щеке, но две другие вошли точно в глаза.

Вспышка!

Лягух покатылся по земле, воя и прижимая лапы с толстыми подушечками на концах пальцев к лицу.

Остальные разразились негодующими воплями. Они были уже совсем близко.

— К бою! — выкрикнула Харвуд и первая ступила врагу навстречу.

Матросы, вдохновлённые её инвокацией, без малейших сомнений отбросили винтовки и с пугающей синхронностью воззвали:

— О Неистовый Бог Ветра, услышь! Даруй мне оружие и направь порыв! Да сметёт врагов моих твоей рукой!

К моему удивлению, у них всех оказалось одно и то же божественное искусство. А вот оружие, вспыхнувшее в руках, отличалось! Одному досталось копье, другому — пара небольших топоров, остальным — сабли. Здоровяк Браун и вовсе выхватил из воздуха массивную гизарму.

Интересно, как он собирается махать ей в лесу?

Будто услышав мои мысли, лысый описал своим оружием широкий полукруг — лезвие прошло сквозь древесину без малейшей задержки. Под нарастающий шелест и треск два массивных ствола заскользили, открывая идеально гладкий срез. Их падение заставило двух лягух отскочить назад.

Тем временем, Харвуд атаковала выбранного противника. Её шпага, пузырящаяся божественной силой, мелькала размытым алым росчерком. На секунду мне показалось, что она настрогает бедного лягуха на шаурму.

Звон-звон-звон! Звук ударов слился в одну сплошную стену!

Жабомордый ловко парировал все удары голыми лапами. Его татуировки пульсировали тусклым ядовито-зелёным светом, а двигался он даже немного быстрее Харвуд. Лэри доминировала только благодаря длине оружия, но чувствовалось: ей приходится прилагать для этого уйму усилий.

Матросы вчетвером набросились на ближайшего жабомордого. Они грамотно разошлись полукругом, копейщики держались за спиной бойцов с саблями, атаковали волнами, прикрывая друг друга — явно действовали под влиянием умения Харвуд.

Но это не помогло.

Жабомордый парировал первый натиск. Его татуировки вспыхнули — и он начал стремительно растворяться в воздухе. Даже моё чуть внезапно засбоило, потеряв врага из вида.

Хруст — голова незнакомого мне матроса повернулась на 180 градусов; его глаза удивлённо смотрели прямо на меня. Бух — второй отлетел, а его грудь уродливо деформировалась, вдавленная внутрь, как картонная коробка под сапогом. Бам — Браун каким-то образом парировал невидимый удар древком своей гизармы, но был вынужден сделать несколько шагов назад, едва не споткнувшись о торчащий корень. Взревев, он двумя руками оттянул гизарму в бок, собираясь нанести мощный горизонтальный удар.

Я даже глазом не успел моргнуть, как лишился двух подопытных то есть спутников, конечно. И с необычайной чёткостью осознал, что через секунду потеряю ещё одного. Какие-то жабы-каратисты убивали мои ценные образцы!

Не позволю!

Моё чутьё не видело врага — это правда. Но опыт сражения, в том числе и с невидимыми врагами, никуда не делся.

Мозг выхватил точку последнего удара, рассчитал траекторию жердины Брауна и определил три зоны вероятного нахождения лягуха. Револьвер пошёл вверх, пока глаза выискивали последний пазл этой сцены.

Покров из сухих листьев пошевелился, словно его вдавила невидимая ступня.

Выстрел — мгновенно, без раздумий, на одних инстинктах. Точно в цель!

Браун сориентировался с похвальной оперативностью и тут же перенаправил свой удар в область появившейся замороженной лапы. Раздался тошнотворный хруст металла, разрывающий мясо и кости. Фонтаном ударила в воздух чёрная кровь, и две половины жабомордого, постепенно проявляясь, свалились на землю.

Здоровяк резко обернулся, выискивая, откуда пришла помощь. Но за его спиной стоял только я и на лысой роже появилось выражение такого удивления, будто якорь внезапно заговорил. С легким сомнением мне всё же продемонстрировали большой палец. Видимо, смысл этого жеста совпадал в обоих мирах.

Меня же в этот момент интересовал только один вопрос — откуда хруст? Почему лезвие прошло через дерево, словно имело молекулярную заточку, а лягуху рубило, как свинью на забое? Дело в сопротивляемости? Или для призванного оружия есть принципиальная разница между материей и живой плотью. А можно им вырезать кусок, например, крепостной стены, как лазерным мечом?

— Жатва, — вдруг раздался голос лэри Харвуд, вновь наполненный божественной силой.

Шпага в её руке прочертила сияющий полукруг. Жабомордый попытался заблокировать в верхней точке, но его лапу срезало, словно вся её сверхъестественная прочность в один миг испарилась. Сияющая багровым дуга, точно серп, выстрелила вперед. Взметнулись комья земли, с треском начали крениться деревья — удар Харвуд создал широкую просеку на сотни метров вперёд.

Тяжело судить, но мне показалось, что на морде лягуха застыло выражение абсолютного шока. Он словно никак не мог понять, почему его защита внезапно дала сбой. А затем его тело с влажным хлопанием разделилось на две диагональные части.

Лэри сместилась в сторону, не позволив ни капле из ударившего фонтана крови попасть на свою форму.

Обойдя завал, два уцелевших лягуха наступали на Брауна, но здоровяк, образовав построение с выжившими матросами, готовился их встречать. Лэри Харвуд дышала тяжело, но ровно и уже сделала шаг в направлении подчинённых.

Исход второго акта лично у меня не вызывал сомнений. Я даже опустил руку с оружием, чтобы актёры могли показать себя во всей красе.

— Кх-а-а... Кхак по-о-смели? Глаз великолепного Ррха-Гатра забрали? Вы — тру-у-у-у-у. Все тру-у-у-у-у! — внезапно раздался яростный голос с непередаваемым квакающим акцентом.

Лягух с рогами, получивший сразу две пули, медленно поднимался с землёю. Его лапа с большими подушечками закрывала левую сторону морды. В щели между пальцами влажно поблескивали разорванная плоть. Серьёзная рана, но совсем не то, что ожидаешь увидеть после прямого попадания в глаз.

Горловой мешок внезапно раздулся, напоминая бледно-розовый шар.

Пожарной сиреной взвыло чувство опасности. Рука рефлекторно взлетела — спуск. Целился в мешок, но жабомордый успел заслониться лапой — бугристая кожа мгновенно

покрылась льдом. Впрочем, я ожидал чего-то подобного и снова выстрелил, чуть сдвинув прицел.

Снова в лапу! Жабомордый двигал замороженной рукой, словно не испытывал ни малейшего дискомфорта. Ледяная корка трещала и осыпалась.

— Кро-о-о-а, — раздался низкий вибрирующий звук.

Жабомордый раскрыл пасть — и я увидел ряд мелких, острых зубов. А затем из глубины вырвалась струя. Багровая, густая, как кровь, она ударила в землю и немедленно хлынула во все стороны. Дым шипел, свистел, закручивался в тугие, маслянистые клубы.

Меньше чем за удар сердца он захлестнул Брауна и остальных, подобно приливу.

— Отступаем! — раздался крик Харвуд. Но даже она успела только развернуться.

Пространство заволкло вязкой, ядовитой мутой. Она лезла в глаза, в нос, в горло, застилая всё сплошной пеленой. Пахло удушливой химией с примесью растворителя — почему-то вспомнился свежий битум. Я с трудом видел даже собственные руки. Мышцы сдавило болезненным спазмом, не давая нормально задержать дыхание. Жжение устремилось по горлу в легкие и вспыхнуло кислотным огнём.

Яд, наполненный божественной энергией, играючи преодолел мою концептуальность. Я чувствовал, как костлявые пальцы смерти легли на плечо. Считанные мгновения отделяли меня от финала. С каждым ударом сердца отравы разливалась по телу, словно кислота. В таких условиях было уже не до маскировки.

Мертвым не нужны секреты.

“Сохранение здоровья”!

И словно переключатель повернули — ни боли, ни жжения, ни судорог. Я не обольщался: яд всё ещё циркулировал в моей крови и никуда не делся. Более того, с каждым вдохом внутрь попадало ещё больше отравы. Нужно было выбираться. Быстро!

Я уже дернулся, как осознал, что больше не чувствую божественной силы Брауна и двух матросов. От них осталась только бледная, истаявавшая тень. Мертвы — без всякого сомнения.

Мои ценные образцы!

А где Харвуд? Женщина ещё двигалась — медленно, пошатываясь брела поперек линии распространения газа. К ней уже бежал мелкий лягух. И ядовитый дым ему совершенно не мешал.

Ну уж нет! Это женщина принадлежит мне! На данный момент она сильнейший пользователь божественной силы среди людей!

Тучное тело крайне неохотно меняло вектор движения. Кое-как, взрывая землю толстыми подошвами, рванул к Харвуд.

Сгорел сарай — гори и хата.

“Сохранение выносливости, равновесия, концентрации”!

Бежать сразу стало легче, появилась плавность и чёткость движений.

Я успел в последний момент: лягух уже настиг и прижал Харвуд к земле. Его длинные тонкие пальцы, напоминающие лапы паука, обхватили её шею и верхнюю часть груди.

— Не дёррргайся, человеечка. В-в-великий Ррха-Гааатра ж-ж-желает поррррразвлечься.

Женщина явно была не согласна с такой постановкой вопроса и попыталась ткнуть жабомордного кинжалом. Лезвие бессильно соскользнуло по влажно поблескивающей коже — слишком медленно и слабо.

Они так увлеклись борьбой, что моё появление, несмотря на топот, стало для них полной неожиданностью. Или дело в том, что дым неплохо гасил звуки?.. Неважно!

Лягух попытался вскочить, но я влетел в него всем весом.

“Сохранение формы”!

Мы свалились на землю. Липкие подушечки вцепились в моё лицо, пытаюсь выдавить глаза. Сюрприз, сука! Я даже не моргнул!

Сняв “Сохранение формы” с одной руки, приставил дуло к тощему телу и нажал на спуск. Прямоугольные зрачки расширились, из пасти вырвался булькающий вскрик. Его скрутило от боли, но он всё равно попытался выбить оружие.

“Сохранение формы и положения”!

Удар отскочил, будто наткнулся на стену. Я тут же снял “Сохранение” со свободной руки и вцепился пальцами в здоровенный глаз, словно пытался вытащить драгоценный камень из статуи. Жабомордый завопил, задергался и, забыв обо всём, схватился за моё запястья, пытаюсь освободиться. Хрен там плавал!

“Сохранение формы и положения”!

Воспользовавшись моментом, я снова вернул подвижность руке с револьвером. На этот раз направил ствол точно в приплюснутую голову.

Выстрел!

Жабомордый конвульсивно дернулся и замер.

Осталось только моё тяжёлое дыхание. В ушах противно звенело, мысли ползли, как улитки. Переключение силы с такой скоростью сильно выматывало — в первую очередь, ментально. Это только кажется, что всё просто. На деле же всё в организме взаимосвязано. Чтобы нанести акцентированный удар, одних мышц руки недостаточно тем более, в таком теле. Приходится одномоментно рассчитывать уйму факторов, чтобы всё получилось, как надо.

Шумно выдохнув, оттолкнулся от земли и поднялся на ноги. Оглянувшись, наткнулся на поражённый взгляд Харвуд. Женщина лежала на боку, сжимая в руке кинжал. Судя по позе, пыталась доползти до места нашей возни с лягухом, но сил не хватило.

Сглотнув вязкую слюну, сунул стихийник во внутренний карман и присел на колено.

— Пора отсюда убираться, лэри, — произнес я, кое-как закидывая её на плечо. Сил катастрофически не хватало. Спина и колени противно заныли. Даже жаль, что боль — это как раз здоровое состояние организма.

— Шпага, — раздался слабый шёпот, когда я уже почти встал.

Выругавшись, я вслепую подцепил кусок металла кончиками пальцев.

— Мы только познакомились, а вы уже мной помыкаете, словно мы десять лет женаты, — усмехнулся я.

— Дебил, — раздалось в ответ.

А затем лэри вывернуло мне на спину, и пахла рвота отнюдь не цветами.

— Чудно, — процедил я без особых эмоций и побежал вернее, поковылял.

Даже с “Сохранением равновесия и выносливости” мышцам едва хватало силы, чтобы передвигать мою тушу вместе с ношей. Лэри вряд ли весила больше 65 килограмм, но для тела Вандэя и это стало запредельной нагрузкой. Еще и шпага эта идиотская!

Яд клубился вокруг, как жидкая медь, — плотный, маслянистый. Я чувствовал, как его капельки оседают на коже, одежда становится влажной, тяжёлой. Видимость снизилась до минимума. Я с трудом разбирал путь. Если бы не “Сохранение равновесия”, то весь мой героический забег окончился бы у первого же корня. Дым тёл, закручивался багровыми водоворотами. Всё звуки вязли в этом аду — я с трудом различал собственные шаги и дыхание. Казалось, я вообще не двигался, а завис на месте.

Внезапно Харвуд зашлась хриплым влажным кашлем. Она содрогалась так, словно пыталась выплюнуть собственные внутренности.

— Да хватит дёргаться, — раздражённо прошипел я, с трудом удерживая стройное тело от падения. Понятно, что женщина себя не контролировала, но легче от этого не становилось.

Шаг. Ещё шаг. Главное — не потерять направление. Из багровой дымки вынырнул чёрный силуэт Дерево! Оттолкнувшись от него предплечьем, ощутил влажную и липкую кору, которая под давление развалилось мокрой трухой.

Шаг. Ещё шаг. Новое дерево. Да когда это кончится?..

Вдруг по глазам резанул свет Прилива. Ключья дыма ещё тянулись за мной, но основная масса осталась позади жуткой стеной, удерживая божественной силой.

Свежий воздух ворвался в лёгкие. Я втянул его глубоко, до предела, и шумно выдохнул. На плече засипела женщина и зашлась новым приступом кашля.

— Дыши, не смей подыхать, — прохрипел я. — Только попробуй обесценить мои усилия.

— Не дожدهшься, — в перерыве между кашлем раздалось в ответ слабым голосом.

После побега через багровую бездну на секунду показалось, что всё наконец закончилось. Конечно, это было не так. Реальность быстро напомнила о себе — жабомордый с рогами сдвинулся с места и зашагал в нашем направлении. Рядом с главнюком семенил последний уцелевший лягух.

Да твою-то мать

Глава 11

Выдохнув, я заковылял дальше.

Итак, какие у меня варианты?

Первый — сражаться. Весело но не слишком перспективно. Достаточно вспомнить, что жабомордый без малейшего дискомфорта принимал выстрелы револьвера на голую лапу. По крайней мере, такое у меня создалось впечатление. Если какой-то урон и проходил, то совершенно недостаточный. Да ему две пули аккуратно в глаз положили, а он бодрячком! Крепкий! Для меня нынешнего, у которого сильнейшая атакующая способность — это стихийник, прямо чересчур.

Второй — бежать. Тоже весьма сомнительная затея: я едва переставляю ноги с тушкой Харвуд на плече. От кого с такой скоростью вообще можно убежать? От похоронной команды? Да нет, вряд ли. От хромой черепахи?

Бросить Харвуд — тоже не выход. Во-первых, ради неё всё и затевалось. Во-вторых, не факт, что поможет: в теле Вандэя я в принципе так себе бегун.

Третий вариант, самый реалистичный из всех, — уйти по воздуху. Вот только тогда Харвуд точно поймёт, что мои способности максимально далеки от божественного искусства. Слишком много подводных камней, чтобы провернуть всё чисто. Мне даже неизвестно, пути какого бога следовал Вандэй и следовал ли вообще. На первый взгляд, Харвуд была не в том состоянии, чтобы обращать внимание на странности. Но я не обманывался: эта женщина умна, она поймёт. Мне и так придётся как-то объяснять свою устойчивость к ядам.

Мысли крутились, я продолжал тупо ковылять прочь. К счастью, главный лягух не торопился. То ли ждал, что мы свалимся от его яда, то ли наслаждался, загоняя нас, как диких зверей. В любом случае, его неторопливость играла мне на руку. Сам себе я напоминал улитку, на которую смотрит голодная жаба. Один прыжок — и нет наглеца.

Мне нужен был план. Нормальный, а не полагающийся на “авось”. Предусматривающий спасение Харвуд, а не разменивающий её жизнь на мою.

Эта женщина ещё не рассчиталась со мной за своё спасение!

— Брось меня. Оставь шпагу — я постараюсь их задержать, — внезапно подала голос моя ноша. Её пальцы слабо уперлись мне в спину.

Я едва не споткнулся, услышав такое гениальное предложение. Вот уже не думал, что у этой дамочки внезапно проснётся комплекс героя. Или это она уже бредит?

— Ой да заткнись ты! Не мешай!

Мои глаза метались по сторонам, а чутьё ощупывало окрестности.

Лес, камни, небольшой холм с пучками травы. Забраться наверх, а потом побежать вниз и попробовать сохранить скорость? Нет, не то — грех уже недовольно ворочается внутри.

Энергия демонов безгранична, но это не значит, что им нравится ей делиться. Особенно таким, как Удильщик. Я и так держу достаточно много точек фокуса (“Сохранение здоровья” забирает больше всего внимания), если возьму ещё что-то — малейший взбрык твари, и система рухнет. А у меня в крови такая порция яда, что второго шанса уже не будет.

Вдруг в воздухе повеяло тухлятиной Демон! На два часа, метров пятьсот, может чуть меньше. Хорошо замаскировался — значит, тварь опытная. Это хорошо

Короткий миг колебания — и я меняю направление движения. В голове формируются намётки плана, но слишком многое зависит от пути греха. Идеально подошли бы гнев или апатия: что первый, что второй долго раскачивается. Но и с остальными можно работать.

Проклятье! Лягух будто что-то почувствовал и сорвался на бег. Я же физически не мог шевелить своими окороками быстрее! Ещё и идиотская шпага мешается!

— Реликвия рода. Не смей бросать, — внезапно пробормотала Харвуд.

Я что, вслух говорил? Или эта женщина мысли читает? Жуть какая.

— Ты до конца жизни со мной не рассчитаешься, — огрызнулся, но сжал железяку крепче.

Шаг. Шаг. Шаг. За спиной уже слышался хруст валежника под лапами преследователей. Не успеваю! Никак! Ещё и шпага эта идиотская!

Аккуратно, чтобы не рассказывать будущим детям, откуда у папы появилась улыбка Джокера, вкладываю лезвие между зубами.

“Сохранение формы и положения”!

Освободившейся рукой выхватываю стихийник и стреляю. Не в преследователей — в демона. Ну, в его примерное местоположение.

На здоровенном, размером с “Камаз” булыжнике расцветают ледяные цветы попаданий. Ну же! Ты ведь не станешь это терпеть?

Яростный рёв!.. Музыка для моих ушей.

Из-за камня выпрыгнула пылающая тварь и без тени сомнений понеслась прямо на меня.

Пылающие глаза; языки пламени из мощной пасти, усеянной кривыми клыками; багровые узоры по всему телу, тлеющие изнутри; мощные передние лапы и грудная клетка — определённо, это был Гнев. Причём не в чистой форме, а в виде демонического зверя.

Иногда, когда обстоятельства складываются особым образом, демоны захватывают тела животных, а не людей. Это случается довольно редко, ведь искушать можно только человеческую душу, соответственно, и рост силы inferнальной твари сильно замедляется. Тем не менее, такие существа весьма опасны своей звериной силой и инстинктами.

Для меня же его появление — настоящий подарок судьбы. Демонические звери тупы, а одержимые Гневом — втрое. Нужно лишь всё правильно рассчитать и как следует его разозлить.

Правда, в барабане, согласно моим расчётам, осталось всего две пули. Что ж

Я открыл огонь, не сильно выбирая, куда целиться.

Вспышки морозного тумана и снега раскрылись на шкуре зверя, но ледяной покров даже не успел до конца образоваться, как треснул и разлетелся от движения мощных мышц. Глаза демона полыхнули, оставляя огненный след в воздухе, а над узорами образовалось марево дрожащего воздуха и пар.

Сухо щелкнул курок.

Не глядя, я сунул револьвер в карман сюртука. Взамен вытащил горсть зарядов. Дистанция до зверя стремительно сокращалась. Времени на сомнения не осталось. Я сжал кулак, перекачивая кристаллы в ладони.

Рванет или нет?

В моем движении не было расчёта, только смутное ощущение и хруст — показатель того, что оболочка повреждена и стихийная энергия пришла в движение.

Пять метров.

Меня обдало жаром плавильной печи и вонью горелого мяса.

Четыре.

Я чувствовал воздух, который вырывался из его пасти.

Три.

Я резко дернул рукой, швыряя навстречу зверю горсть поврежденных пуль. Лишь бы сработало

Полыхнуло! Волна ледяного воздуха и колючего снега хлестнула по лицу. Видимость упала до нуля. Я бежал вперёд, не имея ни малейшего представления, что меня ждёт уже через шаг.

Тень. Оскаленные клыки. Разъярённые глаза, застывшие на мне. Толстый слой льда, покрывавший мощное тело.

Сработало!

Я обогнул замороженную тварь по дуге, вновь взяв шпагу в руку. Шипение, похожее на звук капель, упавших на раскалённую сковородку, подгоняло лучше любого кнута. Лёд плавился! Быстро! Со свистом вырвавшейся струи пара оболочка треснула! И снова! Время утекало сквозь пальцы!

Я оставил между собой и демоном первое дерево. Второе. Куст.

За спиной раздался громкий треск. Мельком оглянувшись, увидел, как ледяная корка на теле зверя пошла глубокими трещинами, из которых с рёвом и шипением вырывались струи пламени перемешку с раскалённым паром.

Кажется, я его здорово разозлил.

И в этот момент на прогалину вывалились жабомордые.

— Ква-а-а?..

Лягухи, знакомьтесь, это — Гнев. Гнев — это лягухи. Говорят, их ножки по вкусу, как курица.

Взрыв!

Лёд разлетелся на куски, а пышущая жаром тварь, размером с легковушку, бросилась на первое, что увидела. Пламя взревело, поднимаясь выше деревьев. Волна жара докатилась даже до меня, вызывая самодовольную улыбку. Сделал гадость — на сердце радость. Отличительная черта Гнева заключается в том, что чем дольше он сражается, тем сильнее становится. Его несложно прикончить в первые несколько секунд боя, но если их упустить мало никому не покажется.

Судя по грохоту, я раздраконил демона до впечатляющего уровня. За спиной забахало, словно началась канонада. Я больше не оглядывался, в темпе вальса перебирал ногами.

“Надеюсь, они провозятся ещё долго”.

Револьвер перезаряжал прямо на ходу. Если бы не “Сохранение равновесия”, точно бы грохнулся.

Я не знал точно, как главный лягух шёл по нашему следу. Запах? Что-то вроде моего чутья? Или дело в яде, который циркулирует по нашим с Харвуд сосудам? Вернее, в каплях божественной силы, который в нём содержатся? В любом случае, нужно убрать как можно дальше, пока он занят.

Лес редел. Камней становилось больше. Сам того не заметив, я оказался у подножия огромной сопки, которую отметил в первый день, и начал взбираться вверх. Тело Харвуд обмякло. Руки обессиленно мотались из стороны в сторону. От кожи исходил лихорадочный жар, будто яд выжигал её изнутри. С каждой минутой, с каждым преодолённым метром подъёма ей становилось хуже.

Я сжимал зубы и шёл, осматриваясь по сторонам. Во мне боролись два противоположных опасения. Если остановиться слишком рано — победитель в схватке сможет нас найти. Если идти слишком долго — Харвуд не выдержит. Не хотелось бы, чтобы мои усилия пропали зря.

Вдруг среди нагромождения серых камней мелькнул тёмный провал. Изнутри тянуло прохладой и сыростью, пахло мокрым камнем и прелой листвой — ни резкого аммиачного запаха, ни гнили, ни псины. Впрочем, это ещё ни о чём не говорило: пещера могла уходить далеко под сопку. Стены покрывал сплошной покров мха. По опыту могу сказать, что хищники имеют привычку обтирать такие места, метя территорию. Цельный, нетронутый ковёр обнадёживал.

Я замер, внимательно прислушиваясь. Тишина. Только дыхание Харвуд — частое, поверхностное.

И я решил. Вряд ли у меня получится найти более надежное укрытие, а женщине нужна срочная помощь.

Под ногами захрустела каменная крошка. За входом громоздились острые графитовые обломки — крупные, свежие, с блестящими гранями. Похоже, потолок недавно рухнул, добавив пространства. Потому-то у этого места и нет хозяина. Кому захочется жить, постоянно ожидая падения камня на голову? Меня это тоже напрягало. Я успокаивал себя мыслью, что мы не задержимся здесь надолго. Статистически, вероятность угодить под обвал крайне мала.

Света хватало едва ли метров на пять, дальше начиналась сплошная чернота. Рюкзак остался на месте боя, так что у меня даже спичек не было, чтобы запалить хоть какой-то огонь. В какой-то момент пришлось пробираться буквально на ощупь, носком правой ноги внимательно изучая путь, и только потом приставляя вторую.

Я не стал уходить далеко от входа. Обнаружив более-менее ровное место, очистил его ногой от мелких камешков и аккуратно уложил лэри. Коснулся её лба и поморщился: она не горела — пылала. Харвуд дрожала: то мелко, то почти зубодробительной тряской. Одежда была влажной и липкой. Яд! Он осел на нас обоих в облаке и теперь продолжал впитываться через кожу. Женщину требовалось раздеть — аккуратно, чтобы не размазать отраву ещё сильнее.

Пряжка ремня сопротивлялась так, словно до последнего пыталась защищать честь своей владелицы. Следом за полоской кожи с ножнами отправился мундир. За ним я столкнулся с неожиданным препятствием — корсетом. Из-за темноты у меня никак не получалось нащупать, как он застёгивается. Каким-то чудом нащупал шнуровку на спине, вытащил нож из крепления на поясе и срезал её. Стоило сорвать это жёсткое чудовище (кажется, в него даже металлическую пластину вставили), как лэри сделала глубокий вдох. Как она в нём вообще сражалась?

Под корсетом обнаружилась сорочка из тонкой ткани — насквозь мокрая, липкая, пропитанная потом и ядом. Её пришлось срезать, чтобы не размазать отраву по лицу и волосам.

После мучений с верхом, я думал, что с низом проблем не возникнет. Хрен там! Ботфорты — без проблем. А вот кожаные штаны — ни в какую. Тот, кто пытался стянуть с девушки узкие джинсы, хорошо поймёт, через какие мучения мне пришлось пройти. Только кожа облегла бедра ещё плотнее и дубела от влажности. Сделав несколько безрезультатных попыток, я понял: не выйдет. Пришлось резать. Кожа поддавалась тяжело, неохотно. Ещё и лэри, не приходя в сознание, неожиданно начала отбиваться. Её вялые подергивания не могли меня остановить, но мешали.

— Да угомонись ты, — раздраженно прикрикнул я, скатывая тонкие чулки по длинным ногам.

Последними снял панталоны и бросил липкую тряпку в кучу к остальным вещам. Женщина передо мной осталась совсем голой, впрочем, я едва различал её контуры в этом мраке. Она лежала на прохладном камне не слишком полезно для здоровья, но сейчас даже хорошо: поможет сбить жар.

Вытерев ладонью пот со лба, почувствовал ту же липкую плёнку. Мне она не мешала благодаря “Сохранению здоровья”, но наверняка испарялась. Воздух в пещере стоял тяжёлый, так что рассчитывать на естественную вентиляцию не приходилось. Аккуратно повернув лэри на бок, чтобы она не захлебнулась, если организм опять взбунтуется, я схватил её вещи в охапку и вынес из пещеры.

По глазам резанул красный свет Прилива. Сразу сработала концептуальность, и зрение адаптировалось. Забавно, что к темноте я привыкал гораздо дольше.

Мне не нравилась идея оставить Харвуд в одиночестве. Пещера хоть выглядела необитаемой, но без крупных хищников могло случиться всякое: змеи, мелкие животные, внезапная остановка сердца или дыхания. Но другого выхода не было. Сила Удильщика работала только на меня, и единственное, чем я мог помочь, — это оказать первую помощь. И для этого требовалась вода.

Естественный путь детоксикации организма после отравления — это печень и почки. Первый связывает, вторые выводят. Соответственно, чем больше питья, тем быстрее идёт процесс. Главное, чтобы печень не отказала в процессе.

Часть токсинов выходит с потом. Здесь помогут обтирания.

Ручей протекал неподалеку — я видел его во время подъема. Осталось решить, в чём нести драгоценную влагу, ведь все нормальные ёмкости пропали вместе с рюкзаком. Ладони? Скрученный лист лопуха? Сапоги? Вряд ли лэри оценит, но кого это волнует. По уму, воду следовало бы прокипятить. Жаль, что спичек нет

Мой взгляд упал на вещи Харвуд. Вряд ли же она разводила огонь с помощью инвокаций, верно?

Быстрый осмотр Бинго! Во внутреннем кармане мундира я нашёл металлический прямоугольник, до боли напоминавший бензиновую зажигалку. Большим пальцем откинул крышку, чиркнул колесиком, и фитиль вспыхнул ровным язычком пламени.

Отлично!

Осталось придумать, в чём кипятить. Ботфорты?.. Нет, они смазаны какой-то пропиткой — то ли для блеска, то ли для лучшей водонепроницаемости. На глаза попались ножны для шпаги. Сдавил в руке, заглянул внутрь — металл. Кожа только сверху, для красоты. Чудно. Воды влезет от силы полкружки, но лучше, чем ничего. Или лучше рискнуть и дать Харвуд напиться сырой, зато много? Ручей-то либо родниковый, либо талый

Так и не приняв окончательного решения, я рванул вниз по каменистому склону. Деревья здесь росли реже, чем в лесу у подножия, и идти было легче. Видимость составляла примерно сорок метров, не считая кустов, упавших деревьев и оврагов.

Ручей журчал и плескался, с шипением разбиваясь о торчащие булыжники. Несмотря на быстрое течение, его глубина едва доходила мне до голени. Сквозь кристально прозрачную воду отлично просматривалось чистое галечное дно.

Я опустил в поток ладони. Кожу обожгло ледяным холодом.

“Сохранение тепла”.

Дискомфорт исчез, и я принялся тщательно оттирать липкую плёнку с рук и лица. Затем зачерпнул воды и выпил. Вкус оказался хороший: пресный, без горечи или металлических ноток, в меру жёсткий.

Первыми промыл ножны. Сначала снаружи, с помощью крупного песка, который нашел у берега, а после прополоскал изнутри. Затем ту же операцию проделал с ботфортами Харвуд. Посмотрел на гору одежды и хмыкнул. Натуральные, пористые ткани отлично впитали яд, так что вряд ли их получится просто прополоскать. Времени стоило дорого, так что я просто засушил тряпки в воду и придавил камнями. Надеюсь, течение вымоет хотя бы основную часть токсина.

Свои шмотки присоединил к вещам Харвуд. Оставил только кальсоны, чтобы не трясти хозяйством, внешние портянки, которые планировал использовать вместо тряпок, и пояс, чтобы носить на нём нож, револьвер и остатки стихийных зарядов. Последних, к слову, после перезарядки осталось совсем мало. Тот бросок в морду Гнева ощутимо просадил мои запасы.

К пещере вернулся, неся в руках ножны и сапоги с водой. Моей подопечной стало только хуже: она металась в бреду, перевернувшись обратно на спину. В воздухе пахло чем-то кислым.

— Нет Эрик, не уходи Мама Папа — шептали сухие губы.

Я не стал прислушиваться к тому, что она несёт. Вооружившись портянкой и ботфортом, принялся обтирать стройное тело. Действовал методично, внимательно, стараясь не думать о том, что всё это бесполезно. Когда перешёл на правую руку, вдруг понял: что-то не так.

Осознание пришло не сразу.

Она замолчала! Я держал её запястье и не чувствовал пульсации! Сердце не билось!

Прижав пальцы к сонной артерии, попытался нащупать хоть что-то. Глухо! Но она дышала. Пусть хрипло, поверхностно, но дышала.

— Да твою мать!

Основание ладони легло в центр её груди, вторую руку положил сверху, сцепил пальцы в замок.

— Не смей подышать.

Грудина поддалась под моим давлением. И ещё раз

Я считал про себя. Сто нажатий в минуту — чуть быстрее, чем тиканье часов. Её дыхание сбилось, но я не обращал на это внимания. Главное — запустить сердце. Делаю паузу, чтобы проверить сонную артерию. Тишина.

Мысли метались, как крысы в горящем подвале.

Сердце остановилось. Дыхание в порядке. Значит, дело не в недостатке кислорода. Спазм сосудов? Нет, проблема в яде. Значит, массаж сердца не поможет. Я просто оттягиваю смерть.

Внутри Харвуд горячий металл её божественной силы пытался бороться с маслянистой тиной и проигрывал. Мои усилия ничего не решали

— Нет уж. Теперь это дело принципа.

Моя Воля вонзилась в центр лягушачьей силы. Я понятия не имел, как способности демонолога повлияют на эту дрянь. Но если ничего не сделать, Харвуд точно умрет. Стоит хотя бы попытаться.

Цепи воли вонзились в облако тины. Каждый миллиметр давался с полным напряжением сил. Ладони начало печь, словно над костром. Жар нарастал. Боль — тоже. Такое чувство, что пальцы начали обугливаться. Наплевав, я продолжил давить. Ещё чуть-чуть. Мне не нужно было всё — достаточно вытащить основной ком из области сердца.

И я потянул.

Воля задрожала.

“Сдайся. Не мучай себя. Кто тебе эта девка? Она всё равно сдохнет. Брось”.

— С-С-СУКА! — закричал, продолжая упорно тянуть.

Кусок тины выходил с тошнотворным хрустом. Неприятное гнилостно-зелёное сияние с трудом покидало грудь Харвуд. Я не решился его поглощать и брезгливо выбросил. Комок пару мгновений парил в воздухе, а затем распался.

Когда шар окончательно покинул тело, Харвуд вздрогнула и замерла. Её грудь перестала вздыматься.

Я смотрел на неё и не верил. Как так? Я же всё сделал. Её сила определенно побеждала остатки энергии жабомордого.

— Какого хрена ты не дышишь! — выругался я и зажал ей нос. Открыв рот второй рукой, с силой вдохнул воздух в её легкие.

Словно последний камешек упал на невидимые весы.

Грудная клетка женщины поднялась — вдох!

Мои пальцы метнулись к сонной артерии.

Тук.

Слабый, неровный, но это был удар.

Глава 12

Огненный зверь пал, не устояв перед мощью великолепного, как предпочитал думать сам кроакс, Ррха-Гатра.

— Сильный зверь, владыка. Достойная добыча, кро-о-а, — произнес подошедший Гракт.

Младший кроакс весь бой простоял в отдалении, не посмев вмешиваться в схватку костяного гребня. Это было правильно. Вся добыча, вся слава, всё благословение Богов должны доставаться сильнейшему — таков закон Племени.

Ррха-Гатра положил лапу на череп зверя и резко повернул. Раздался влажный хруст позвонков, сопровождаемый щелчками разрываемых связок. С чавкающим звуком плоти и треском лопающейся шкуры кроакс оторвал голову зверя.

— Повешу у себя в кваге, — довольно заявил он.

— Впечатляющий трофей, — с уважением заметил Гракт.

Самодовольно раздув горловой мешок, Ррха-Гатра вбил в череп стальной штырь и прицепил добычу на пояс. Его переполняла сила — Боги достойно вознаградили своего потомка за славную битву. Ещё несколько подобных противников, и он получит право добавить к своему имени третью приставку. Тогда даже недоступная Тха-Зи-Миира почтёт за честь завести с ним потомство. Он уже предвкушал, как пригласит её на совместное купание и прямо там, в омуте

— Что будем делать с обезьянами? — спросил Гракт, бесцеремонно вмешиваясь в мысли командира.

Настроение Ррха-Гатра мгновенно испортилось. Его глаз уже восстановился, но позор потери останется с ним надолго. Даже победа над порождением Проклятья не сотрёт это пятно до конца. Он настолько вышел из себя, что использовал “Облако Лумы” до того как дошёл до обезьяньего лагеря. Теперь ему придётся ждать целые сутки, пока Боги позволят использовать сильнейшее умение снова.

— Они сбежали. Я не вижу их следа, — неохотно поделился старший кроакс.

— Пу-така! — выругался Гракт, топнув ногой.

“Ещё какой”, — со злостью сжал кулаки Ррха-Гатра.

Он планировал разделаться со всеми обезьянами за один раз, но человеческая самка оказалась неожиданно сильна. Ему даже пришлось использовать дар, за который его удостоили права на вторую приставку к имени, чтобы наверняка её захватить. И что? Вбак не только её упустил, но и каким-то образом умудрился сдохнуть. Тупой пу-така!

Ррха-Гатра уже забыл, что и сам упустил беглецов, привычно свалив вину за провал на мёртвого подчинённого. Всё о чём он жалел — это об утраченной возможности позабавиться с обезьянкой.

Широкий язык жадно облизал ротовую складку.

Конечно, с точки зрения Ррха-Гатра, человеческие самки и рядом не стояли с настоящими женщинами. Зато с ними можно было творить всё, что угодно. Даже их уродливые волосы отлично подходили для того, чтобы наматывать их на пальцы. Чтобы он не выдумал, ему бы и слова не сказали: это из-за людишек на Племя пало Проклятье, а потому они заслужили всю боль мира.

Эта человечка выглядела достаточно сильной, чтобы долго развлекать даже воина уровня костяного гребня. Возможно, если бы он подарил её Тха-Зи-Грон (отцу Тха-Зи-Миира), тот в будущем смотрел бы на него более благосклонно. Внутренности свело от разочарования.

— Уходим, — приказал Ррха-Гатра.

— А если обезьяны расскажут о нас остальным? Может, стоит поискать следы? Они не могли далеко уйти, — предложил Гракт.

— Ты усомнился в силе моего яда? — прищурившись, посмотрел на него старший кроакс. Его горловой мешок угрожающе завибрировал.

Гракт тут сделал шаг назад и опустил взгляд.

— Ни на каплю, великолепный Ррха-Гатра. Вам же понравилась эта самка, вот я и хотел отыскать её для вас

Старший кроакс посверлил подчинённого взглядом, а затем его язык мазнул по недавно повреждённому глазу.

— Без моего противоядия она уже мертва, — произнес он. — Толстая обезьяна слишком слаб, чтобы выбраться самостоятельно. Не знаю, как ему удалось устоять после “Облака Лумы”.

— Наверняка воспользовался каким-то механизмом, — поддакнул Гракт.

Оба кроакса презрительно квакнули.

В их мире только сила заслуживала уважения. Лишь такие слабаки, как обезьяны и им подобные, выдумывали для себя костыли. Их Боги были слабы и ущербны. Настоящая сила заключалась в теле, в верных товарищах и негибавом духе.

Не удивительно, что человеческая Империя пала.

На лужайке перед домом не спеша прогуливались десятки людей из самых влиятельных родов королевства. Молодые девушки беззаботно щебетали, стреляя глазками в благородных юношей. Солидные мужчины во фраках, накрахмаленных рубашках, жилетках и белых лайковых перчатках обсуждали политику и биржевые сводки. Дамы в роскошных платьях из шёлка снежного мотылька и бархата, сверкая золотыми украшениями и драгоценными камнями, перемалывали друг другу косточки.

Рекой лились игристые и сладкие вина, звенели бокалы. Оркестр выводил приторно-сладкую лиричную мелодию. Сотни фонарей изгоняли ночь за стены Харвуд-холла. Нанятые актёры ходили среди гостей, отыгрывая короткие сценки из мифов.

Мейв стояла в темноте своей комнаты, вцепившись в подоконник до побелевших костяшек. Она помнила этот день так, словно он был вчера. Она знала, что произойдёт дальше. Но почему-то не могла заставить себя пошевелиться, лишь наблюдала расширенными от ужаса зрачками.

Вот в компании молодых парней вспыхнула ссора. Юноша с резкими, почти ястребиными чертами лица схватил за грудки изящного блондина с лицом ангела. Друзья бросились их разнимать, но слишком поздно

— Дуэль! Род Харвуд ответить за это оскорбление, — надменно произнёс красавец, небрежно поправляя рубашку.

— С удовольствием! Я вобью твои слова тебе в глотку! — вырывался из хватки двух друзей брюнет, не желая успокаиваться.

Мейв дрожала то ли от холода, то ли от ужаса. Платье из красного, цвета Харвудов, шёлка душило её, сдавливая тонкую талию корсетом из костей Облачного Змея.

— Не уходи, Эрик, — прошептала она побелевшими губами.

Но брат не услышал. Совладав с гневом, он освободился от рук друзей, и, горделиво задрав подбородок, зашагал к площадке для дуэлей. Его пальцы стискивали рукоять до боли знакомой шпаги.

Мейв следила за каждым шагом брата. Она знала: стоит ему свернуть за край зелёного лабиринта, как он навсегда исчезнет из её жизни. И не могла пошевелиться. Почему? ПОЧЕМУ?

Её взгляд с отчаянной надеждой забегал по лицам гостей. Наверняка кто-то из них остановит разгорячённых людей от глупой дуэли. Может

— Папа — прошептала она, разглядев маркиза Харвуд.

Мужчина в багровом фраке с вышитыми чёрными рунами, седой бородой, усами и впалыми щеками беседовал с Лордом Греймоур. Вот его глубоко посаженные серые глаза нашли спину старшего сына

Мейв замерла, боясь спугнуть удачу. Кажется, она даже перестала дышать.

“Останови его. Пожалуйста, останови”, — отчаянно звучало у неё в душе.

Но отец лишь что-то сказал своему собеседнику и жёстко усмехнулся. Тот рассмеялся.

Взгляд Мейв метнулся к фонтану, где женщины собрались вокруг безупречной лэри. Густые каштановые волосы волной спускались на её плечи, золотая тиара сверкала драгоценными сапфирами, винного цвета платье из тяжёлого бархата облегло идеальную фигуру и стоило целое состояние. На руке лэри непринуждённо держала горжетку из огненной куницы, зверя потока уровня Вожака. Глаза хищника заменили крупными рубинами.

— Мама — прошептала девушка.

Но лэри Роуз не интересовалась скучными мужскими делами. Она не сомневалась, что могущественный супруг решит любую проблему, если та возникнет, и полностью сосредоточилась на роли хозяйки вечера. Лэри кружили вокруг неё, как мотыльки вокруг свечи. Поддержание репутации, имя рода, связи, положение — вот, что её волновало.

И сердце Мейв разлетелось на куски.

Она видела, как спина брата исчезает за углом зелёного лабиринта. Мир покачнулся. По сосудам зазмеился смертельный холод. На грудь вдруг опустилась тяжесть горы, мешая нормально дышать. Слабость, боль, злость, разочарование, ненависть — всё смешалось в бурлящее ядовитое варево.

А затем небо разбилось.

Осколки ночного неба посыпались вниз, обнажая кроваво-красную трещину, от которой смердело демонической энергией. С тяжелым звоном из пролома показались титанические цепи из чёрного металла с пылающими багровыми рунами.словно кара Богов, они с грохотом врезались в землю. И там, где металл касался материи, реальность начинала распадаться серыми хлопьями.

Первым исчез отец. За ним — мать. Все эти напыщенные аристократы пытались бежать, но неизбежно обращались пеплом. Дом фонтан фонарики бутылки игристого — всё обращалось в ничто. Последним цепи забрали проклятый лабиринт, за которым исчез брат, после чего втянулись обратно в пролом.

Трещина закрылась.

Мейв осталась одна посреди холодной тьмы. Обняв себя за плечи, она закрыла глаза и попыталась сжаться в комок, стать как можно меньше и незаметней.

Вдруг её губ коснулось что-то тёплое. Это чувство

Тук!

Её поцеловали!..

Кто посмел?!

Тьма взорвалась, растерзанная кровавыми полосами силы Бога Войны.

За первый ударом последовал второй третий. С каждым толчком сердце Харвуд словно просыпалось, возвращаясь к привычной ровной работе. Уверенная, мощная пульсация ритмично отдавалась в сонной артерии. Грудная клетка женщины высоко поднималась, наполняя лёгкие кислородом. Кризис миновал.

Я чувствовал, что сила Харвуд окончательно подавила тину жабомордого. Яд потерял львиную долю опасности и теперь вряд ли угрожал жизни. Слабость, спутанность сознания, тошнота, головная боль — всё это обязательно будет, но организм, усиленный божественной энергией, справится.

Внезапно в голову пришла идея.

Инвокаторы! — вот какое название подходит пользователям божественной энергии. Так будет и короче, и понятней.

Я выпрямился и прогнулся назад, разминая напряжённые мышцы. Выдохнул.

— Ты не подумай, это не благотворительность. Тебе придётся отработать каждую каплю моего пота.

Вести беседу с бессознательным телом — это не самое рациональное занятие. Что сказать профессиональная деформация. Разговор с самим собой помогает мне сосредоточиться, оценить ход эксперимента или увидеть упущенную возможность.

— А если я откажусь? — внезапно раздался слабый голос.

Она уже очнулась? Быстро! По всей видимости, у инвокаторов тоже есть подобие концептуальности. Ничем другим не объяснить такое быстрое восстановление после инфаркта и краткосрочной остановки дыхания. У меня аж зубы зачесались, так захотелось разобрать в этом механизме защиты.

— Вы этого не сделаете, лэри Харвуд. Ваше благородство не позволит, — усмехнулся, ничем не показывая своего удивления.

Женщина долго не отвечала. Я даже подумал, что она снова потеряла сознание и наклонился, чтобы проверить её состояние.

— Почему я голая? — за её показным спокойствием отчётливо слышалось напряжение.

Так вот, значит, почему она внезапно замолчала. Что ж, её можно понять.

— Из-за яда. Он пропитал всё, потому пришлось вас раздеть и обтереть. — Я мягко улыбнулся, хотя женщина вряд ли могла видеть выражение моего лица.

— Ты меня поцеловал, — Харвуд не спрашивала, а констатировала факт.

Мне не нравилось, какое направление приобретает диалог. Это больше походило на допрос, чем на благодарность за спасение.

— Технически, это была сердечно-лёгочная реанимация, — пожал плечами и уловил движение. Кажется, Харвуд попыталась посмотреть мне в глаза.

— Никогда о таком не слышала, — её голос звучал ровно, без эмоций. Мне оставалось только гадать, о чём она думала в этот момент.

— Вы не дышали. Что я, по-вашему, должен был сделать? — огрызнулся, скрестив руки на груди.

Пещеру окутала вязкая тишина.

— Где моя шпага? — раздался внезапный вопрос.

Я даже немного растерялся и попытался вспомнить, куда подевал неудобную железку. До пещеры точно дотащил. А потом?

— Должна валяться где-то здесь.

— Дай, — мгновенно прозвучало требовательным тоном.

— А волшебное слово? — Она не могла видеть, но моя бровь насмешливо изогнулась.

Харвуд больше переживала об оружии, чем об одежде, и это многое о ней говорило.

— Быстро.

Громко хмыкнув, я попытался разглядеть в окружающем мраке хоть что-то. Как назло, каждый второй камень напоминал своими очертаниями гарду. Пришлось напрячься и восстановить картину.

В голове мелькнул невнятный образ. Вот я ногой очищаю поверхность от камней, хочу положить на неё бессознательное тело, но для этого нужно две руки. Небрежно отбрасываю шпагу и она откатывается к большому камню.

Собственно, там я её и нашёл.

— Ваше оружие, — не скрывая раздражения, вложил эфес прямо ей в руку.

Тонкие пальцы мгновенно вцепились в холодный металл. Мне даже показалось, что её дыхание неуловимо изменилось.

— Вижу, вы уже в порядке. Займусь костром, — сообщил, разворачиваясь к выходу из пещеры. — Кстати, — обернулся, — добро пожаловать обратно в мир живых, лэри Харвуд.

Уже у самого выхода меня догнал голос:

— Зови меня Мейв.

Я не стал отвечать. Не потому что испытывал сложности с подбором правильных слов, а позволяя ей сохранить иллюзию контроля. Приходилось мне работать с похожими дамочками: они продолжали делать вид, что всё идёт ровно по их плану, даже оказавшись у школьной доски без штанов. Именно штанов, ведь юбки и платья они не носили.

— Ха, — устало выдохнул. — Сколько мороки.

Стоило покинуть пещеру, как в лицо, взъерошив волосы, ударил порыв ветра. половину неба закрывали непонятно откуда набежавшие тучи. Неприятно. Мне-то ничего, благодаря до сих пор висящему “Сохранению тепла”, а Харвуд может заработать переохлаждение, если начнется дождь.

Да и вообще с лэри нужно было что-то решать: из камней хреновая кровать — это очевидно. Нельзя её так оставлять. Значит, сделаю лежанку. Что-то вроде той, которая осталась в лагере, только без плаща.

Ещё был нужен костёр. Это и тепло, и кипяченая вода, и свет, и, в перспективе, горячая еда. Правда, организм лэри после отравления вряд ли оценит грибы или жареное мясо, а варить лёгкие бульоны нам не в чем. Или тело инвокатора всё-таки справится?.. Потом решу.

Первым делом принялся за сбор веток: прямые и ровные пойдут на лежанку, остальной валежник — в костёр. Брал только сухие и, учитывая возможную непогоду, с большим запасом. Всю добычу сносил в пещеру, за большой камень, чтобы куча не бросалась в глаза со стороны.

После завершения очередной ходки, каждый раз выдвигался в новом направлении, чтобы разведать окрестности. Не то чтобы я собирался задерживаться здесь надолго, но мало ли. Не стоило забывать, что по нашему следу могла прийти погоня. Я не слишком в это верил, учитывая, сколько времени прошло, но и не сбрасывал со счетов окончательно.

Моё чутьё работало на полную. Я останавливался и принимался чуть ли не каждые десять метров, словно дикий зверь. Способность работала на другом принципе, но именно концентрация на запахах позволяла максимально расширить её диапазон. И это принесло плоды правда, не совсем такие, какие хотелось бы.

Опасность. Она была всюду. Какое бы направление я не выбрал, в итоге наткнулся на характерный запах. Демоны были везде! Даже удивительно, как у меня получилось забрать так высоко, не столкнувшись ни с одним. Или мелочь распугал бой между Гневом и жабомордым? Вполне себе версия.

В любом случае, я не стал привлекать к себе внимание, разворачиваясь, как только появлялись первые отголоски тухлятины. По отдельности демоны не были угрозой, но вместе. Как известно, толпой гасят даже льва. А я может и крут, но слегка не в форме, а также отягощён одной раненой особой. И вообще, нормальные герои идут в обход.

Когда вышел к речке, то влил себя столько воды, что хватило бы заполнить небольшую бочку, — прямо до тошноты. Всё ради того, чтобы ускорить выведение яда из организма. “Сохранение здоровья” продолжало работать, но если придётся вступить в бой, оно повиснет на мне тяжёлой гирей. Тут же полил кустики неподалеку.

Проверка одежды принесла сплошное разочарование: маслянистая пленка и не думала отмываться. Это означало, что у яда жирорастворимая основа, его практически невозможно удалить обычной водой. Мои попытки отмыть Харвуд в лучшем случае стёрли внешний слой, но все поры остались забиты ядом. Здесь нужно было мыло или хотя бы горячая вода.

Ветер крепчал, нагоняя всё больше тяжелых туч. Красное солнце Прилива с трудом пробивалось через облачный покров. Темнело. Упали первые тяжёлые капли.

Когда возвращался, заметил на огромных серых валунах шикарный ковёр из мха. Потрогал рукой — практически сухой, мягкий, упругий. Это была великолепная заготовка под матрас! Сдирал его длинными пластами, складывал в стопки и бегом относил к пещере.

Успел сделать три ходки до того, как небо прорвало. Ливень обрушился с глухим, нарастающим шумом. Завыл ветер, сгибая деревья. Упругие струи хлестали по камням, выбивая барабанную дробь. Мир потерял очертания, растворившись в сплошной серой пелене.

Я мгновенно нырнул в пещеру, не желая мокнуть понапрасну. В такую погоду хороший хозяин собаку на улицу не выгонит. Кстати

— Мейв, ты там ещё живая? — поинтересовался в темноту.

С волос капало, так что провел по ним рукой, стряхивая лишнюю влагу.

— В порядке, — раздался слабый ответ.

— Ну и чудно. Сейчас сделаю лежанку и можно переезжать.

Молчание. Я принялся за дело, как вдруг

— Но я же голая — в её голосе послышались нотки неуверенности.

Глава 13

Я удивлённо повернулся на звук.

Это что, стеснение? Неожиданно. В смысле, для обычной женщины такое поведение вполне в рамках нормы, но не для профессионального военного. Для последнего в теле нет ничего сакрального. Сложно сохранить какой-либо пиетет перед физиологией, на регулярной основе выпуская кишки. Любая рана — это кровь и боль, чужие прикосновения, медицинская помощь. Тело — это инструмент, ресурс, отлаженный механизм. В полевых условиях стеснение быстро отступает перед необходимостью выжить и выполнить задачу.

Получается, я её неверно оценил. Меня ввела в заблуждение её суровость, военная форма и сдержанная реакция после пробуждения.

Мысли пронеслись в голове за считанные секунды.

— Не поверишь, но я в курсе, — произнёс вслух. — В конце концов, я сам тебя и раздевал. Вот этими самыми руками. — Подняв ладони, пошевелил пальцами, хотя и сомневался, что женщина могла увидеть моё движение. Впрочем, кто знает, как влияет на тела инвокаторов их сила.

— Забудь об этом. Навсегда. Иначе я не посмотрю, что обязана тебе жизнью, — потребовала Мейв.

Её голос звучал строго, даже грозно, но я всё равно услышал в нём тихую мольбу. Это выглядело так по-детски наивно, словно мокрый котёнок шипит и показывает коготки. Мои губы невольно разъехались в улыбке.

— Я к тому, что поздно стесняться. Обещаю не смотреть, если тебе станет от этого легче.

— Исключено, — отрезала она. — Мне и здесь комфортно. Переберусь, когда вернёшь одежду.

Меня всегда раздражали нелогичные, продиктованные эмоциями поступки. И ладно в бою: так не всегда есть время взвесить ситуацию. Но в спокойной обстановке в чём проблема подумать головой?

— Я приложил слишком много усилий для твоего спасения, чтобы молча смотреть, как ты херишь результат из-за гордости, — я старался говорить спокойно, но раздражение всё равно прорывалось. — Так что у тебя есть два варианта: ты перебираешься на своих условиях, или я перетащу тебя лично.

— Только попробуй подойти. Убью, — угрожающе прошипела женщина.

— Оставь пустые угрозы для кого-нибудь поглупее. Лично я сильно сомневаюсь, что ты хотя бы встать сможешь, не говоря уже о чём-то большем, — фыркнул в ответ. — Так что мне в любом случае придётся тащить тебя на руках.

От моей грубости она на мгновение онемела. Подозреваю, что с благородной лэри никто так не разговаривал с самого да никогда не разговаривал.

— Нет. Я запрещаю. Если в тебе осталась хоть капля чести, не смей ко мне приближаться. — Из глубины пещеры донесся звон шпаги и звуки возни. Кажется, лэри пыталась подняться без особых успехов.

Я не стал ей мешать и продолжил сборку лежанки. На второй раз процесс шёл ощутимо бойчее: и ветки ложились одна к одной, не разъезжаясь, и мох послушно укладывался пухлым слоем, без разрывов и бугров. Да и в целом конструкция выглядела гораздо лучше — почти приличное ложе.

Что ж, а теперь неприятная часть.

Харвуд нашлась на прежнем месте. Она тяжело дышала, но всё, чего ей удалось добиться, — это перевернуться на бок. Тем не менее, её рука крепко сжимала шпагу, а глаза пылали в

темноте, как раскалённые угли. Я даже на секунду притормозил, заподозрив, что в женщину каким-то образом вселился демон Гнева. Но нет — это была её собственная сила.

— Ты пожалеешь, — прошипела она, вызывая тяжёлый вздох с моей стороны.

— Не веда себя, как ребёнок, Мейв.

— Лэри Харвуд. Я забираю у тебя право называть меня по имени.

Я не счёл нужным продолжать бессмысленный спор. Просто закатил глаза так, что, кажется, увидел собственный затылок.

Поднимая обнажённую женщину на руки, я до последнего ждал какой-нибудь глупости, вроде попытки ткнуть шпагой, инвокации или хотя бы ожесточённого сопротивления. Однако, к моему удивлению, лэри вела себя сдержанно, словно заранее понимала бесполезность сопротивления и не собиралась унижаться ещё сильнее. Она даже не стала угрожать, лишь в пылающих глазах читалось обещание страшной мести.

Я думал встретить стальные жгуты мышц с минимумом подкожного жира, однако на ощупь Мейв оказалась мягкой, почти нежной. Под военной формой скрывалась красивая подтянутая фигура, высеченная из гладкого белоснежного мрамора, словно античная статуя. И пусть Харвуд не могла похвастаться выразительностью пропорций, скорее напоминая гибкую иву, это только придавало её образу цельности. Она не выглядела, как тощая девчонка или излишне спортивная дама. Изящные линии, плавные изгибы дышали выразительной женственностью.

Короче, я бы такую красотку с удовольствием взял штурмом.

Она заметила моё внимание и прижала шпагу к груди, словно тонкое лезвие могло хоть что-то прикрыть. Обещание смерти в багровых глазах стало отчётливым, почти осязаемым. А ведь я не паялся — лишь окинул взглядом, когда брал на руки. Харвуд и такой малости хватило, чтобы добавить к виртуальному счёту очередной пункт. Ну а чего она ждала? Что я завяжу глаза?..

А, плевать.

Что мне действительно не понравилось, так это холод её кожи. Ещё совсем недавно она напоминала выпавший из костра уголёк, а теперь я держал в руках кусочек льда. И она собиралась лежать на камнях? Сколько? Пока не заболеет? Пустая гордость.

Уложив Харвуд на лежанку, я принялся за разведение костра. Ветер ощутимо задувал внутрь пещеры, так что задохнуться нам не грозило. Чтобы на отсветы не появилась какая-нибудь дрянь, место для огня выбрал за крупным обломком. Из мелких камней выложил подобие очага — четыре стенки, открытый верх. Так и жара больше, и дыма меньше, да и готовить легче.

На протяжении всего процесса Мейв не спускала с меня глаз. Я специально сделал печку повыше, а лежанку — у стены, чтобы у неё появилось собственное пространство. Сам сел с другой стороны. Когда первые языки побежали по тонким веточкам и коре, это создало иллюзию занавеса.

— Как ты это сделал? — вдруг раздался вопрос.

То ли женщина оценила мою тактичность, то ли решила выведать побольше информации, прежде чем убить. В любом случае, диалог — это лучше, чем глухая злость.

— Что именно? Спас тебя? — переспросил я ехидно, не горя желанием отвечать.

— Как ты выдержал яд кроакса. Он убил Брауна, свалил меня, а ты бегал в нём, как бешеный пёс, — конкретизировала она.

— О, так жабомордые это кроаксы? — заинтересовался я.

— Как ты выдержал яд? — не давая сбить себя с толку, с напором повторила женщина.

Вот же неугомонная

— У меня железное брюхо, — я с гордым видом похлопал по своему бурдюку. — Грибы, яд, гвозди — всё переварит. Как иначе отец смог меня прокормить, по-твоему?

Мейв закрыла глаза и тяжело вздохнула.

— Это что-то из запретных знаний, да? — произнесла она неожиданно мягко. — Вандэй, никакие проблемы того не стоят. Поверь. Я видела.

Ей совершенно не шла эта мягкость — словно brutальный воин внезапно решил выкрасить ногти розовым лаком с блёстками. Да и направление разговора мне категорически не нравилось. Демонология — запретное искусство? Чушь какая-то

Хотя если подумать

На Земле нам пришлось учиться использовать силу греха по причине полного отсутствия альтернатив. Мы наблюдали за одержимыми, добровольно пускали демонов в свои тела, изучали — это был долгий и сложный процесс. И даже когда подобрали нужные ключики, регулярно кто-то не выдерживал и падал в объятия греха. У местных была божественная сила, так что они действительно могли объявить демонологию запретным искусством.

Хреново.

Единственное, что хоть как-то обнадёживало, — это тот факт, что женщина до сих пор не почувствовала действие “Сохранения”. В ином случае она не спрашивала бы, а утверждала. Сложно сказать, что тому виной: отравление, смущение, слабая чувствительность инвокаторов в принципе или Мейв в частности. В любом случае, я жопой чуял пространство для маневра.

Например, меня так и подмывало проверить, что произойдет, если попробовать “Сохранить тайну”. С одной стороны, тайна определённо принадлежала мне как и одежда, например, но на тряпки я влиять не мог. Однако сила Удильщика вполне могла “Сохранить удачу”. В общем, вопрос был куда сложнее, чем казался на первый взгляд. В таком деле окончательную точку могла поставить только практика.

Я взглянул на Харвуд. Её силуэт едва угадывался за всполохами пламени и только голова выглядывала сбоку от костра.

Кажется, моё молчание длилось слишком долго, и женщина истолковала его по своему.

— Обещаю, я никому не расскажу. И постараюсь помочь. Моему роду открыто много тайн: мы приходим от аристократии Сияющей Империи. Просто доверься, скажи правду, — она говорила всё тем же неуместно-мягким тоном, словно разговаривала с глубоко больным человеком.

Вот только мне интересно: я действительно выгляжу таким лопухом? Какой идиот вообще признается в применении “запретных знаний”, даже если завтракает и обедает только после вознесения молитвы нечистой силе? Такие вещи требуют абсолютного доверия.

— С чего ты взяла, что только у вашего рода есть тайны Сияющей Империи? — улыбнулся я, лихо ввернув только что услышанное название. Ложь всегда звучит убедительнее, когда в ней мелькают реальные факты. — Я не идиот, чтобы связываться с запретными знаниями.

По лицу Мейв, особенно в неровном свете костра, было сложно прочесть, как она восприняла мою импровизацию. Вроде бы мне определённо удалось заронить зерно сомнения, однако ей всё равно не терпелось продолжить допрос. Смещение предмета разговора в область “тайны рода” лишь заставило её осторожней подбирать слова.

Значит, я угадал: местные не любят делиться своими секретами.

— Никогда не слышала, чтобы род Элиас демонстрировал подобные способности, — наконец заметила она.

Это мне сейчас так намекнули, что не верят ни на грош? Забавно. Мне больше импонирует прямой подход, однако вынужден признать: в хитросплетении слов удобно прятать тайны.

— Всё когда-нибудь бывает впервые, — я развёл руками с безмятежной улыбкой. — Не каждому дано глотать гвозди, знаешь ли. Этого не добиться тренировками. Нужен врождённый талант. Дар, если угодно.

Вдруг моего носа коснулся запах. Сырая глина, земля, костяная пыль — словно воздух запертого на тысячи лет склепа. И доносился он не снаружи Нечто поднималось из глубины сопки. Не демон — несмотря на пугающее сочетание, я не ощущал ноты гниения. Это было существо иной природы. Сильное. Опасное. Незнакомое.

Логика подсказывала бежать: хватать Харвуд в охапку и валить из пещеры. Вряд ли неизвестная хрень, живущая под землей, полезет под дождь. Но любопытство оно нашёптывало совсем другие мысли.

Мейв продолжала что-то говорить, но мой разум отсеивал её голос, как помеху, целиком поглощённый новой задачей. Потому я не обратил внимания, когда она замолчала.

— Беги! — выкрикнула женщина так внезапно и громко, что пробила даже в мой мысленный диалог.

Вздрогнув, я бросил на неё возмущённый взгляд.

— Ты чего орёшь?

— Нас почуял Зверь Костей Земли! Беги! Сейчас же! Он уже близко! — продолжила она вещать на повышенных тонах, каким-то чудом приподнявшись на локте. Что примечательно, сейчас её собственная нагота совершенно не смущала.

И надо сказать, такая тревога оказалась заразной.

— Что это за тварь? Быстро, без эмоций, — потребовал я, поднявшись на ноги и сжимая в руке стихийник.

Мейв моргнула, явно недовольная моей непонятливостью. Мне уже показалось, что сейчас начнётся тупой и абсолютно пустой спор, но женщина меня удивила.

— Это зверь потока, насекомоподобного типа. Они сразу после вылупления уже на уровне Резонирующего (2) и быстро достигают Вожака (3) первого и даже второго такта. Главная опасность — это хвост с жалом. Он очень гибкий, быстрый и любая царапина тебя прикончит.

— Ну, у меня особые отношения с ядами, — усмехнулся я.

На её лице мелькнула неуверенность.

— Да, точно — задумчиво протянула она, а затем поджала губы и тряхнула головой. — Нет, это только продлит агонию. Челюсти, лапы, шип — она тебя погромсает на кусочки. А стихийник не возьмёт зверя уровня Вожака.

А вот это оказалось неприятным сюрпризом. Если с защитой и тактикой у меня всё в порядке, то с атакующими навыками полная беда.

— Ты уверена?

Харвуд наградила меня возмущённым взглядом.

— Естественно, — фыркнула она, и в голосе прорезались менторские интонации. — Пластины Зверя Костей Земли используют для создания артефактов и божественных сокровищ. Они не просто крепкие — вокруг них образуется зона повышенного сопротивления стихийной энергии.

Между тем существо замедлилось. Полагаю, таким образом оно подкрадывалось к добыче, не подозревая, что уже давно обнаружено.

— Слабости? — коротко спросил я.

В ответ — покачивание головы.

— Не для тебя. Обычно используют артефакты, вроде моей шпаги, чтобы проткнуть глаз и использовать металл, как проводник божественного искусства. Но ты не идёшь дорогой Возвышения. — Она подозрительно прищурилась. — Или всё-таки?..

— Нет-нет, — тут же замахал руками. — Я самый обычный и совершенно не подозрительный толстяк.

Кажется, мои слова её совсем не убедили.

— Могу одолжить шпагу, — после короткого колебания предложила она.

— Точно нет. Любой железяке я всегда предпочту револьвер. В идеале — винтовку. Только дурак заявится на перестрелку с ножом.

Меня посверлили взглядом, а затем женщина легла на спину и закрыла глаза.

— В таком случае — беги. Если повезет, зверь насытится мной и не погонится за тобой. Я едва сдержался, чтобы не впечатать ладонь в лицо.

— Что за странная тяга к суицидальным порывам? Что от жабомордого бежали — про-сила бросить. Что сейчас. Это фамильная черта или твоя личная? Ты скажи, чтобы я заранее знал, кого следует избегать.

Ещё в середине моей тиранды лэри открыла глаза, грозно полыхающие божественной силой.

— На мне висит долг жизни. Не хочу угодить в Яму по твоей вине.

— Ни демона не понял, — фыркнул я и посмотрел в темноту пещеры. Время обсуждений подходило к концу. — Потом договорим.

Сжав в одной руке револьвер, а в другой — последние пули, я направился навстречу твари.

“Сохранение обзора”.

Я до последнего не знал, как сработает такой приказ. Это вообще частная проблема для концептуальных способностей, особенно, когда начинаешь использовать понятия с неопределённым значением. Как правило, сила откликается на вложенный посыл, однако случается всякое. Пришлось пойти на риск, лишь бы не сразаться со зверем в полной темноте.

Первые секунды казалось, что ничего не изменилось. Я даже подумал, что “Сохранение” не сработало и придётся выманивать тварь наружу, в ливень. Однако свет всё-таки двигался — плясал на камнях неровными отблесками костра, будто тот летел прямо за моей спиной, как шарик на верёвочке. Естественно, это была иллюзия, и только я получал выгоду от действия способности.

— Да не оставят тебя Боги, — донеслось в спину.

— Скоро вернусь. Не вздумай самоубиться, пока меня нет, а то знаю я тебя.

— Идиот.

Мелкие камешки шуршали под ногами. Вход исчез за поворотом. Стены сдвинулись, потолок опустился, пол начал гулять. По трещинам стекали ручейки дождевой воды и устремлялись в глубину пещеры. Тварь насторожилась и замерла. Подозреваю, что решила устроить западню. Что ж, мне же лучше.

На коленке прикинул план. Ничего сверхординарного: старый добрый трюк с “Сохранением формы”. Быстро отсчитал восемь зарядов и сунул в рот. Ну и куда ещё? Карманов-то нет. В кальсоны? Мои орешки начинали поджиматься от одной перспективы такого соседства. В общем, щёки у меня раздулись, как у хомяка. Главное — не проглотить случайно ни один из кристаллов. Что-то мне перестала нравиться эта идея. Может, просто оставить заряды где-нибудь под камешком? А если понадобятся?

Тварь со скоростью молнии внезапно выпрыгнула из темноты. Точнее, это она так думала. Я же, благодаря отсветам, заметил её заранее. Вот только разглядеть смог лишь вблизи.

Три пары сегментированных лап несли трёхметровое вытянутое плоское тело, покрытое толстыми пластинами, похожими на каменные наросты. Мускулистый хвост застыл вопросительным знаком, на манер жала скорпиона, из-за чего задница существа казалась выше головы. Башка напоминала раковину: глаза, две пары жвал (одни длиннее других) и узкая пасть с трудом умещались между двух пластин. В целом зверь выглядел, как помесь камня и насекомого.

И сражалось так же.

“Сохранение формы”!

Меня снесло, как будто легковушкой сбило. Мир завертелся, я почти полностью потонул в пространстве. Хвост жалил сверху со скоростью швейной машинки. Передние лапы,

снабжённые внушительными когтями, неистово драли тело. Жалобно затрещали кальсоны. Меня впечатало в стену, но даже так тварь не переставала атаковать. Напор и неистовая ярость ошеломляли, подавляли, заставляли сердце стучать где-то у глотки. Зверь скручивался вокруг меня, вызывая приступы омерзения. Его пластины тёрлись друг о друга с пронзительным скрежетом.

Из-за чудовищной скорости у меня никак не получалось подобрать подходящий момент. Тварь сама помогла, вцепившись нижними, более мощными, хелицерами в плечо.

Я тут же сжал кристаллы и воткнул руку прямо в пасть.

“Сохранение формы и положения”!

Зверь пытался вырваться, но я специально согнул кисть, превратив её в подобие крючка.

“Сохранение температуры”!

Полыхнуло. Тело существа содрогнулось. Вихрь снежинок и тумана вырвался из пасти прямо мне в лицо.

Оно сдохло?

Глава 14

Желтые глаза зверя закрылись, его дыхание замерло.

Я не спешил радоваться. Сколько раз на моей памяти тварь, вроде бы мёртвая, внезапно приходила в себя и пыталась откусить от меня что-нибудь ценное? Не сосчитать. Потому я для начала выждал примерно минуту, затем потыкал стволом револьвера в глаз, и только после этого позволил себе расслабиться.

Первым делом выплюнул кристаллы.

Всего четыре осталось. И восемь в барабане. Не густо.

Впрочем, не в моих правилах было расстраиваться из-за вещей, на которые не в состоянии повлиять. Выбросив негатив из мыслей, я потянул руку из пасти.

— Мда, а вот об этом я не подумал, — пробормотал, когда конечность не сдвинулась ни на миллиметр. То есть, не сдвинуть относительно пасти — только моталась вместе с головой, которая, к слову, оказалась тяжелой — будто не плоть, а кусок бетона.

Благодаря “Сохранению температуры” холода я не чувствовал, однако это не отменяло того факта, что моя конечность оказалась заморожена в центр ледяной глыбы. Причём надёжно так, в форме крючка. Несколько сильных рывков увенчались тем же результатом — ничем.

И что теперь? Ждать, пока лёд растает?

Уперевшись ногами в нижние жвала, я изо всех сил напряг спину и попытался освободиться.

— Су-у-ка, — прошипел сквозь стиснутые зубы. — Ну давай же.

От очередного толчка глаза зверя приоткрылись, и его взгляд уткнулся прямо в меня, будто пытаюсь укорить за издевательство над мёртвым.

— Ну прости уж, мне это нравится не больше, чем тебе, — поделился я, чувствуя себя на редкость неловко.

Вся ситуация в целом выглядела до идиотизма нелепо. Как же хорошо, что этого никто не видел. Великий Александр Искра застрял, как Винни Пух в доме Кролика. Мне бы этого долго не забыли.

В итоге, вооружившись ножом, я за пятнадцать минут (раз в десять дольше, чем длился сам бой) кое-как расковырял лёд и вытащил руку.

— Это должно остаться только между нами, — сообщил единственному свидетелю своего позора, сбивая с предплечья остатки ледяной корки.

Зверь не ответил. Хотя, молчание — это ведь признак согласия, так что я счёл договор заключённым и с интересом провел пальцами по его головной пластине. На ощупь она оказалась бугристой, шершавой, словно камень, и настолько холодной, что кожа начала прилипать.

— Тц!

Вряд ли это была нормальная температура зверя, но на всякий случай я проверил максимально далёкую от взрыва точку — хвост. И он тоже оказался холодным! Если и теплее, то буквально на один-два градуса. При этом толстая ороговевшая кожа в сочленениях оставалась относительно нормальной температуры.

Как так?

Руки зачесались провести парочку небольших экспериментов. Больше всего меня интересовал механизм защиты от стихийной энергии. Мейв описала его как “зону повышенного сопротивления”. Но на основе личных наблюдений мне в голову пришла другая идея — поглощение. Да не обычное, а цепное. Поглощённая энергия поровну распределялась между всеми пластинами, которые соприкасались друг с другом.

Конечно, это были только предварительная гипотеза, но потенциал

«*Моё. Наше. Забрать. Сохранить*», — раздался голос Удильщика, потревоженного приступом жадности.

Но я не обратил на него внимания, занятый собственными мыслями.

Кстати, а ведь заряды к револьверу — это тоже накопители, только гораздо более хрупкие. Даже жаль, что пластины такие крепкие, иначе, возможно, получилось бы решить проблему дефицита боеприпасов. Или всё-таки попробовать? Подпилить, например. А если рванет?..

Идеи одна за другой всплывали в голове. Всё моё естество дрожало от возбуждения: мне в руки впервые угодил зверь потока, а я уже обнаружил столько нового и интересного!

Это не новый мир — это стол, уставленный тортами. А я в нём главный сладкоежка.

Хотя, строго говоря, этот зверь всё-таки не первый — была ещё та рыба в озере. Но, во-первых, моё чутьё тогда ещё не успело перестроиться. А во-вторых, она сама по себе не могла похвастаться силой.

Да и этот Откровенно говоря, я ожидал от него большего. Мейв говорила о звере, как о чём-то реально опасном.

Или это я просто зажался со своими концептуальными способностями? Если смотреть непредвзято, то тварь действительно была опасная: быстрая, сильная, ядовитая, с почти непробиваемой шкурой. К ней даже непонятно было как подойти без какой-либо формы неуязвимости. Такая вполне могла и целый отряд покрошить

Мейв всё правильно сказала: у толстяка Вандэя не было против неё ни шанса. Кстати о женщине — нужно бы возвращаться.

Хотя моё чутьё и контролировало обстановку, оно не являлось стопроцентной гарантией: некоторые демоны умели отлично маскироваться. Не хотелось бы, чтобы благородная лэри, которая принесла немало ценной информации, пострадала. Ей бы чуть меньше любопытства, на капельку больше благодарности — и я бы влюбился. А так

Мой взгляд вернулся к зверю. В моих глазах уродливая тварь вполне могла посоперничать с прелестями лэри Харвуд. Сколько тайн скрывало мёртвое тело, сколько гипотез требовали проверки. Даже сейчас я чувствовал, что энергия Потока, пусть и ослабленная, всё ещё оставалась в его плоти. Каждый орган представлял собой объект для эксперимента, не говоря уже про пластины, которые даже Мейв оценила, как весьма ценные.

Меня начинало мучить несварение от одной мысли, что всё это придётся бросить. Я бы притащил это существо к костру даже ценой грыжи, но оно, увы, было совершенно неподъёмным. Одни только пластины весили как минимум полтонны.

Но и уходить с пустыми руками — это не про меня.

Вооружившись ножом, я принялся срезать наиболее тонкие сегменты брони. Они налегали один на другой на манер чешуи. Приходилось тянуть изо всех сил, чтобы подлезть ножом. Сухожилия и плоть с трудом поддавались острому лезвию. Из ран вытекала бледная желтовато-зелёная жижа. В воздухе почему-то повис запах йода.

Хотя я отделил всего четыре небольшие пластины у основания хвоста, пот по спине тёк градом. Времени убил — жуть. Наверняка Харвуд мысленно похоронила меня раза три. Впрочем, чутьё однозначно утверждало, что она до сих пор оставалась на лежанке. Пыталась поднаться, но не смогла. Даже интересно, куда она намылилась.

Вытерев пот тыльной стороной предплечья, я прижал нож к жёсткому мясу.

— Так, а теперь самое сложное.

И принялся пилить. Телесные жидкости зверя сочились на руки, покрывая кожу вязкой скользкой плёнкой. Плотные белесые волокна с трудом поддавались лезвию. Я даже проверил его пальцем: не затупился ли. Но нет — острый. Рукоять скользила, пыталась вывернуться из сосискообразных пальцев, превращая происходящее в настоящую пытку. Я матерился сквозь зубы, но упорно продолжал своё дело.

Раздался протяжный, противный скрип — лезвие наткнулось на кость. Естественно, с моим инструментом нечего было и мечтать, чтобы её перебить. Здесь требовалась пила по кости, в идеале — титановая.

Прекрасно осознавая свои возможности, я двинулся вдоль желтоватой преграды. Когда мои руки исчезли в мясе по запястье, наконец удалось нащупать крупный, размером с два мужских кулака, сустав. Почти двадцать минут я проковырялся, пытаюсь его разъединить. Изгваздался по самые плечи.

И наконец — долгожданный хруст.

Даже отрезанный кусок хвоста мне пришлось волочить по земле. Если бы не бесконечная выносливость, нихрена бы у меня не получилось. А так — ничего, маленькими шажочками, с болью в спине после каждого рывка, я дотащил добычу до самого лагеря.

— Ты там ещё живая? Я вернулся, как и обещал, — предупредил о себе, чтобы Харвуд не приняла шорохи и пыхтение за приближение монстра.

Шаг. Ещё шаг.

— Как и ты, — наконец откликнулась женщина. — Даже не знаю, что меня удивляет сильнее: твоя живучесть, победа над Зверем Костей Земли или этот хвост. Зачем он тебе?

— Разве это не очевидно? Поджарю и съем.

— Это мясо высокорангового монстра. У тебя не хватит сил, чтобы его прожевать. А если решишь просто проглотить, то отравишься, — заявила она тоном школьной учительницы, уставшей объяснять детям, почему вода мокрая.

Я пожал плечами.

— Ну, всё равно стоит попробовать. Железное брюхо, помнишь? К тому же, тебе оно точно пойдёт на пользу.

Меня наградили внимательным взглядом.

— Ты прав. Концентрированная энергия ускорит восстановление.

— Отлично. — Хвост со звонким стуком упал рядом с костром. — Жди здесь, никуда не уходи, — произнёс я таким тоном, будто женщина стояла одной ногой за пределами пещеры.

Под красноречивое молчание сбегал до монстра, собрал оставшиеся четыре револьверные пули, не забыл срезанные пластины и вернулся обратно. Кристаллы сразу сложил в выемку на камне, где они хранились до этого.

— Слушай, а если мясо такое жёсткое, ты сама-то его сможешь прожевать? — пришла в голову внезапная мысль.

Костёр затрещал, выбрасывая искры.

— Ты прав, его нужно будет нарезать. Возьми мой нож. Он закалён стихией Земли, для зверя ранга Вожака — в самый раз.

Моя голова медленно, словно на заржавевшем шарнире, повернулась к ней.

— Хочешь сказать, что всё это время, пока я там корячился, у тебя был нормальный нож?

— Да. А что тебя удивляет? — не испытывая ни капли вины, ответила она ровным голосом.

— С нормальным инструментом я мог бы вырезать действительно ценные куски, а не этот огрызок, — высказал возмущение её наплевательским отношением. Как можно не понимать настолько базовые вещи?

— Ты сам отказался от шпаги, вот я и не стала предлагать артефакт классом ниже, — до отвращения логично пояснила она. Не подкопаться. — "Любой железяке я предпочту револьвер" — это твои слова.

— Я передумал. Давай её сюда, — потребовал я, сделав шаг вперёд и протянув руку.

Мейв тут же прижала шпагу к груди. Эфес, словно голова любовника, угодил точно между округлых холмиков.

— Это оружие, а не топор мясника. Она для боя, а не для разделки.

— Послушай, я воспользуюсь им для твоей же пользы. Наверняка в сердце зверя гораздо больше энергии, чем в заднице. Его просто нужно достать. Прекрати упрямиться, — постарался её убедить я.

— Исключено. Воспользуйся ножом, — отрезала эта женщина.

— И где он? — раздражённо поинтересовался я и демонстративно провёл взглядом от ступней до макушки.

Как только Харвуд осознала, в каком положении мы находимся, её глаза вспыхнули багровой силой Бога Войны.

— Извращенец, — прошипела она.

— Ну не знаю. Это ты творишь что-то странное со своей шпагой, — не остался я в долгу. Её глаза расширились от понимания, превратившись в адские провалы.

— Ты у тебя нет чести, — едва слышно произнесла она.

Внутри вскипело раздражение.

Это у меня нет чести? Я её вытащил из лап жабохрени, пронёс на своём горбу демон знает сколько километров, вылечил, вытащил практически с того света, обогрел, пытаюсь накормить. А она ещё чем-то недовольна? Сиськи я её увидел? Ну охренеть, не встать.

Я никогда не отличался терпением, и новое тело никак не изменило эту мою черту. Язык так и чесался выдать очередную колкость. Сдерживал только опыт: ничего хорошего из этого конфликта не выйдет. В первую очередь он обесценит мой собственный труд.

Закрыв глаза, я сделал глубокий вдох и шагнул назад, за иллюзорную преграду костра. Не обращая внимания на женщину, подкинул несколько веток в очаг и принялся за разделку мяса.

И да, я вспомнил нож, о котором она говорила. Он остался у реки вместе с её поясом. Я тогда торопился и решил, что второй ковыряльник мне ни к чему, и сунул его под камень. Кто же знал, что он какой-то особенный? Энергией от него тянуло, но едва-едва — буквально тенью металла. Получается, так ощущается закалка стихией Земли? Запомню на будущее.

В любом случае, я не собирался идти за ним сквозь ливень и темноту. Чутьё-чутьём, а сражаться с демонами в таких условиях — то ещё испытание. Никто не застрахован от случайностей. Малейшая задержка в реакции или неверная оценка ситуации могла привести к серьёзным последствиям. В общем, оно банально того не стоило.

Я продолжил возиться с мясом, используя обычный нож. Хвост сопротивлялся, будто израненный, но не сдавшийся воин. Вместо запланированных стейков у меня получались рваные и совершенно не аппетитные шматки мяса. Я не слишком расстраивался по этому поводу: значит, сделаю пашлык. Так даже проще.

— Как ты одолел зверя? — вдруг спросила Мейв.

Я даже головы в её сторону не повернул.

— Ты задаешь слишком много вопросов, — бросив очередной кусок мяса на плоский камень, назначенный кухонным столом, предупредил я.

— Обычному человеку никогда в жизни не одолеть полноценного Вожака, — продолжила она как ни в чём не бывало, делая вид, что разговаривает сама с собой. — Ты не идёшь дорогой Возвышения. Могущественных артефактов у тебя тоже нет. Значит, остаются только запретные знания.

— Уже жалею, что не бросил тебя в лесу, — буркнул я, не собираясь оправдываться.

На камне скопилось горка мяса — килограмма два на вид. Мне показалось, что этого вполне достаточно. Хвост отправился в сторону. Встав на ноги, я с наслаждением потянулся и заглянул в очаг, оценивая состояние углей. Недавно подброшенные ветки ещё не прогорели до конца, но камни уже дышали устойчивым сухим жаром.

Раз выдалась свободная минутка, я решил смыть крови и прочие жидкости зверя.

За пределами пещеры продолжал хлестать ливень. Угрожающе выл ветер, подхватывая облака капель и заставляя их причудливо танцевать в воздухе. Сверкнула молния, осветив каменистый склон. Следом докатился гром — ревуший, грохочущий, набирающий силу.

Интереса ради я снял «Сохранение температуры» и подставил руку под струи ливня. Несмотря на апокалиптическую картинку, тот оказался тёплым, словно в тропическом лесу. Это было бы даже приятно, если бы не шквальный ветер, заставивший кожу покрыться мурашками.

Интересно, как там братец-мудак? Надеюсь, наслаждается природой по полной.

Ухмыльнувшись, я вернул «Сохранение» на место и вышел из пещеры. Ливень мало чем отличался от душа: тугие струи отлично смывали кровь зверя. Довольно отфыркиваясь, я повернулся лицом к разбушевавшейся стихии и принялся водить руками по пухлому телу, сгоняя потоки грязи на землю. В происходящем было что-то дикое, первобытное, заставляющее наслаждаться каждой секундой.

Между делом обратил внимание, что зверь подрал моих кальсоны в лапшу. К счастью, гульфик всё-таки уцелел. Если бы я принялся светить хозяйством, Харвуд точно попыталась бы меня прирезать. Правда, мокрая ткань так всё облепила, что скорее подчеркивала, чем скрывала. Проблема

Когда я вернулся в лагерь, ветки уже полностью прогорели. Над очагом поднимался ровный жар. Харвуд посмотрела на меня, как на сумасшедшего ну, мне так показалось.

Выбрав ровную ветку, я попытался насадить на неё первый кусок мяса.

Хруст — импровизированный шампур сломался, даже не надорвав упругую плоть.

— Прости, — внезапно раздавшийся голос застал меня врасплох.

Подняв голову, я столкнулся взглядом с Мейв.

— Я была не права. Эта шпага мне очень дорога. Она не просто артефакт — это память о брате. Он болеет, — она говорила тихо, буквально выдавливая слова по каплям. — Поэтому я слишком резко реагирую, когда дело касается её.

И что на такое признание отвечать?

Чисто по-человечески я мог её понять. Вот только не испытывал ни малейшего желания это делать. У меня и самого было слишком много печальных воспоминаний, чтобы вникать ещё и в чужие. А вот её взбрыки, которые откровенно мешали и раздражали, я терпеть не собирался.

Естественно, вываливать все претензии в открытую я не стал.

— Принято, — сказал вслух, прорезая в очередном куске мяса отверстие под шампур.

Она два раза моргнула, на красивом лице появилось выражение недоумения.

— И это всё?

— А чего ещё ты ждала? — ответил я, не отвлекаясь от дела.

— Извинений! — не выдержала она и повысила голос. — Ты воспользовался моей помощью и разглядывал моё тело! Это совершенно недопустимое для джентльмена поведение.

— Значит, из меня хреновый джентльмен, — хмыкнул я и аккуратно положил первый шампур с мясом на очаг. У меня не было ни соли, ни приправ, так что вряд ли получится вкусно. Но брюхо набить хватит.

Мейв, казалось, онемела после моего ответа, уморительно хлопая ресницами.

— Ты совершенно невыносим.

— Ты уже говорила.

Мясо шипело и шкворчало, аппетитно подрумяниваясь с нижней стороны. Воздух наполнил густой мясной аромат. Оставалось только надеяться, что на его запах из глубины пещеры не заявится ещё какая-нибудь хтонь.

Всего получилось четыре шашлычка. Поделить их я собирался честно: два на два. Хотя, откровенно говоря, женщина и одного не заслужила. Это была работа исключительно на увеличение долга.

Я не боялся, что Харвуд, восстановив силы, забудет всё добро и попытается прикопать меня под ближайшим деревом. Для этого она была слишком помешана на чести. Впрочем, многое зависело от настоящего статуса «запретных знаний». Абстрактная страшилка — это одно; бедствие, уносящее множество жизней, — совсем другое.

— Расскажи, как ты победил Зверя Костей Земли.

Я усмехнулся, поворачивая шашлычки.

— А ты упрямая, не так ли? Мне нечего добавить к уже сказанному.

— Это не шутки, Вандэй. Я должна знать. Мой брат впал в кому, пытаюсь практиковать запретные знания.

Глава 15

— Ладно. Раз ты так настаиваешь, давай проясним этот момент раз и навсегда. Я понятия не имею, что такое запретные знания. Да, у меня есть кое-какие необычные практики, но тебя они не касаются, — произнёс я жёстким тоном, намеренно демонстрируя степень своего раздражения. — Со зверем всё просто: сделал бомбу из зарядов для стихийника, бросил, а тупая тварь схватила её пастью. Как видишь, мне невероятно повезло и только.

Судя по выражению лица, женщину такое объяснение не устроило. Не из-за недоверия или злого умысла — так сестра смертельно больного отказывается верить врачу, который объявил её брата неизлечимым. Такое поведение можно было понять, но от этого менее раздражающим оно не становилось.

Я уже прикидывал, что могло произойти с её братом. Кома — не самое распространённое явление в среде демонологов, но и не великая редкость. Обычно этим злоупотребляют грехи Пути Уныния. К примеру, Лень просто обожает погружать своих носителей в глубочайший сон, практически неотличимый от смерти.

Говорить об этом женщине я не стал по нескольким причинам.

Во-первых, не хотел давать пустых надежд: далеко не все причины комы поддаются устранению. Её брат мог потерять контроль и сжечь свой разум, сопротивляясь одержимости. В таком случае мои полномочия — всё.

Во-вторых, без предмета анализа все мои мысли оставались гаданием на кофейной гуще.

Ну и в-третьих, никуда не делся вопрос доверия. Я слишком мало знал об этом мире, чтобы спрогнозировать её реакцию на мою истинную природу. В таких условиях лучшая стратегия — это не отсвечивать. По крайней мере, не слишком явно.

Заметив упрямо поджатые губы, я решил добавить пару камней в свою легенду.

— Если не веришь, можешь сходить и проверить. Я эту хреновину даже сдвинуть с места не смог, — сказал я с лёгкой насмешкой и вернулся к шашлычкам.

Жир капал на угли, из-за чего вспыхнуло пламя. Пришлось идти за ножнами и брызгами прибивать огонь: хуже горелого мяса может быть только сырое.

— У тебя есть вода? — мигом оживилась Мейв, облизывая сухие губы.

— Ну да, — рассеянно протянул я, устраняя последние язычки пламени. — А я не говорил?

— Нет. Не мог ты дать мне попить? — попросила она, стараясь сохранять достоинство.

Я задумчиво покачал ножны, вызвав плеск воды, и усмехнулся.

— А стоит ли? Наш организм — это сложная система, работающая по определённым правилам. После питья, например, обязательно последует естественная реакция. Сама ты подныться не можешь, я вслепую помогать тоже не собираюсь. И что тогда?

Харвуд ответила гордым молчанием; её щёки сильно побледнели, выдавая вспышку злости. Ничего, пусть побесится: ей полезно будет. Если не научится включать мозги, то нам с ней не по пути.

Выдержав небольшую паузу, чтобы гордичка немного промариновалась, я всё-таки протянул ей ножны с водой. В конце концов, она изначально предназначалась для Харвуд — пусть пьёт, перспективы я ей обрисовал. Как она собирается решать естественные проблемы, меня волновало мало.

— Не кипячёная, — предупредил женщину, когда она коснулась ножен. — Если хочешь, могу поставить на угли, правда, оплётка испортится.

— Всё нормально. Вряд ли здесь водятся магические паразиты, а обычная зараза возвышенному моему уровню не страшна.

— Тебе лучше знать, — я не стал спорить и разжал пальцы, выпустив импровизированный сосуд.

А про себя отметил, что воду всё-таки стоит кипятить.

Я по привычке пил, не задумываясь о яйцах глистов и другой подобной пакости. Демонологи не болеют — это аксиома. Инфернальная энергия — сама по себе тот ещё яд — не терпела конкурентов на тело владельца. Но в этом мире вполне могли встретиться болезни, способные пронять даже демонолога.

Харвуд подобными проблемами не страдала и, приподнявшись на локте, с жадностью приникла к ножнам.

— Если хочешь, у меня есть ещё два ботфорта воды, — щедро предложил я.

— Ботфорта? — удивлённо переспросила она.

— Да. Я их очень хорошо прополоскал, — пояснил с невозмутимой рожей.

Меня наградили долгим взглядом. Впрочем, толстокожего тролля такой ерундой не взять.

— Хорошо, давай, — сдалась лэри.

Язык так и чесался отвесить очередную колкость, но я не стал пользоваться её слабостью, молча встал и сходил за парой обуви. Когда вернулся, Харвуд неожиданно попросила:

— Помоги сесть, пожалуйста.

— Уверена? — скептически поинтересовался я. — А как же джентльменский кодекс?

— Уверена, — твёрдо прозвучало в ответ.

Я не стал ломаться, как старшеклассница на выпускном, поставил ботфорты рядом с очагом и подошёл к ней. В глаза сразу бросилась причина внезапной храбрости: эта гениальная женщина прикрыла интимные места мхом, превратившись в помесь амазонки и дриады. Ей даже шло! Вот уж точно: красавице любой наряд к лицу.

— Шикарно выглядишь, — не удержался я, расплывшись в широкой улыбке.

— Сама знаю, — огрызнулась она, но как-то без огонька.

Подхватив женщину под мышки, я помог ей принять сидячее положение, опершись спиной на каменную стену. Затем вручил ботфорт. Харвуд брезгливо понюхала обувь и сморщилась.

— Спасибо.

— Сочтёмся, — ухмыльнулся я и вернулся к шашлыку.

Мясо выглядело готовым: тёмное, с красивым коричневым колером, источающее обалденный запах. У меня даже слюнки потекли. Сняв один шампур, я сначала проверил мясо пальцем. Когда оно упруго спружинило, пустил в ход нож. Готовый шашлык резался легче, чем сырой, но всё ещё требовал солидного усилия: не резина, но и далеко не свинина. По лезвию и пальцам потёк душистый прозрачный сок. Внутри мясо оказалось тёмным, с крупными волокнами, и чем-то напоминало говядину. Желудок сжался от предвкушения.

Харвуд следила за моими действиями с неослабевающим вниманием. Она вообще мало напоминала человека, который недавно пережил остановку сердца и дыхания. Слабость — да, оставалась. Однако воду из сапога в ножны она перелила ловко, не пролив ни капли. Не уверен, что сам бы так смог.

— Готово, — объявил я и принялся снимать шашлычки с огня.

Получив свою порцию мяса, Харвуд тут же вонзила в него зубы, разве что не похрюкивая от удовольствия. Она с пугающей безжалостностью отрывала целые куски и глотала, практически не жуя. Её организм с не меньшей жадностью поглощал каждую каплю энергии. И всё это женщина проделывала в наряде амазонки, сидя в тёмной пещере, в багровых отблесках углей. Картина в чём-то даже завораживала.

Но меня больше интересовала подоплёка происходящего. Такой аппетит означал, что за аномальную скорость восстановления инвокаторы расплачивались не только энергией, но и

ресурсами организма. Это был важный момент: несмотря на все силы, возвышенные не выходили за человеческие рамки. По крайней мере, на уровне Харвуд.

По примеру женщины я снял с ветки кусок мяса и попытался откусить. Хрен там плавал! Челюсти сжались, но мясо упруго спружинило, будто кусок резины! Словно у меня были не зубы, а голые дёсны, как у древнего старика!

Первым желанием было вцепиться покрепче и рвануть из всех сил. К счастью, вовремя одумался: ещё не хватало зуб сломать. Вспомнил, что происхожу из просвещённого двадцать первого века, и воспользовался связкой из ножа и плоского камня.

Шашлык оказался удивительно сочным и стоил каждой потраченной минуты. Немного не хватало соли, но насыщенный вкус всё компенсировал. В мясо зверя словно заранее добавили целый букет специй: от острого перца до чего-то сладковатого. По языку разлился обжигающий сок; горячая волна заполнила весь рот и опустилась до самой груди. Зубы пружинили, но я продолжал жевать, с наслаждением выдавливая капли вкуса.

Наконец, мясо упало в желудок. В нём тут же образовался шар тепла. Жар пульсировал, разливаясь по сосудам и достигая кончиков пальцев.

Это было ни с чем не сравнимое ощущение!

— Охренеть! — не удержавшись, воскликнул я.

— Ты никогда не пробовал мясо высокорангового зверя? — удивилась Мейв.

— Да как-то не приходилось, — ответил я, сосредоточенно нарезая шашлык на куски поменьше.

Если Вандэй каждый день начинал с высококачественной зверятины, то этими словами я выдал себя с головой. Впрочем, в моём поведении и без того хватало странностей, чтобы переживать из-за таких мелочей.

— В нём содержится концентрированная энергия Потока. Мясо кажется таким вкусным, потому что тело воспринимает её как самую совершенную приправу, — пояснила женщина.

Кажется, я не прокололся. Ну и славно.

— А ещё, — внезапно добавила она, — большое количество чужой энергии ведёт к мучительной гибели. Для обычного человека вроде тебя даже маленький кусочек мяса Вожака смертелен.

Приближения «мучительной гибели» я пока не чувствовал, однако на всякий случай прислушался к организму. Тот ощущал себя вполне довольным жизнью. Энергия зверя циркулировала по сосудам и накапливалась в тканях, откладываясь про запас, будто банальный жир.

Заинтересовавшись, я попытался разобраться в механизме этого процесса.

У демонологов нет собственной силы: есть только Воля, подчиняющая Инферно. Демон — это своего рода бесконечный ядерный реактор; его энергия ограничена только пропускной способностью. И лишь поглощение греха могло раздвинуть эти границы. Проще говоря, энергия Потока была демону совершенно ни к чему.

В таком случае, что же с ней происходило?

Закинув в рот ещё один кусочек мяса, я принялся наблюдать. Обычное чутьё демонолога не слишком подходило для анализа настолько мелких изменений, но недаром именно мне удалось занять должность декана. Моё восприятие на порядок превосходило норму. Правда, для глубокого анализа всё равно нужно было сосредоточиться.

Это я и сделал.

Энергия Потока выделялась при разрушении структуры мяса. Она попадала в организм через капли сока, всасывалась через стенки желудка во время переваривания. Оказавшись в кровотоке, крохотные искры тут же атаковали живые клетки — все, без разбора. Чем-то это напоминало аутоиммунное заболевание, но в разы более смертоносное. Даже фульминантному (молниеносному) аутоиммунному гепатиту требовалось одна-две недели, чтобы разрушить печень. В моём случае счёт шёл на минуты

Вернее, шёл бы, если бы в процесс не вмешалась концептуальность.

Благодаря ей мои клетки восстанавливались, и система зависала в некоем подобии равновесия. «Некоем» в том смысле, что периодически связь распадалась, и искорки ненадолго отправлялись в свободное плавание: они словно пытались найти для себя более подходящий носитель. Мне даже показалось, что энергия Потока изначально не атаковала клетки, а пыталась проделать с ними что-то другое, но моя физиология оказалась не готова к такому знакомству.

Я отметил ещё один любопытный момент: искорки стремились к наиболее плотным тканям. Больше всего их скопилось в костях, хрящах, сухожилиях, связках, а также в соединительных тканях вокруг мышц и органов. Лишь небольшая часть циркулировала в крови, но и она постепенно уменьшалась.

Внезапно в руку прилетел маленький камешек.

— Ай, — возмутился я для проформы и посмотрел на Мейв. — Ты чего творишь?

— До тебя было не докричаться, — без тени вины пожала плечами женщина.

— Так помолчала бы, — не слишком любезно пробурчал я в ответ. Ну а кому понравится, когда отвлекают от интересного наблюдения.

— Рада, что с тобой всё в порядке, — сказала она тоном, в котором «радость» и с лупой не сыскать. — Мне нужно в туалет.

Я как раз жевал кусок мяса, и внезапное признание заставило меня подавиться.

— Плохо быть тобой, — кое-как откашлявшись, просипел в ответ.

Лицо Мейв закаменело. Наверное, мне не стоило шутить над этой темой.

— Помоги встать, пожалуйста, — тихо попросила она.

— Да, конечно, без проблем.

Чувствуя себя на редкость неловко, я вскочил на ноги, взял её под мышки и неожиданно легко поднял. В теле чувствовалась неожиданная сила, мышцы гудели от напряжения. Хотелось бежать и что-то делать. Это было восхитительное чувство, причиной которого, наиболее вероятно, являлась поглощённая энергия.

Харвуд тоже демонстрировала поразительные сдвиги — она стояла. Неуверенно, пошатываясь, но совсем недавно ей даже приподняться на лежанке было сложно. Невероятный прогресс!

Я молча подставил женщине плечо, и она вцепилась в него мёртвой хваткой, после чего попыталась сделать шаг и едва не упала. К счастью, мне хватило реакции, чтобы схватить её за пояс и удержать.

— Не торопись. Я помогу.

— Спасибо.

Место для туалета по молчаливому согласию определили в глубине пещеры, за очередным камнем. Там как раз имелся выступ, за который было удобно держаться. Мимо весело журчал, утекая куда-то во тьму, ручей дождевой воды.

— Зови, как закончишь.

— Хорошо.

Заняв стратегически выгодную позицию у стены неподалёку, я вновь погрузился в изучение взаимодействия живых тканей и энергии Потока на примере собственного тела. Уходить глубоко в себя в тёмной пещере, окружённой демонами и разными тварями, было не слишком разумно, но такова уж моя суть. Я просто не мог устоять перед интересной загадкой и в итоге увлекался ею настолько, что всё остальное уходило далеко на второй план.

А сегодня мне попался действительно любопытный случай.

Хотя я мог ориентироваться только на ощущения, на первый взгляд энергии Потока меньше не стало. Усиление шло не по принципу подпитки, а за счёт повышенной эффективности изменённых тканей. Их количество пока ограничивалось лишь локальными участками,

однако и этого хватало, чтобы сделать меня сильнее. Скорее всего, такой контраст объяснялся изначально печальным физическим состоянием Вандэя. Тем не менее, перспективы открывались прелюбопытные.

Сжимая и разжимая кисть, я подтвердил ещё одну догадку: работа мышц вызывала прилив крови, а вместе с ней — повышенную концентрацию энергии Потока, перестройка отдельного участка многократно ускорялась.

Здравствуйте, усиленные тренировки?!

Каким-то чудом в мои размышления вклинился голос Мейв.

— Я закончила.

— Иду.

Центр круглого помещения занимал постамент в виде ладони кроакса, вырезанной из цельного куска малахита. На ней стояла древняя бронзовая чаша, заполненная водой и кувшинками. Цветы растения мягко мерцали зеленоватым светом, выхватывая из темноты стены и многочисленные предметы, развешанные на ней в хаотичном порядке. Рядом с богато украшенным ружьём мог соседствовать костяной щит, с золотым браслетом — ветка дерева с фиолетовыми прожилками, с головой неизвестного зверя — человеческая кожа, растянутая на раме.

Мебель больше всего напоминала древесные грибы, выросшие прямо на стенах дома. Кровать — мягкая, ноздреватая оранжевая шляпка с небрежно брошенным одеялом из зелёных водорослей и моховой подушкой. Стол — серый, плоский, будто засохший, со свитками желтоватой бумаги, массивной золотой чернильницей и костяной палочкой. На нём стояла квадратная лампа, внутри которой роились светлячки.

Воздух пропитал запах застоявшейся воды, тины и йода.

Хозяин помещения — кроакс массивного телосложения с голубой кожей — сидел на подобии трона из дерева и костей. На его голове красовалась золотая корона, украшенная чеканкой и длинными изумрудными перьями. На шее висело ожерелье из самых разных зубов: от человеческих и звериных клыков до огромных, размером с кулак, коренных, принадлежавших настоящим великанам. Кисти рук украшали золотые браслеты и верёвочки с перламутровыми ракушками. Рядом, в специальной подставке, стоял трезубец с зубчатыми остриями из таинственного тёмно-зелёного металла.

— Где твой отряд, Ррха-Гатра? — проскрипел он, наблюдая за подчиненным из-под полу-прикрытых век.

— Погибли, величайший, — прогудел кроакс с ярко-синей кожей.

— Ты выполнил порученное задание?

— Нет, величайший. Мне помешали.

— О-о-о, — удивлённо протянул старший кроакс. — И кто же заставил отступить Ррха-Гатра, самого молодого костяного гребня в племени?

Названный пристыженно отвёл взгляд. Он прекрасно понимал, к чему подводит военный вождь и чем закончится их разговор. Его разрывало от желания возразить, бросить гордый вызов, но проигравший не имеет права голоса перед Богами. Слабым — унижение, как и завещали предки.

— Обезьянья самка и ещё один толстяк, — неохотно признался Ррха-Гатра.

— Надеюсь, ты смыл позор? Добыл их головы?

«Проклятый Гракт! Надеюсь, ему даже старуха не позволит покрыть икру», — соизнав, что его предали, вспыхнул костяной гребень.

— Они заманили меня в ловушку проклятого зверя. Я его прикончил, — заявил Ррха-Гатра и поднял голову твари, схватив за клык.

— То есть — нет, — проскрипел вождь.

Такого издевательства воин уже не выдержал. В его глазах вспыхнула злость, а по телу потекла сила.

— Они всё равно сдохли! От моего яда никому не сбежать, кро-о-а!

Лапа старшего кроакса сомкнулась на трезубце, и оружие гневно загудело, будто рой рассерженных металлических пчёл.

— Оправдание — удел слабых. Ты слаб, Ррха-Гатра?

— Нет, величайший, — выдавил костяной гребень.

— Я сомневаюсь в этом. Во время боя ты не удержал Абордажный Крюк, и нам пришлось гнаться за обезьянами до наступления Проклятья. Я позволил тебе смыть позор кровью, но и здесь ты утопил всю икру. На твоём поясе пусто. Тебя обдурила самка обезьяны. Кваг давно не видел такого позора.

— Но величайший

— Тихо! — рявкнул старший кроакс, и волна тяжёлого тёмно-золотого света ударила костяного гребня, заставив отступить на шаг. — Старейшины поспешили дать тебе второе имя. По возвращении они решат твою судьбу. А теперь пошёл прочь. Готовься к бою, на рассвете кваг смоем твой позор. Не упusti последний шанс.

Ррха-Гатра молча развернулся и покинул дом. В его груди кипел гнев. Если бы не бесчестный артефакт, у старика не было против него ни шанса.

«Проклятый головастик! Да как он смеет!» — мысли костяного гребня окутал кровавый туман.

Снаружи его накрыл ливень, подсыхая кожа встретила воду приятным покалыванием. Мимо Ррха-Гатра сновали его сородичи, вооружённые копьями, луками, тесаками, крюками — оружием жалких обезьян. Молодой костяной гребень смотрел на них и не мог понять, когда его гордое племя успело так низко пасть. Тело — вот оружие истинного кроакса.

«Они думают, что железные палки делают их сильнее, и сами не замечают, как становятся слабее. Я должен вернуть свой народ на путь предков», — осознал Ррха-Гатра.

Внезапно рракт издал протяжный зов и пошевелил плавниковой оторочкой — священный зверь будто благословил кроакса на подвиг Или воину просто хотелось так думать.

Гордо задрав голову, он направился прочь от хатты вождя. Ему было нужно кое с кем встретиться.

Глава 16

Вернув Харвуд обратно на лежанку, я принялся уничтожать остатки шашлыка. Энергия Потока исправно всасывалась в кровь и растекалась по всему организму, образуя новые очаги изменения.

Парадокс заключался в том, что их польза в плане физического усиления, несмотря на количественный рост, оставалась примерно на одном уровне: чем дальше, тем больше энергии концентрировалось в костях. Что же касается мышц, то свежий приток в лучшем случае поддерживал изменения на прежнем уровне.

Из этого проистекал очевидный вывод: как только прекратится приток свежей энергии, мои физические способности вернутся на обычный для толстяка Вандэя уровень. Постоянное усиление начнётся только после перестройки всех плотных тканей.

Любопытно

Получается, мясо для меня пока что-то вроде временного бафа? Если смотреть с такой стороны, то больше всего энергии выделяется во время жевания и в первые минуты после попадания в желудок. Уже представляю, как охренеет Харвуд, когда я начну жрать посреди боя. Учитывая, что затолкнуть в себя много мяса всухомятку довольно проблематично, было бы неплохо его чем-нибудь смочить. Вот так фраза «Пивка для рывка» внезапно обрела новый смысл.

Если же оставить шутки в сторону, то ситуация складывалась неоднозначная.

Главный вопрос — а что произойдёт, когда разрушительный потенциал энергии Потока достигнет предела восстановительной способности концептуальности?

Вероятнее всего, моё тело тут же начнёт разрушаться — медленно, но неотвратимо. Полагая, в таком случае я либо выведу излишки энергии, либо прокачать Удильщика. Так или иначе, проблема будет решена.

Однако существовала и другая вероятность — смещение баланса могло спровоцировать начало взрывной цепной реакции. А это, в свою очередь, означало молниеносный распад костей и гниение заживо. Такой себе исход Маловероятный, конечно, но я обязан был его учитывать.

В этом свете особенно актуальным становился вопрос ранений: они ведь тоже нагружали концептуальность. Как повлияет на баланс сквозная дырка в пузе? По идее, никак: у концептуальности нет какого-то общего резерва, вроде «два ранения восстановятся, а три — уже нет». Её можно лишь точно перегрузить, например, кислотой, огнём или аннигиляцией.

Но всё это оставалось чисто умозрительными — то есть сделанными на основе размышлений в вакууме — заключениями. Для эмпирических выводов не хватало нормальной лаборатории да хотя бы сканирующего электронного микроскопа с масс-спектрометром.

Сейчас бы вернуться в свою лабораторию, уж я бы развернулся

Увы, она осталась далеко, и вряд ли мне ещё когда-нибудь выпадет шанс её увидеть. Из наличных ресурсов: револьвер, нож и грязная рванина вместо кальсонов. На роли ассистента — разве что подозревака Харвуд в нижнем белье из мха.

Не густо.

Кстати о Харвуд — пора бы ей начинать отрабатывать своё спасение. У меня здесь не благотворительный фонд.

Вынырнув в реальный мир, я посмотрел на подо на спутницу и чуть не вздрогнул. Мейв сидела на лежанке, привалившись к стене, ровно в той же позе, в которой я её оставил. У неё даже глаза не двигались.

Жуть.

В смысле, я совсем не против, если женщина знает своё место — аж не пошевелилась, ага — скорее даже одобряю. Но не в том случае, когда она сверлит меня взглядом, похожим на раскалённые угли, и поглаживает шпагу, которая лежит на её голых бёдрах! В каждом отдельном элементе не было ничего страшного, но все вместе перебор!

Если она таким образом хотела от меня отделаться, то совершенно напрасно. Пришло моё время спрашивать.

— Что такое запретные знания? — задал я первый вопрос.

— А то ты не знаешь? — усмехнулась женщина. Её длинные пальцы с пугающей нежностью скользнули по лезвию клинка.

— Нет, представь себе. Это ты вместо благодарности за спасение набросилась на меня с какими-то обвинениями, — зеркально оскалился я.

Раздался хмык.

— Ладно. — Женщина положила руки на меч словно какой-то самурай. — Слушай

Как я думал, «запретные знания» оказались местным аналогом демонологии. Ничего удивительного, в принципе: когда весь мир стремится к силе, всегда найдутся желающие срывать углы, раздобыв дармового могущества. Естественно, такие индивидуумы не могли похвастаться железной волей. Как правило, ими двигали самые банальные желания, вроде похоти, гордыни, жадности. В общем, отборный материал.

И вот такие гении полезли к демонам. Естественно, они не придумали ничего умнее, чем добровольно пустить inferнальную тварь в своё тело, вооружившись каким-то «контрактом». Ну и получили закономерный результат. Сначала — набирающее силу раздвоение личности, провалы в памяти и прочие радости первой стадии одержимости. Затем — мучительная смерть.

Впрочем, местным стоило отдать должное: от окончательного падения они защитились радикально. Стоило «демологу» пересечь установленную границу, и контракт немедленно убивал носителя. Собственно, способ создания этой страховки (большого звания она не заслуживала) и назывался запретным знанием.

— А тебе известно, как заключать контракт? — заинтересовался я.

На меня посмотрели, как на сапожника, посмеявшегося сморкнуться в рукав на виду у благородной лэри.

— Нет, — отрезала она.

— Жаль, — вздохнул в ответ. — Я бы не отказался разобраться, как это работает.

Меня действительно больше интересовал метод, чем результат. Существовала вероятность, что со своими знаниями и опытом я смог бы его доработать, превратив во что-то реально полезное.

— Так ты действительно не из этих? — с глубоким сомнением спросила Мейв.

— А-а-а, — протянул я, закатив глаза так, что увидел собственный затылок. — Женщина, ты решила меня с ума свести? Нет у меня никаких запретных знаний. Да я бы в жизни не стал такой хреню страдать. Зачем, если есть нормальный способ стать сильнее?

Ирония заключалась в том, что я не соврал ни единым словом. Будь у меня изначально выбор между Возвышением и демонологией — не сомневался бы ни секунды. Даже сейчас, с опытом и знаниями за спиной, я ловил себя на мысли: а не свернуть ли на дорожку Света. Забыть Инферно, как страшный сон, и попробовать начать заново.

— Ты не идешь дорогой Возвышения, — возразила Мейв с упрямством осла.

Она меня вообще не слушала. В её чёрно-белом мире существовало лишь два полюса силы, и раз я не шёл к одному, то точно двигался к другому. Точка. Мои аргументы не имели значения: она не верила словам и стойко придерживалась своих убеждений.

— Как ты вообще до сих пор живая? — вздохнул я, вороша палкой угли в костре. — Ты хоть понимаешь, что настоящий практик запретных знаний тут бы тебя и прикопал? Ну хоть притворилась бы, что веришь.

Женщина ничего не сказала, но упрямо сжатые губы и рука на рукояти шпаги ответили лучше любых слов.

Жаль.

Впрочем, этого стоило ожидать: слишком личная тема, чтобы Харвуд так легко сдалась. Если она не получит убедительного объяснения, то продолжит докапываться до правды. Не для того, чтобы сдать (по крайней мере, мне так кажется), а ради спасения брата.

Устраивает ли это меня? Нет. В данный момент я не хочу иметь ничего общего с местными «демонологами». Значит, придётся снова лепить из правды и выдумки лапшу, чтобы развесить на любопытные уши. Что ж, мне не привыкать: столько проверок пережил.

— Ладно. Признаюсь. Я использую энергию Потока.

Харвуд застыла.

— Это невозможно, — резко возразила она через секунду.

— Почему это? — деланно удивился я. — Мы же используем Поток в повседневной жизни.

— Нет. Мы её только преобразуем с помощью божественного начала. Даже механизмы и артефакты работают на этом принципе.

— А как же звери Потока?

— Они рождаются с этой силой.

— Ну вот и я такой особенный.

— Это невозможно, — отрезала она.

— Да мне, в общем-то плевать, веришь ты или нет, — демонстративно пожал плечами я. — Ты просила правду — вот она. Сама решай, что с ней делать. Если ты надеешься, что я начну выдавать секреты, лишь бы что-то доказать, то напрасно.

Мейв замолчала.

Пока она решала, что делать с новой информацией, я подкинул в очаг новую порцию топлива и принялся за разделку остатков хвоста. Прямо сейчас потреблять мясо зверя я не планировал: это было бессмысленно и даже опасно. А вот запас на случай неприятностей сделать стоило. Окончательное решение насчёт энергии Потока я отложил до получения дополнительной информации. В идеале — до проведения всестороннего исследования.

Нож с трудом пилил неподатливую плоть — приходилось вкладывать силу и массу тела в каждое движение. Снятие каждой новой пластины — отдельная история мучений. Через пару минут я снова вспотел, как новобранец на первом марш-броске, и по локоть измазался в жидкостях зверя.

Впрочем, это было ожидаемое зло. Куда хуже другое: подобная варварская разделка буквально убивала мясо. Каждое повреждённое волокно, каждая вытекшая капля крови уносили драгоценную энергию. Я старался минимизировать потери, двигая ножом вдоль мышечных линий, срезая жилы и аккуратно отделяя мясо от костей. Но с инструментом каменного века сложновато достигнуть точности хирурга.

— Раз мы всё выяснили, может, поделишься товарищем шпагой? — наконец не выдержал я. Меня будто и не услышали. Пришлось повысить голос: — Мейв!

Крик помог. Женщина вздрогнула и рефлексивно вскинула оружие в защитную позицию. Секунда-другая ей потребовалась, чтобы осознать: это всего лишь я.

— Что? — переспросила она.

Я повторил.

Короткий миг колебания — и мне протянули шпагу.

Она уже попадала в мои руки, но особого интереса не вызывала: железка и железка. Прямой обоюдоострый клинок из хищно отполированной до блеска стали, с едва заметным долом по центру. Гарда — сложная корзина из переплетённых нитей. Перекрестье прямое, с двумя небольшими кольцами на концах. Рукоять плотно, виток к витку, обмотана светлой кожей. Единственное, что выбивалось из привычного по фильмам образа — это навершие в форме щита вместо стального шара. В свете разгоревшегося костра я разглядел на нём вырезанный дуб, оплетающий корнями меч. Учитывая тонкость работы — скорее всего, герб рода Харвуд.

Божественная сила в нём была, но какая-то слабая и неполноценная? Безвольная? Это ощущение сложно поддавалось описанию. Неудивительно, что при первом знакомстве я принял эту силу за остатки искусства самой Харвуд. Она и сейчас ощущалась как энергия Бога Войны — кровь, раскалённая сталь и алхимическая гарь.

Вооружившись клинком, я вернулся к разделке и почти нихрена не поменялось. Резать стало действительно легче, хотя до остроты скальпеля шпага всё равно не дотягивала. Тем не менее, это преимущество с лихвой компенсировалось длиной лезвия и неудобным для работы хватом. Клинок застревал между пластинами. Чтобы дотянуться до мест крепления остриём, приходилось изворачиваться и придерживать оружие за середину, иначе кончик начинал плясать во все стороны.

В общем, геморроя стало даже больше. Тем не менее, мучения того стоили: более глубокие и точные разрезы позволяли сохранять энергию.

— Ты можешь помочь моему брату? — раздался тихий голос Харвуд. — Моя семья уже всё перепробовала. Лучшие целители, лучшие алхимики Ему давали такие сокровища, которые мёртвого должны поднять. Мне сложно поверить, что человек способен управлять энергией Потока, но если это правда Ради брата я готова на всё.

Мне даже не требовалось смотреть на неё, чтобы почувствовать пристальный взгляд.

Рассчитывала ли она на успех всерьёз?

Маловероятно. Скорее всего, хваталась за любую соломинку, способную хотя бы в теории спасти её брата. Похвальная верность.

Ирония ситуации заключалась в том, что я, скорее всего, был единственным, кто мог ей помочь. Если в её брате осталось что спасать, достаточно Волей вытащить демона, и парень очнётся. Единственный фактор нестабильности заключался в контракте, но я не думаю, что он станет проблемой.

Казалось бы, вот оно — «Власть, которая и не снилась моему отцу».

И тем не менее я не торопился требовать полкоролевства, несметные богатства, руку и девственность (ха-ха!) Харвуд.

Почему?

Причин хватало.

Я даже самой Мейв доверял весьма условно, а уж её родителям — вообще ни на грош. Эти могли меня прирезать чисто затем, чтобы сраный бастард не отравлял дыханием воздух рядом с их любимой доченькой. Благодарность? Смешно. Оказанная услуга ничего не стоит.

Какой-нибудь дурачок мог понадеяться, что такой ценный актив (ха-ха!) захотят ввести в семью все могущественные люди королевства и начнут под меня подкладывать девушек до принцессы включительно. Но я прекрасно понимал: активом владеют. С ним не распивают чай — его выжимают досуха, а затем утилизируют, чтобы другим не достался. Что ценнее, один странный демонолог или целая армия? То-то и оно.

И даже если вдруг Харвуды окажутся святыми, меня обязательно прирежут их враги, друзья-соседи или же по приказу короля. Дохлый номер, короче.

О чем я тогда вообще думаю?

Лаборатория. Хорошее оборудование во все времена стоит дорого, и что-то мне подсказывает: у бастарда нет таких денег. Честно заработать? Я давно не верю в чудеса. Изобрети что-

нибудь? Украдут. Создать прибыльное предприятие? Обязательно попытаются отжать. Нет, если действовать стремительно, решительно, то рабочие варианты есть. Но это сколько времени придётся потратить непонятно на что?

Я учёный, а не бизнесмен. Мой путь — это познание мира, а не строительство производственных цепочек и сражение в торговых войнах, чтобы выяснить, чей кошелек толще.

Вопрос в том, как бы и рыбку съесть, и жопу сохранить в неприкосновенности. Попросить Харвуд держать подробности в тайне? Смешно.

— Не знаю, — наконец сказал я вслух, тщательно подбирая слова. — Сама видишь, я только сегодня узнал, что существуют какие-то запретные знания.

— Попробуй. Если нужно, род Харвуд готов обратиться к роду Элиас с официальной просьбой, — она запнулась, явно подыскивая верную формулировку. — Влияния отца хватит, чтобы получить для тебя королевское признание.

В груди вспыхнуло что-то тёплое, почти детское. Неужели я действительно смогу избавиться от клейма бастарда? Вот так просто? Одна услуга за мечту детства?..

Секундочку Что это за эмоции?

Ни о чём подобном Александр Васильев не мог мечтать хотя бы потому, что родился в законном браке, пусть и не в самой благополучной семье. И всё же радость была так сильна, что я едва не согласился, забыв обо всём на свете. Несложно догадаться, кому на самом деле принадлежали эти чувства. С каких пор они стали настолько сильными?

Я даже ничего не заметил! Так, пломбир или шоколад? Пломбир! Кошки или собаки? Кошки!..

Проклятье, а это вообще работает?! Вот нихрена не успокаивает!

— Это мой личный секрет, не вздумай его растрепать, — сказал я гораздо резче, чем планировал.

Она не обиделась. Ну, или сделала вид, что не обиделась. Лишь сухо кивнула.

— Я не из тех, кто разбалтывает чужие тайны.

Мне пришлось сделать несколько глубоких вдохов, чтобы успокоить бешеный стук сердца. Всё-таки осознание, что ты уже можешь быть совсем не ты, изрядно выбивает из колеи.

— Давай остановимся на том, что я подумаю, — негромко произнёс я. — Я бы хотел тебе помочь, но не готов ни перед кем светиться, включая твоего отца.

Она медленно кивнула.

— Понимаю. Никто в здравом уме не стал бы доверять маркизу Харвуд.

Серьёзно? Если это не прямое предупреждение, то я уже ничего не понимаю. Такое признание дорогого стоит.

Отдельно меня порадовало, что женщина не стала угрожать раскрыть секрет, если я не соглашусь вылечить её брата. Либо она человек чести, либо гениальная актриса.

— Давай отдохнём. Нам обоим не помешает восстановить силы.

— Хорошо, — покладисто согласилась Мейв.

Остаток вечера прошёл в тишине. Лишь буря продолжала бушевать снаружи, потрескивал костёр, да дождевая вода стекала куда-то вглубь пещеры — довольно широким потоком, кстати, почти ручьём. Я выбрал для лагеря высокую сторону прохода, но такими темпами мы рисковали проснуться уже посреди потопа. Зато стало понятно, почему такое удобное место пустовало.

Заниматься ничем не хотелось. Потянуло какой-то меланхолией. Вспомнились друзья, коллеги, ученики, незаконченные исследования. Как они там без меня?

Тем не менее, я заставил себя ещё раз сходить до зверя. С помощью шпаги мне удалось добраться до самых насыщенных энергией кусков: сердца, печени, глаз и мозгов. Лёд уже немного подтаял, но до последних всё равно едва доковырялся. Всю добычу аккуратно раз-

делал и зажарил на углях. Не уверен, что получилось вкусно, но питательно — точно. Глаза оставил в качестве конфеток.

Харвуд молча наблюдала. Понятия не имею, о чём она думала. Отсветы огня плясали на гордом профиле, рисуя дикую, но притягательную картину. И всё-таки что-то в её взгляде изменилось, словно она наконец увидела меня, Александра Искру, а не толстяка Вандэя.

Я не стал ничего говорить. Когда закончил с мясом, вернул ей шпагу. Она молча приняла её и принялась чистить кусочками мха. В это время я отошёл немного в сторону и в прохладном углублении оборудовал что-то вроде стойки для хранения мяса из нескольких камней. На них сложил приготовленный шашлык и закрыл нишу серым булыжником.

Потом соорудил себе лежак на противоположной от Харвуд стороне костра. Когда начал укладываться, женщина молча последовала моему примеру. По какой-то причине она совершенно спокойно отнеслась к отсутствию дозора. Подсознательно я ожидал, что сущность офицера потребует от неё выставить часового, распределить ночные часы. Но нет — легла и закрыла глаза. То ли доверяла, то ли решила, что сначала сожрут меня. А возможно, как и я, умела чувствовать угрозу даже во сне.

Лёжа на мягком мху, слушая шум дождя и ветра, сам не заметил, как закрыл глаза. Сознание погасло мягко, без сновидений. Только раз я вынырнул из темноты — где-то среди ночи — чтобы проверить костёр. Угли ещё тлели. За стенами пещеры всё так же шумел дождь. Харвуд дышала ровно, спокойно. Я подбросил веток и снова провалился в сон.

Утро началось со звука взрывов.

Глава 17

Просыпаться под грохот канонады — удовольствие сильно ниже среднего. Рефлексы пытаются заставить тело вскочить и приготовиться к бою, а десятки килограмм жира превращают все усилия в неуклюжие подёргивания. На мгновение я ощутил себя китом, выброшенным на берег — таким же беспомощным. Выбери этот момент демон для атаки, пожалуй, имел бы все шансы познакомиться с содержимым моей trebuхи. Переоценил я свои способности по отражению внезапной опасности. Вернее, не скорректировал их с учётом новых вводных.

Зато Харвуд стремительной тенью метнулась к выходу, сжимая в руке неизменную шпагу — она её даже во сне к себе прижимала. Слава Богу, что хотя бы в ножнах.

Я поспешил за ней, мысленно покрывая матом Вандэя и его лишний вес. Ну неужели так сложно не доводить себя до состояния сальной горы? После сна мышцы расслабились и не торопились возвращаться к нормальной работе. В прошлый раз я слегка повалялся в кровати, так что не обратил внимания на эту особенность тела. А зря.

Мир встретил ярким Красным Солнцем. Буря прошла мимо, на небе не осталось ни облачка. Пахло сыростью, землёй и чистотой — той самой, что бывает только после грозы.

Но не красоты природы привлекли моё внимание. А огромная, мать её, каракатица! Эта дура парила над лесом, а по её телу бегали маленькие фигурки. Если экстраполировать размеры, то от кончиков коротких щупалец до верхушки плавниковой каймы было метров триста!

Полупрозрачное, подсвеченное багровым сиянием прилива, тело усеивало множество наростов, похожих на древесные грибы. На них стояли дома? Куполообразные строения, где одной стеной служила спина каракатицы. Все вместе они образовывали полноценное поселение: канатные мосты всех размеров — дороги; светящиеся синие узоры на коже чудовища — фонари; свободное пространство на платформах — улицы; сотни суеящихся фигурок — жители. На таком расстоянии я не мог разобрать их видовой принадлежности, но логика подсказывала: они принадлежали кроаксам.

Раздался новый взрыв, над лесом поднялось облако густого зелёного дыма.

Присмотревшись, я разглядел на нижних наростах целые пирамиды желтоватых шаров, обвязанных сетками и верёвками. Вокруг них, словно муравьи, сновали жабомордые. Шары поменьше кидали, как гранаты, совсем большие катили минимум двое метателей. Именно последние взрывались, как увесистые авиационные бомбы.

От входа в пещеру было не разобрать, какая точка леса подверглась нападению, но именно в той стороне находился лагерь выживших с «Альбатроса». Вряд ли это совпадение.

— Рракт кроаксов. Я думала, мы серьёзно его ранили.

Мейв замолчала, что-то напряжённо обдумывая, после чего повернулась ко мне и решительно заявила.

— Нам нужно спешить.

— Куда? — опешил я.

Бум — над лесом поднялось новое облако то ли дыма, то ли яда. Посреди красно-чёрных оттенков Прилива оно выглядело чужеродно, будто ведро краски, которую пролили на холст, предназначенный для другой картины. Насыщенный цвет означал только одно: облако обладало собственным свечением.

— Туда, — подтвердила женщина мои худшие опасения. — Мы должны спасти твоего брата.

Вот уж чья судьба волновала меня в последнюю очередь.

— Серьёзно? Ты считаешь, что там кто-то выжил? — скептицизм в моём голосе можно было намазывать на хлеб вместо масла.

— Крест Умбрэ защитил лагерь от первой атаки, — уверенно заявила Харвуд. — Люди точно успели уйти в леса. Скорее всего, они разбились на отряды, чтобы запутать погоню. Шансы есть. Нужно идти.

Я снова посмотрел на парящую в воздухе хреновину. В нормальном мире она не могла существовать: слишком огромная, чтобы выдержать даже свой вес, не говоря уже о целом поселении на спине. Это определённо был зверь Потока. Я чувствовал его запах — рыба, озон и резкий, терпкий дух чернил.

Руки чесались изучить чудовище вдоль и поперёк, однако я здраво оценивал свои силы. Восьми зарядов в барабане и четырёх в запасе точно не хватит, чтобы перебить ту толпу, что носилась по его спине. А лягухам потребуется всего пара сеток, чтобы спеленать меня, несмотря ни на какую неуязвимость. Без шансов.

Было обидно терять ценный материал, особенно старину Вилли, но дерьмо случается. Найду новые образцы.

В общем, мой ответ был очевиден.

— Это глупо. Мы там ничем не поможем, только сдохнем без всякого смысла.

Лицо Мейв ожесточилось.

— Мой род веками стоял между людьми и нелюдью, — каждое слово звенело сталью. — Я тоже приносила клятву в храме, перед лицом своего Бога. То, что ты назвал «глупостью» — это честь рода Харвуд. Оставайся. Я пойду одна.

Её речь звучала возвышенно, благородно, пафосно. От неё так и веяло духом рыцарства. О чём говорить, если даже меня немного проняло? А ведь я прекрасно знал цену громким призывам. Возможно, где-то в начале апокалипсиса ещё были люди, которые жили подобными понятиями, но в конце у всех осталось одно лишь животное желание сохранить шкуру.

Сколько раз меня подставляли, продавали, пытались убить, отобрать результаты трудов? Сколько раз бросали на растерзание демонам? Не сосчитать. Первое время я ещё интересовался у этих людей, почему они так поступили. И все как один плакали, что во всём виноват мир. Время, говорили, сложное. Часто приплетали детей, семью, человечество в целом — мол, всё ради их выживания.

Жалкие.

В отличие от них, я никогда себя не оправдывал и честно признавал: думать нужно только о себе. Иначе не выжить.

— А разве ты не хотела спасти своего брата? — как бы между прочим поинтересовался у неё, почесывая пузо.

Грязный приём? Ещё какой. Зато, судя по растеряннo-обиженной мордашке, весьма действенный.

— Нет-нет, я тебя не отговариваю, — улыбнулся я, продемонстрировав открытые ладони. — Но если ты погибнешь, то с моей стороны было бы глупо пробираться во владения твоего рода, чтобы оценить его состояние. Прости, я не такой благородный человек, как ты.

Она застыла с немой болью в глазах. Я практически видел, как два мира сталкиваются в её внутреннем мире, и разлетаются вдребезги. Было ли мне стыдно? Ничуть. Она переживёт. Нет никакой трагедии в том, чтобы ставить личные интересы выше общественных.

Наконец она опустила голову, пряча взгляд.

— И что ты предлагаешь? — раздался тихий голос.

— Для начала мы позавтракаем, потом приведём себя в порядок и подумаем, как добраться до ближайшего города, — с моего лица не сходила доброжелательная улыбка.

— Это невозможно, — покачала головой Мейв. — Мы на Зелёном Архипелаге, корабли стараются сюда не приближаться. Единственный шанс выбраться — это маяк, чтобы нас подобрали остатки торговой флотилии или спасательное судно, которое отправил твой отец.

Моя улыбка поугасла.

- Совсем никого? Разведём сигнальный костёр или типа того.
- Не получится. Нелюдей здесь в разы больше, чем кораблей королевства.
- Сделаем плот или лодку?
- Ты умеешь строить летающие корабли? — удивлённо посмотрела Мейв.

На языке так и крутилось: «Да почему летающих? Обычных!» Едва сдержался. Чувствовался в её вопросе определённый подтекст, понятный любому местному, но не мне. Происходящее в целом начинало дурно пованивать.

— Нет. Я думал, что ты умеешь.

— Откуда бы? — в её голосе мелькнуло искреннее недоумение. — Я воин из рода воинов. Строительство кораблей — это удел механиков. Но даже среди них только лучшие способны создать летающее судно в одиночку. Да и то только при наличии редких ресурсов, которых у нас нет.

— Как-то я не подумал

Мне безумно хотелось узнать, какого хрена все здесь передвигаются только на летающих кораблях. Увы, такой вопрос выдал бы мою иномирную сущность с головой. Хотя ответ, если подумать, был очевиден: все перемещались на летающих кораблях, потому что мы находились на летающих, мать их, островах!

Подите-ка, это нихрена не очевидно! Снова проснулась память Вандея — да ещё с такой лёгкостью, что становилось реально не по себе. Граница между нами стиралась с каждым часом. И я не то что остановить — я даже заметить этот процесс не мог.

Плохо ли это? Уж точно нихрена не здорово. Но факты — упрямая штука. Слияние наших личностей произойдёт. Мне просто не хватит времени, знаний и ресурсов, чтобы его отменить — остаётся ждать и купировать самые серьёзные последствия. Привычки, речь, воспоминания — это всё ерунда. Главное, чтобы внутренняя суть осталась прежней. Например, тяга к знаниям.

Прислушался к себе.

Пока всё было в порядке: новая информация заинтересовала больше, чем встревожила перспектива слияния. К тому же, кажется, я нащупал путь к памяти Вандея.

Сосредоточившись, попытался вспомнить о том, где нахожусь и бинго!

Зелёный архипелаг — это группа летающих островов в воздушном, мать его, море Жалящих Ветров! Впрочем, местные не утруждали себя уточнением таких нюансов: других морей они не знали. Для них любой замкнутый водоём — это озеро, и не имело ни малейшего значения, насколько он большой. Море и океан — это пространство за границей острова, наполненное энергией Потока. Если задуматься, это была довольно логичная система.

Что касается архипелага, то на нём обитали лишь разномастные ядовитые твари и демоны, а все разумные обитатели мира предпочитали избегать этих мест. Однако мимо пролегало могучее течение Потока, которым издавна пользовались мореплаватели, и окрестные племена нелюдей полюбили нападать в местном небе на торговые флотилии.

Собственно, в такую засаду и угодил «Альбатрос». Капитан попытался избежать абордажа, отклонился с курса, начался Прилив — и вот результат. Символично, что и он, и его корабль нашли последнее пристанище на одной земле.

А вот мне что с этим делать?

Непонятно.

Выходит, Мейв была права, и самый надёжный способ выбраться из этой дыры — раздобыть маяк?

— Мы пойдём за ним? — раздался женский голос, сбивая меня с мысли.

Я что, снова заговорил сам с собой? Хреново. В лаборатории эта привычка не мешала, но здесь, в другом мире, одна неосторожная фраза могла обернуться реальными проблемами. Нужно бы получше следить за языком.

— Нет, конечно, — сказал я вслух, качая головой. — В прошлый раз мы едва от пяти лягухов ноги унесли, а сейчас их там несколько сотен плюс летающая дура. Ты сильно себя переоцениваешь, если всерьёз считаешь на что-то повлиять. Этим людям, включая моего любимого братишку, либо суждено выжить, либо нет. Иного не дано.

Мейв недовольно скривилась, но возражать не стала. Значит, не до конца потеряла связь с реальностью — и на том спасибо.

Каракатица продолжала нарезать круги над лесом, иногда снижаясь и забрасывая определённые участки бомбами. Судя по цикличности, людям каким-то образом удавалось раз за разом ускользать. Ну какой-то их части, как минимум.

Несмотря на это, мой интерес к происходящему снижался по экспоненте: в кинотеатре крутили одну и ту же картинку, а время утекало как вода сквозь пальцы. Да и организм начал подавать однозначные физиологические сигналы.

— Не знаю как ты, а я умираю с голоду.

— Они ещё живы. Если повезёт, смогут уйти, — напряжённым тоном ответила женщина, не отрывая взгляда от происходящего.

На мой взгляд, такой исход выглядел маловероятно. У противника имелось численное превосходство и наблюдение с воздуха; густой лес мог помочь, но не против площадной бомбардировки. Чтобы выжить при таких вводных, нужно быть минимум Рэмбо. Причём тем, который показан в четвёртом фильме — мастером партизанской войны.

— Я-ясненько, — с едва читаемой насмешкой протянул я. — Дай знать, если мой братец забьётся в какую-нибудь дыру.

— Хорошо.

Вопреки собственным словам, первым делом я направился к реке: там, неподалёку от воды, как раз росли одни удобные кустики. Они отлично подходили для моей цели — всё не лопухом подтираться.

Да и утолить жажду совсем не помешает. Пить, кстати, хотелось жутко: сочетание солнца и влажности создавало эффект сауны. Я даже хотел вернуться за ботфортами, чтобы и женщине принести свежий воды, но не стал разворачиваться на полпути. К тому же, она уже большая девочка, бегаёт тоже весьма бодро — сходит за водой и самостоятельно.

Однако стоило показаться знакомым камням, как я осознал всю боль бытия. Ещё вчера кристально чистая речка после ночного ливня превратилась в мутный бурлящий поток.

— Мда, об этом я не подумал, — буркнул я себе под нос.

Кустики всё-таки посетил. Удачно.

Чтобы придать хоть какой-то смысл этой прогулке, решил проверить одежду — поднялся выше по течению, нашёл приметный камень и полез в воду.

Ну, что сказать? Результат совершенно точно присутствовал: большая часть маслянистой плёнки исчезла, остались только отдельные пятна в труднодоступных местах. Пройтись разок другой смесью золы и песка, прополоскать, просушить на солнце — и можно носить Наверное.

Моя одежда уже больше напоминала костюм модного бомжа, чем наряд порядочного аристократа. Особенно выделялась рваная дыра на спине. И где я успел её заполучить?

Одежда Харвуд выглядела гораздо лучше по крайней мере, те части, которые уцелели после экстренного раздевания. Интересно, если бы женщина знала, что ей придётся бежать на помощь морякам с голой жопой, она бы сохранила свой энтузиазм? Пожалуй, не стану ей пока говорить. Пусть будет сюрприз.

Снова придавив одежду камнями, я вернулся к стоянке. Хотел утолить жажду водой из ботфорта, но вспомнил, как Харвуд перед сном вылила остатки, чтобы обувь не испортилась. Ножны она тоже опорожнила. Хозяюшка

Сглотнув вязкую слюну, переключился на костёр. За ночь угли полностью прогорели, так что золы внутри хватало. Осталось придумать, как её достать. Черпать горстями? Неудобно, неэффективно, грязно.

В итоге я разобрал одну из стен очага и, вооружившись веточкой с листьями, собрал целую горку относительно чистой серой пыли: все более-менее крупные куски угля пришлось вытащить.

Харвуд явилась довольная, как слон.

— Они скрылись, — гордым тоном сообщила она.

— С чего ты так решила? — скептически поинтересовался я, прикидывая, куда собрать золу.

— Рракт до сих пор летает над лесом. Значит, жабомордые кого-то ищут.

— Слабо верится, что они могли потерять целый отряд, — негромко произнёс я. — Может, кого-то из своих ищут? Или что-то ценное заметили?

Женщина упрямо скрестила руки на груди.

— Лорд Элиас наверняка снабдил старшего сына мощным артефактом или механизмом на случай неприятностей.

— Вот как, — хмыкнул я.

Сначала хотел спросить, почему ничего подобного не выдали Вандею, затем вспомнил про его статус бастарда и закрыл рот. Вместо этого задал другой вопрос:

— Поняла, где их искать?

Она молча покачала головой.

Это было неприятно. Если корабль прилетит за братом в ближайшее время, я могу надолго застрять на этом острове. И тогда придётся искать альтернативный способ выбраться. В принципе, если взять время на подготовку, изучить биологию кроаксов, то можно захватить и их здоровенную дуру. Вопрос в том, сколько времени это займёт. Где-то там меня ждёт целый мир, не хочу я носиться по лесам, как вьетнамский партизан.

Пока замышлял, механически достал из тайника четыре палочки с мясом, половину отдал Харвуд. Женщина протянула руку, чтобы взять свою порцию, и в этот момент повязка из мха предательски развалилась.

Повисла немая пауза.

Не стану врать, будто смотрел исключительно в глаза. Оценил, да. Мельком. Не потому что охренеть какой джентльмен, а по причине того, что процессы сверху происходили гораздо более интересно. Сисек я видел много. А вот женщина, закипающая на глазах — такое нечасто встретишь.

— Отвернись!

— Зачем? — ухмыльнулся я. — Мне и так неплохо. Хочешь — сама отворачивайся.

Её глаза вспыхнули багровым, а на лице возникло сложное, оценивающее выражение. На секунду показалось, что сейчас обе ветки с шашлыком мне засунут так глубоко, что не каждый хирург достанет. Но нет — женщина резко отвернулась.

— Где моя одежда?

— На речке. Сейчас поедем и пойдём за ней, — ответил я.

А про себя решил, что сюрприз со штанами ещё немного подождёт.

Глава 18

Ели молча, сосредоточенно. Вчера, во второй заход, я намеренно сделал небольшие куски, чтобы в случае необходимости глотать их без задержки. Из-за такого подхода энергии в мясе стало меньше. Зато — не придётся нарезать его перед врагом. Тем более, что демоны вряд ли станут терпеливо ждать, пока я закончу.

Не знаю, о чём думала в эти минуты Мейв, а моё внимание полностью занимал анализ собственного тела.

За ночь почти все искры Потока окончательно перекочевали в кости: изменениям подверглись примерно пять процентов скелета — сложно сказать точнее. В мышцах их и вовсе не осталось, так что усиление сошло на нет. Видимо, за этим и крылась настоящая причина утренней слабости: за время сна пассивное усиление сошло на нет.

Какую пользу Поток принёс костям, проверить я очевидно не мог. Если следовать логике, то они должны стать прочнее. Но как это проверить? Отрубить мизинец?

Можно. Благо нож под рукой.

Из-за упражнений в правой кисти ощутимо больше энергии, чем в левой. Если моя гипотеза верна, то отрубить мизинец на ней почти в два раза труднее, чем на другой.

Я потянулся к поясу

— Ты там скоро? — раздался голос Мейв.

Вздвогнув, я пришёл в себя. Опять увлёкся и забыл, что рядом кто-то есть. А Харвуд не только прикончила свой шашлык, но и соорудила новую повязку из мха. Это какая-то особая женская магия? Плетение из мха? До сих пор не понимаю, как эта штука держится и не рассыпается.

Нож я всё-таки достал, но вместо проверки костей на прочность поддел им кусок мяса и отправил в рот. В отличие от Мейв, у меня его осталось ещё больше половины.

— Ага, сейчас. Ты пока золы собери.

Довольной женщина не выглядела, но молча пошла к очагу. Я же сосредоточился на шашлыке. Эксперименты с костями отложил до тех пор, пока не останусь один. Как ни крути, намеренное членовредительство — серьёзное отклонение, которое у нормальных людей вызывает однозначную реакцию. Мейв и так поглядывала на меня с подозрением, когда думала, что я не вижу. Не стоит разрушать образа Вандэя ещё сильнее.

С каждым куском всё больше энергии Потока растекалось по телу. Мышцы отзывались приятным теплом, в голову ударил всплеск бодрости. И это при том, что мы ели обычное мясо с хвоста, а не самые ценные куски вроде сердца.

— Расскажи пока о маяке, — попросил я.

— Что именно ты хочешь знать? Обычный маяк спасения, — фыркнула Харвуд, нетерпеливо притопывая ногой.

— Раз так, начни по порядку: у кого он хранится? Как выглядит? Почему за нами до сих пор никто не прилетел, раз есть такая полезная штука? Может, их и ждать не стоит в таком случае?

— Обычно его носит капитан, — неохотно ответила Мейв. По тону стало понятно: ей совершенно не хочется объяснять очевидные вещи, и лишь чувство долга не позволяет послать меня. — Перед смертью он передал его твоему брату. Думаю, маяк и сейчас у него. Выглядит как серебряный шар размером с грецкий орех, покрытый рунами. После активации начинает притягивать другие такие же артефакты. А почему до сих пор не прилетели

Мейв замолчала, проглотив окончание фразы. По глазам я видел: она знает ответ, и он ей не нравится.

— Угу-угу, — поощрительно промычал я с набитым ртом.

— С ними что-то случилось, очевидно же, — раздражённо фыркнула Харвуд.

Я могучим усилием проглотил мясо и поинтересовался:

— Выходит, никакой подмоги может и не быть?

— Конечно, она есть, — вскинулась женщина, прожигая меня взглядом. — Они просто сражаются: сначала жабомордые налетели, затем Прилив начался. Как только ситуация позволит, за нами тут же отправят корабль.

— Или они все того. — Я изобразил верёвочную петлю на шее.

— Чушь не неси! — взорвалась Харвуд. — Поел? Идём за одеждой.

И, не дожидаясь моего ответа, развернулась и покинула пещеру.

Я проводил подтянутую задницу задумчивым взглядом: с чего она вдруг так завелась? Может, у неё кто-то остался на одном из кораблей? Возлюбленный, например. Было бы неприятно.

Пока это не мешает моим планам, по большому счёту, можно и наплевать. Но кто знает, как повернётся дальше? Не выболтает ли она этому человеку все мои секреты? Без злого умысла — просто потому что доверяет.

А если никто не появится, не начнёт ли она чудить?

Вопросы, вопросы Жаль, что нельзя спросить прямо, так как Вандэй, скорее всего, знал такие вещи.

Схватив палочку с жареным на костре мозгом, я бросился за Харвуд.

— погоди! Только не говори, что ты присмотрела себе молоденького юнгу на другом корабле!

Острый взгляд, сжатые губы и рука на рукояти шпаги, стиснутая до побелевших костяшек — кажется, лэри не понравилась моя шутка. На секунду я даже подумал, что перегнул палку. Всё-таки моё чувство юмора пришло из куда более развитого и открытого века, а здесь царили другие нормы.

— Это тебя не касается, — процедила Харвуд.

А я с грустью осознал: ну точно мужик.

— Примите мои извинения, лэри. Шутка получилась неуместной и недостойной, — автоматически включился язык Вандэя.

— Принимаю ваши извинения, — ответила женщина, но глаза выдавали: она всё ещё злится.

До реки шли молча.

По дороге я заметил растение с широкими толстыми листьями и сорвал один. Пришлось помучиться, чтобы соорудить нечто вроде конверта: края отказывались держать форму, так и норовили развернуться обратно в гладкую пластину. Пришлось использовать тонкую веточку как зажим. Старался не зря: вещь получилась крепкая. Да и шашлык поместился без проблем. Теперь, если понадобится, я мог положить его на землю.

Над лесом кружила гигантская каракатица. К счастью, её интересовал край острова, довольно далеко от нашей сопки, и мы могли передвигаться относительно свободно. Но я не расслаблялся: если у жабомородных есть хотя бы подзорная труба, они могли заметить нас и на таком расстоянии. В этом смысле берег речки — открытый и контрастный — представлял особую опасность.

— Здесь, — сообщил я.

С каждой выуженной из воды вещью лицо Харвуд мрачнело. Когда я закончил и пошёл к берегу, её подозрения достигли пика.

— Где. Мои. Штаны, — задала она вопрос, чеканя каждое слово.

— Понимаешь, — мой взгляд вильнул в сторону, — время шло на секунды, а они засели намертво

— Что. Ты. Сделал?

— Срезал, — сознался я.

Её глаза превратились в узкие щели, в воздухе отчётливо запахло выяснением отношений.

Выслушивать женские претензии я не собирался и ударил на опережение:

— Твоя жизнь висела на волоске, что мне оставалось делать? Вежливо попросить твою задницу подвинуться и отдать штаны? Она была не в том состоянии, чтобы договариваться.

Вспыхнувшая сила Бога Войны сделала взгляд женщины пугающе неподвижным. Будто на меня смотрел не человек, а оружие.

Кажется, мою иронию снова не оценили

— Я не собираюсь ходить без штанов, — прошипела Харвуд.

— И что ты мне предлагаешь? Найти тебе магазин в лесу? Сшить штаны из берёзовой коры? — едко поинтересовался я.

Чтобы не сорваться, пришлось сделать небольшую паузу: подышать, посмотреть на небо, на текущую воду. Правда, Прилив и то и другое делал не особо привлекательным.

Выдохнув, я добавил:

— Прекрати истерику, у нас есть настоящие проблемы.

Она вскинула подбородок и наши взгляды столкнулись.

Мы напоминали двух львов, которые не поделили добычу и теперь выясняли, у кого яйца больше.

Воздух буквально звенел от взаимного раздражения.

И всё же, несколько секунд, она отвела взгляд вниз, на мою одежду.

— Ходи в кальсонах, а я заберу твои штаны, — выдвинула требование Мейв.

— Это глупо: в них двое таких как ты поместятся. И это только в одну штанину, — не согласился я.

На лице женщины появилась предвкушающая улыбка.

— Значит, вопрос только в размере? Это решаемо.

В эту секунду у меня задёргался глаз. В любом случае, я не собирался сдаваться и отдавать ей свои вещи

В итоге она забрала рубашку.

Учитывая объёмы Вандэя, Харвуд могла завернуться в неё полностью. Устроило ли её это? Конечно, нет. С помощью шпаги и ремня она превратила рубашку в длинную юбку с разрезом до верха бедра. Не знаю, как ей это удалось, но результат выглядел удивительно стильно для исходного материала. И носила она получившееся одеяние с такой гордостью и торжеством во взгляде, будто шкуру собственноручного убитого льва, не меньше.

Мне же оставалось утешать себя мыслью, что от рубашки всё равно остались сущие лохмотья. Сюртук, конечно, недалеко от неё ушёл, но его хотя бы не драл демон.

Правда, мне никак не удавалось отделаться от мысли, что в пиджаке на голое тело я напоминаю стриптизёра ну, для специфической публики, учитывая габариты.

— Что дальше? — изрядно повеселевшим голосом поинтересовалась Мейв.

— Сделаем ёмкость для воды, — хмуро ответил я, оттирая штаны смесью золы и песка.

Каким-то образом женщина успела сделать юбку, отстирать вещи и починить корсет, сделав из обрывков моей рубашки подобие плетёного шнура — и всё это за то же время, за которое я с горем пополам оттёр сюртук. Как? На язык так и напрашивается сексистская шуточка, но для юмора я слишком задолбался.

— Зачем? — нахмурилась Харвуд. — Мы здесь не задержимся.

— Я в этом не так уверен, — хмыкнул я, задумчиво изучая пятно на штанах в районе задницы. Почему-то оно упорно отказывалось отстирываться.

Женщина нахмурилась.

— О чём ты? Нам нужно найти маяк, дожидаться помощи и убраться отсюда. Всё.

— Ну да, ты права, — пробормотал я, с силой втирая золу в ткань. — Вот только в реальности дела редко развиваются по идеальному сценарию — обязательно вылезет какая-нибудь херня. И мой опыт подсказывает, что лучше бы её встречать подготовленным, а не с голой жопой.

С этими словами я сунул штаны в воду и принялся остервенело их полоскать. Про себя решил, что это точно последний раз. Плевать мне на внешний вид. Не знаю, откуда взялось это пятно, но вряд ли из-за яда. А если и «да», то он всяко утратил опасность после моих издевательств.

— Зачем нам ёмкость, если рядом река? — возразила Мейв.

— Если нас начнут искать жабомордые, река станет недоступна, — пояснил я и поднял штаны. Само собой, пятно никуда не исчезло. — Отвернись, если не готова созерцать меня голым. А лучше найди поваленный ствол — нам нужен достаточно большой, недавно упавший: сухой заботаемся долбить.

Раздался гордый фырк и звук удаляющихся шагов.

Стянув заляпанные ядом кальсоны, я зашёл в реку и принялся мыться, используя остатки зольно-песковой смеси. Кожа от такого издеательства мгновенно покраснела и неприятно зазудела. Зато вонь грязного тела пошла на спад.

Только несколько раз ополоснувшись, я вышел на берег.

Штаны, конечно, ни капли не просохли — натянул так. К своему ножу, револьверу и кошельку на поясе добавил полноценный кинжал Мейв; надел сюртук, почесал почти безволосую грудь и почувствовал себя почти человеком. На портянки пустил очередные остатки рубашки (хоть какая-то польза от объемов Вандэя). Кальсоны без долгих раздумий сунул в воду и придавил камнем.

Первым о неприятностях засигнализировало чутьё: обоняния коснулся удушливый запах крови, гнили и раскалённой стали. Затем раздался треск — сухой, нарастающий, переходящий в тяжёлый удар. Обернувшись, я увидел, как к земле кренится здоровенное дерево. Как раз в той стороне, куда ушла Мейв.

Ну конечно! Чего я ещё ожидал? У этой женщины настоящий талант находить неприятности на свою задницу. Даже не представляю, как она дожила до своего возраста.

Сжав револьвер, я пригнулся и бросился вниз по склону. Штаны неприятно цеплялись за кусты. Камни, прикрытые мхом и сухими листьями, так и норовили вывернуться из-под стопы. За очередным деревом я увидел фигуру Харвуд и остановился, выискивая опасность.

Женщина тоже меня увидела.

— Я сделала! — раздался крик. — Подойдёт? Свежее некуда!

И ткнула пальцем в поваленный ствол толщиной с Вандэя.

Секундочку Она его только что срубила? То есть разделять шпагой зверя — это оскорбляет память брата, а использовать её вместо бензопилы — вполне допустимо? Прелестно.

Выдохнув, я вернул револьвер на пояс и направился к ней.

— Отличное дерево. И срублено мастерски, — сообщил я, и она гордо улыбнулась. — Продолжай в том же духе. Для начала отдели вот этот участок, — очертил пальцем примерно полутораметровый отрезок, — срежь ветки, раздели пополам и вытащи сердцевину. Должны получиться два корыта. Их хватит на первое время.

С каждым произнесённым словом её глаза раскрывались всё шире и шире.

— Ты издеваешься?

— Нет, конечно. Раз в тебе открылся дар дровосека, нужно использовать его на полную, — ответил я с серьёзным лицом.

Харвуд рубила дерево с таким выражением, будто представляла на его месте меня — сосредоточенно и ожесточённо. Во все стороны летели щепки, трещала древесина, пылала энергия Бога Войны. Каждый взмах заставлял воздух стонать и разгонял запах пиленого леса.

На всякий случай я отошёл подальше — вдруг у неё рука дрогнет. Как-то недобро она на меня поглядывала.

— Готово, — сказала она, когда корыта приобрели примерные очертания.

На мой взгляд, работы была далека от завершения. Но, оценив состояние женщины, я решил не настаивать.

— Чудненько. Если не собираешься оставлять на них автограф мастера, то берём по одному и тащим на стоянку.

Мейв замерла, сверля меня взглядом; затем медленно вложила шпагу в ножны, и божественная сила угасла. Молча подняв ближайшее корыто, она закинула его на спину и пошла в сторону пещеры.

Я взял другое и последовал за ней.

Мне всегда нравилось бесить людей. Было в этом что-то почти научное: вбрасываешь раздражитель, наблюдаешь за реакцией, фиксируешь данные и делаешь выводы. Достаточно пробить самоконтроль, и человек показывает своё настоящее лицо. Особенно хорошо это работает с теми, кто считает себя выше по положению. Как Харвуд, например.

Её, кстати, сложно прочитать. Кто-то явно хорошо постарался, чтобы устранить непроизвольные реакции. Это и есть аристократическое воспитание?

Корыта отлично встали неподалёку от мясного шкафа. Чтобы их наполнить, мы потратили почти двадцать минут.

— Надеюсь, это всё? Мы не станем строить укрепления? Ловушки? Рыть колодец? — проворчала Мейв, присев на плоский камень рядом со входом.

— Конечно нет, — ответил я. — Хотя-я

— У тебя отвратительное чувство юмора, — нахмурилась она.

— Да, мне говорили, — согласился я и отряхнул штаны. — Раз тебе не нравятся мои шутки, давай серьёзно. Нам нужно проверить пещеру. Зверь Костей Земли пришёл откуда-то из глубины, и лично я сомневаюсь, что он зашёл через этот вход. Значит, в пещеру можно попасть другим путём. И покинуть, кстати, тоже. Нам не мешает такая возможность.

— А затем мы отправимся к маяку?

— Посмотрим по ситуации.

Нищему собраться — только подпоясаться. Мы с Мейв недалеко ушли от этой истины. Изначально я хотел соорудить несколько факелов, но Харвуд наотрез отказалась сдирать с деревьев кору, пока я пытаюсь добыть из мёртвой туши животный жир. Вместо этого она вытащила шпагу и вновь воззвала к своему Богу. Багровые всполохи вполне уверенно разогнали темноту.

— А ты удивительно полезная, — уважительно кивнул я. — И факел, и дровосек, и стираешь, как потомственная прачка.

Её почему-то мой комплимент не обрадовал. Этих женщин не понять: ничего не говоришь — плохо, хвалишь — нос кривит. Эх

Перед выходом мы перекусили всё тем же мясом, запивая его отстоянной водой. Заодно я сделал ещё два конверта с мясом — мало ли что.

Когда ходил, использовал «Сохранение обзора» при свете дня и, вернувшись, оценил, насколько это удобно: никаких дрожащих теней, никакого чада от факела — всё вокруг чёткое и понятное, как при свете дня. Правда, с раздражающим красными оттенками Прилива.

Зачем я тогда вообще думал о факелах?

Во-первых, они требовались Харвуд. Во всех смыслах: и чтобы ориентироваться, и чтобы не задавать глупых вопросов, почему я так хорошо вижу в темноте.

Во-вторых, на мне уже висело «Сохранение температуры, концентрации и равновесия». Вполне могла возникнуть ситуация, когда придётся сбрасывать часть «Сохранений» ради чего-то мощного. Не хотелось бы после этого остаться в темноте.

Наконец мы со всем закончили и двинулись вглубь пещеры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.